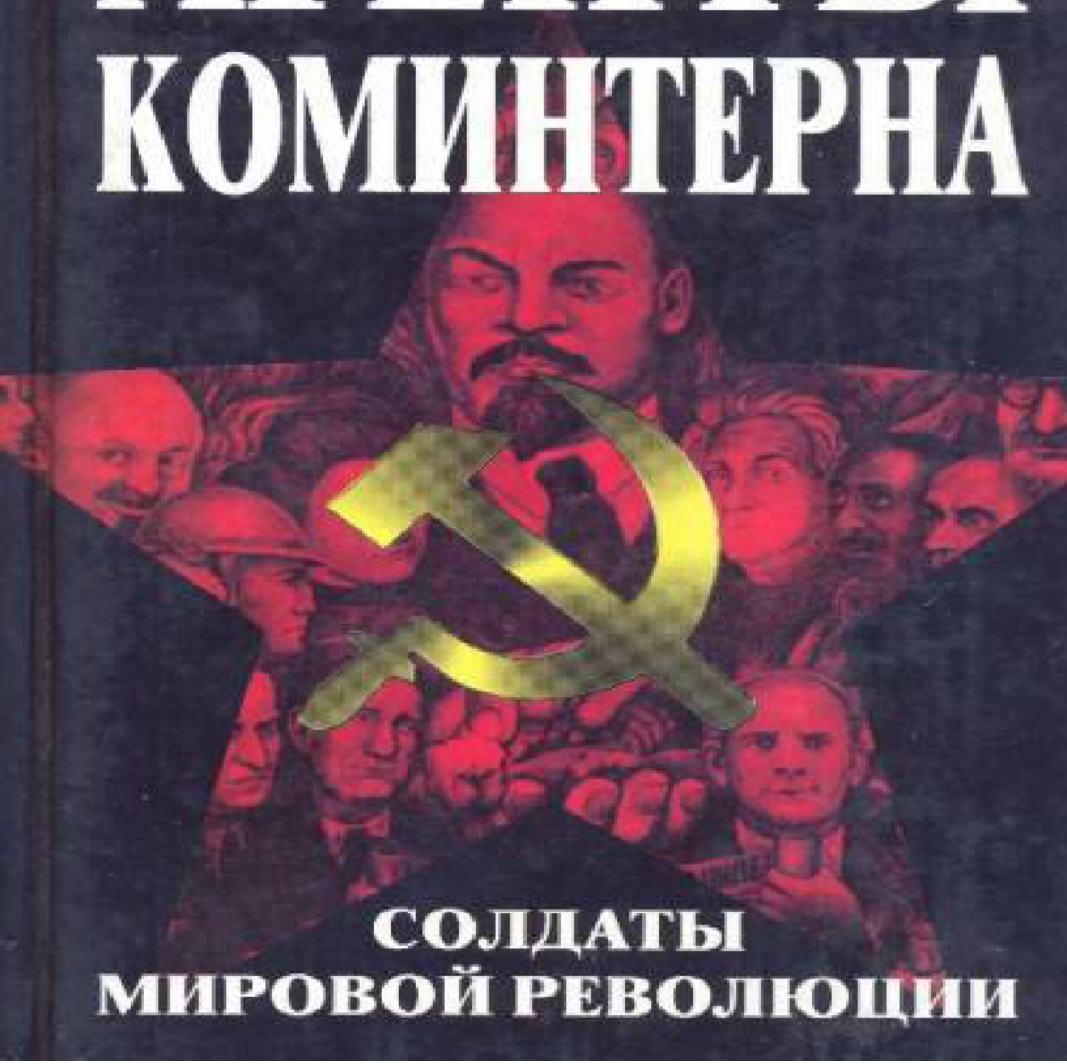
Михаил Пантелеев

АГЕНТЫ КОМИНТЕРНА



СОЛДАТЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Михаил Пантелеев. Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции.

В данной книге содержатся биографии представителей Коминтерна во Франции, последовательно сменявших друг друга в 1919–1926 годах: А. Абрамовича, Ст. Иванова, В. Деготя, А. Гуральского, Б. Михайлова. Их судьбы известны лишь узким специалистам, а Борис Михайлов неизвестен и последним. В качестве источника использовались в основном архивные материалы, закрытые до самого последнего времени. Изложения биографий пяти коминтерновцев прослеживаются с поры юности и до смерти. А ведь ареной их деятельности, кроме Франции, было огромное пространство от Нью-Йорка до Шанхая! И всегда под чужими фамилиями, нелегально, нередко в контакте со спецслужбами.

«Борцы за светлое будущее», они были разными, различным оказался и конец их пути. Кто-то умер персональным пенсионером, кто-то — вскоре по выходе из мест заключения, а Борис Михайлов — и вовсе в лагерном бараке.

В качестве приложения в книге публикуется часть брошюры председателя Исполкома Коминтерна Г. Зиновьева «Признание России и политика Коминтерна». По известным причинам она никогда не переиздавалась.

- Михаил Пантелеев. Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции
- ПРЕДИСЛОВИЕ
- КОМИНТЕРН И СУДЬБЫ АППАРАТЧИКОВ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
- ПРИЛОЖЕНИЯ
  - Приложение 1
  - Приложение 2
  - Приложение 3
    -
    - ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ
      - О признании России де-юре
      - Положение в Англии

        - Положение во Франции
        - Италия и Норвегия
        - Вопрос о размерах уступок
    - ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА
        -
        - Германский вопрос
        - Германская компартия сейчас
        - Тактика единого фронта
        - Итоги
        - Уроки германских событий и тактика единого фронта[334]
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31

- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75

- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119

- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163

- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207

- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251

- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295

- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334

Михаил Пантелеев. Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции

Деду моему, Александру Сергеевичу, посвящаю…

Это загадка, упрятанная в тайну, которая находится в самой глубине секрета.
У. Черчилль, из радиовыступления 1 октября 1939 года

История превращается в манихейство, когда она стимулирует мечту и оправдывает чувства.
Андре Мальро

Время однажды догонит того, кто некогда опередил свое время.
Людвиг Витгенштейн

III Интернационал

Пусть взвизгивают на рубежах пули —
Сбрасывайте хмурых дум груз!..
Сегодня покроем Будни улиц
Лазурью праздничных блуз…
Земля! Не довольно ли стонала
Грудью загрубелой в оковах?
Молотом Интернационала
Бей в рабскую седину веков!
Сжигай вулканами восстаний
Гниль, Страх, Лень, Сонь…
На полдороге не встанет, не встанет
Революций огненное колесо!..
А вы, мечтающие о Христе,

Разбивающие у икон лбы,
Разве не видите: это он на кресте
Борьбы…
Слышите: трубами бурь кличет
Над голодом и болью воспаленных ран:
— Взрывайте троны Их Величеств,
Пролетарии всех стран!..
Разрушим Старое и на его костях
Мозолистым Октябрем
Мирового Совдепа стяг
Взметнем!..

Сергей Обрадович. 1920

Образы людей Коминтерна в последние годы претерпели кардинальное изменение. Если в советское время их рисовали «рыцарями без страха и упрека», то теперь большинство публицистов видит в них либо авантюристов без роду и племени, либо слепых фанатиков, бездумно бросавших деньги в костер мировой революции в условиях общероссийского голода. Но так ли уж верны обобщения? Конечно, среди 11 тысяч прошедших через аппарат Коминтерна, были и те, и другие. Были и просто бюрократы, рутинно выполнявшие указания «вождей» и интересовавшиеся лишь зарплатой и пайками. Но было немало и иных — людей, разумеется, а не икон. Тех, которые мыслили в рамках, может быть, странной для сегодняшнего дня парадигмы, но которые отличались и критическим умом, и способностью отстаивать свои взгляды. Но главное — как это ни парадоксально, — борцы за мировую революцию в конечном счете, сами того не осознавая, трудились на благо России. Ведь штаб революции находился в Москве, а Россия являлась революционной базой. И, воплощая словом и делом ленинские идеи, люди Коминтерна укрепляли позиции России в мире. О некоторых из них — настоящая книга.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История любой организации немыслима без биографий ее возглавлявших и обеспечивавших функционирование людей. Если первые, оставаясь на виду у современников, уже одним этим фактом обеспечили место в анналах истории, то жизненный путь «аппаратчиков» чаще всего бывает скрыт от глаз общественности, а потому и реже воспроизводится в трудах историков. Тем более это справедливо для организаций, действовавших секретно, часто в условиях нелегальности.

Возможности для создания подлинно научных биографий «людей Коминтерна» — этой всемирной организации, ставившей целью установление революционным путем глобальной коммунистической системы, — появились лишь со времени открытия бывших архивов ЦК КПСС в Москве. С тех пор число публикаций по данному сюжету в России и других странах постоянно растет[1].

Вниманию читателей предлагаются пять биографий официальных эмиссаров Исполкома Коммунистического интернационала (ИККИ) во Франции: начиная с Александра Абрамовича, первым на длительный срок прибывшего в страну, и кончая Борисом Михайловым, завершившим свою деятельность в 1926 году. Все они в период работы в аппарате Коминтерна имели советское гражданство, за исключением болгарина-апатрида Стояна Иванова, который его получил лишь в 1945 году. Кроме них, еще два человека в рассматриваемый период выполняли во Франции роль «Ока Москвы»: швейцарец Жюль Эмбер-Дро и венгр Матиас Ракоши. Однако жизнь и деятельность «пастора» из Шо-де-Фон достаточно подробно описана в его трехтомных мемуарах, остается лишь хотя бы частично их перевести, а биография М. Ракоши (1892–1971), проведшего 15 лет в хортистских застенках, а после войны ставшего в силу слепой верности И. Сталину генеральным секретарем Коммунистической партии Венгрии, требует отдельного исследования.

Кроме указанных лиц, еще около полусотни в этот период посещали Францию по заданию ИККИ. Но их функции были либо строго ограниченными (передача денег, налаживание издательского процесса, связь), либо связанными с конкретными мероприятиями (присутствие на съездах и пленумах ФКП, пропагандистские акции, например в период оккупации французскими войсками Рура).

Наконец, с момента установления с Францией

дипломатических отношений в декабре 1924 года в полпредстве СССР постоянно имелся сотрудник, чьей обязанностью было регулярно контактировать с нелегальными представителями Коминтерна и руководящими деятелями ФКП. Сначала это был Борис Волин (1924–1925), позже — Яков Давтян (1925–1926), а затем — Наталья Солуянова (1926–1927). Однако и функции этих «дипломатов» сводились к доставке выходивших за пределами Франции пропагандистских материалов, а также передаче срочной информации.

Деятельность же прибывших на длительный срок эмиссаров по определению была многогранна. Они, как свидетельствуют архивные материалы, не только информировали ИККИ о складывающейся ситуации, не только следили за исполнением директив московских руководителей и координировали коминтерновскую деятельность в стране, но зачастую играли существенную роль в повседневном руководстве коммунистической партией, включая вопросы финансирования и расстановки кадров. А это требовало специфических качеств: энергии, инициативы, широкого политического кругозора.

От московских эмиссаров во многом зависело, как реально будут претворены в жизнь установки Коминтерна и решения высших инстанций местных коммунистических партий. Разумеется, все они руководствовались большевистской доктриной, но их взгляды на решение конкретных вопросов и стоящих за ними лиц существенно разнились. Сказывался темперамент, накопленный опыт и знания. И, конечно, общий политический климат.

1920-е годы были для коммунистических партий временем открытого противоборства людей и идей, жесткой фракционной борьбы, в которой Москва часто оказывалась эпицентром. Эмиссары Коминтерна не могли, да и не хотели стоять в стороне от этих столкновений: профессиональных революционеров не устраивала роль простых «винтиков» коминтерновского механизма.

Когда же наступило время «сталинского умиротворения», потребовался иной тип людей — нерассуждающих исполнителей «генеральной линии». Формирующаяся политическая система заставила одних коминтерновцев полностью интегрировать в нее, других, пытавшихся сохранить собственное «я», выпасть из номенклатурной «обоймы», третьих — бросила в застенки и под пули палачей. Из пяти «посланников революции», чьи биографии представлены в этой книге, репрессий избежали двое: А. Е. Абрамович и И. П. Степанов. Случайность? Скорее всего, нет. Но только доступ в архивы НКВД позволит с точностью ответить на

этот вопрос.

О мужестве и малодушии аппаратчиков Коминтерна, их звездных часах и трагических минутах, о том, что их объединяло и что разъединяло, — настоящая работа. Но сначала кратко о самом Коминтерне.

КОМИНТЕРН И СУДЬБЫ АППАРАТЧИКОВ

ГЛАВА 1
Четверть века Коминтерна, или Шагреневая кожа интернационализма

Вопрос о создании нового международного объединения пролетарских партий, в котором не будет места оппортунизму и шовинизму, был официально поставлен В.И. Лениным в «Апрельских тезисах» 1917 года. «Надо основывать именно нам, именно теперь, без промедления новый, революционный, пролетарский Интернационал…»[2], — утверждал он. Всероссийская конференция РСДРП(б), одобрив ленинскую идею, поручила Центральному комитету «приступить немедленно к шагам по основанию Третьего интернационала»[3]. Однако эта резолюция, несмотря на свое неоднократное подтверждение, стала реально воплощаться в жизнь лишь после Ноябрьской революции в Германии, ставшей для В.И. Ленина как бы козырной картой в аргументации в пользу близости всемирной пролетарской революции, в которой российские события являлись лишь первым актом. Раз ход истории подтверждал ленинскую логику, то задача сплочения авангарда революционных сил действительно становилась актуальной.

Не случайно ставка делалась прежде всего на германский пролетариат: высоко оценивая его боевой потенциал, руководство большевиков вместе с тем считало Германию наиболее развитой страной Европы, способной «взять на буксир» отсталую Россию. Под впечатлением вестей о волнениях в Берлине В.И. Ленин писал 3 октября 1918 года: «Кризис в Германии только начался. Он кончится неизбежно переходом политической власти в руки германского пролетариата… Теперь даже самые ослепленные из рабочих разных стран увидят, как правы были большевики, всю тактику строившие на поддержке всемирной рабочей революции и не боявшиеся приносить различные тягчайшие жертвы»[4]. Было создано «Бюро РКП(б) по заграничной работе», активизировавшее контакты с сочувствовавшими за рубежом «московским экстремистам» группами в общественном движении.

Спешно созванный в Москве 2–6 марта 1919 года Первый конгресс Коммунистического интернационала должен был перехватить инициативу у социал-демократов, организовавших в феврале свою международную конференцию в Берне с целью воссоздания развалившегося в годы мировой войны II Интернационала. Большевикам было очень важно не только продемонстрировать, что в важнейших странах Европы и Америки

есть силы, готовые следовать их опыту, но и «морально легализовать» своих сторонников перед лицом консолидирующейся социал-демократии. Тем не менее единственная зарубежная компартия, показавшая себя серьезной политической силой, — германская, устами своего представителя Гуго Эберлейна (в Москве он конспирировался под псевдонимом Альберт) выступила против немедленного конституирования Коммунистического интернационала. Предложение, мотивировавшееся слабостью коммунистов вне России, под давлением большевиков было отвергнуто.

Первый конгресс Коммунистического интернационала принял Манифест, написанный Львом Троцким. «Эпоха последней решительной борьбы наступила позже, чем ожидали и надеялись апостолы социальной революции, — говорилось в Манифесте. — Но она наступила. Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата разных стран Европы, Америки и Азии, собравшиеся в Советской Москве, чувствуем и сознаем себя преемниками и вершителями дела, программа которого была возвещена 72 года тому назад. Наша задача состоит в том, чтобы обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от разлагающей примеси оппортунизма и социал-патриотизма, объединить усилия всех истинно революционных партий мирового пролетариата и тем облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире… Если Первый Интернационал предвосхищал будущее развитие и намечал его пути, если Второй Интернационал собирал и организовывал миллионы пролетариев, то Третий Интернационал является Интернационалом открытого массового действия, Интернационалом революционного осуществления, Интернационалом дела…»[5]

Всего лишь через две недели после закрытия конгресса была образована Венгерская советская республика, в апреле советскую власть провозгласили в Баварии, в июне — в Словакии. Казалось, что мировая революция наконец-то становится явью. Подготовленный все тем же Л. Троцким Манифест Второго конгресса Коминтерна, состоявшегося летом 1920 года, утверждал: «Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является Советская власть»[6].

Выражая готовность не только на словах, но и на деле бороться с оппортунистами, делегаты конгресса приняли «21 условие приема в Коммунистический Интернационал». Автор документа, Председатель ИККИ Григорий Евсеевич Зиновьев, позже, не без утрирования, так раскрыл его смысл: «Во время II Конгресса общее положение… было таково, что принадлежать к

КИ считалось тогда модным. К этому стремился каждый более или менее хитрый центрист… Справа у нас действительно были враги. Мы отлично сознавали, что эти хитрые люди проглотят все, что угодно, лишь бы только пробраться в КИ и саботировать его изнутри. Отсюда — 21 пункт»[7].

Седьмой пункт «условий» особо оговаривал необходимость «полного и абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой «центра». В этом же документе указывалось, что «партии, принадлежащие к Коммунистическому Интернационалу, должны быть построены по принципу демократического централизма, ибо в нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной…». С процитированным пассажем перекликался пункт шестнадцатый: «Все постановления съездов Коммунистического Интернационала, как и постановления его Исполнительного комитета, обязательны для всех партий, входящих в Коммунистический Интернационал. Коммунистический Интернационал, действующий в обстановке обостреннейшей гражданской войны, должен быть построен гораздо более централизованно, чем это было во II Интернационале».

Жесткие организационные принципы, помноженные на финансовую зависимость, грозили превратить компартии в заложников односторонних решений Кремля — опасность, становившаяся с каждым годом все более явной и напрямую отражавшая силу влияния каждой компартии в стране. В то же время благодаря изначально высокому авторитету большевиков среди их сторонников было немало тех, кто с подозрительностью воспринимал любые попытки критического осмысления полученных из Москвы директив.

Несмотря на солидные денежные инъекции и лихорадочную активность, Исполком Коминтерна сумел «обратить в коммунистическую веру» лишь меньшую часть шедших за социалистами рабочих, еще меньше удалось «перековать» анархо-синдикалистов. Из всех европейских стран только в Германии, Франции и Чехословакии образованные коммунистические партии смогли обеспечить себе массовую базу.

Кремлевские стратеги пытались разыграть и «восточную карту». Однако, прекрасно понимая, что азиатов мало интересуют собственно коммунистические идеи, большевики выдвинули на первый план лозунги антиколониальной, национально-освободительной борьбы. Знаковым событием в этом плане стал

Съезд народов Востока, организованный Исполкомом Коминтерна в Баку 1–8 сентября 1920 года. В его работе участвовал 1891 делегат (из них 1273 коммуниста) от 29 народностей. Позже была образована Антиимпериалистическая лига.

Стремлением размежеваться до конца объясняется создание Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна), чей первый конгресс прошел в Москве 3—19 июля 1921 года. Наряду с Профинтерном были организованы Международный крестьянский совет (Крестьянский интернационал), Спортинтерн, Международная организация помощи революционерам (МОПР), Международная организация рабочей помощи, Международное объединение революционных писателей и ряд других организаций, нацеленных на вычленение под эгидой Коминтерна из общественно активной части трудящихся «революционного авангарда». В развернувшейся борьбе на уничтожение коммунисты не оставляли ни пяди пространства для компромисса!

Однако вскоре после перехода большевиков к новой экономической политике в стратегии Коминтерна наметились изменения. Осознание В. И. Лениным необходимости уступок рыночным отношениям в России во многом проистекало из констатации слабости революционной волны на Западе и, следовательно, необходимости политического диалога. С этой мыслью, однако, не желала мириться влиятельная группа «леваков», среди которых выделялся бывший нарком иностранных, а затем военных дел Венгерской советской республики Бела Кун, сочинивший «теорию наступления». Под его нажимом ЦК КП Германии во главе с Эрнстом Ройтером (псевдоним Фрисланд) без особых колебаний приняло решение начать немедленную подготовку антиправительственной акции, способной «заставить массы прийти в движение»[8]. Воспользовавшись приказом обер-президента Саксонии Отто Герзинга о введении полиции на предприятия округа Галле-Мерзебург, а также объявлением осадного положения в Гамбурге, коммунисты попытались развернуть широкомасштабные действия, призвав 24 марта 1921 года к общегерманской забастовке. Будучи совершенно неподготовленным, движение осталось локальным и 1 апреля заглохло.

Несмотря на мартовское фиаско, теория Б. Куна продолжала импонировать многим коммунистам, включая Председателя ИККИ Григория Зиновьева и члена Малого бюро ИККИ Николая Бухарина. Неопределенность в расстановке сил вела к осторожности в формулировках подготовительных материалов очередного конгресса III Интернационала.

«Наш Конгресс еще раз наметит более подробную и конкретно ясную и четкую линию, рассчитанную и на более быстрый, и на более затяжной темп пролетарской революции, если окажется, что она пойдет по этому менее желательному для нас пути…»[9], — говорилось в письме ИККИ «К III Всемирному конгрессу КИ». Более четко мысль об отсрочке мировой революции была сформулирована в выступлениях В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого на конгрессе.

«…В международном положении нашей республики, — отмечал 5 июля в своем докладе В. И. Ленин, — политически приходится считаться с тем фактом, что теперь бесспорно наступило известное равновесие сил, которые вели между собой открытую борьбу, с оружием в руках, за господство того или другого руководящего класса, — равновесие между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой… Когда мы начинали, в свое время, международную революцию, мы делали это не из убеждения, что можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию… Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна… Развитие международной революции, которую мы предсказывали, идет вперед. Но это поступательное движение не такое прямолинейное, как мы ожидали. С первого взгляда ясно, что в других капиталистических странах после заключения мира, как бы плох он ни был, вызвать революцию не удалось, хотя революционные симптомы, как мы знаем, были очень значительны и многочисленны, — даже гораздо значительнее и многочисленнее, чем мы думали»[10].

Центральным событием конгресса стало обсуждение написанных Л. Троцким тезисов о тактике. Сама постановка этого вопроса говорила о намечаемой «смене вех». Был сформулирован новый лозунг «К массам», понимаемый как завоевание широких масс пролетариата идеями коммунизма, и, как следствие, признана необходимость выдвижения переходных требований.

Последовали и организационные меры: Б. Куна, которого В. И. Ленин подверг жесткой критике, хотя и переизбрали членом Малого бюро ИККИ, однако отправили работать на Урал, подсластив пилюлю введением в состав Президиума ВЦИК. Оттуда опальный коминтерновский сановник вернулся лишь в 1923 году.

Провозглашенный на III Конгрессе лозунг завоевания масс заставил руководство Коминтерна и РКП(б) по-новому взглянуть на взаимоотношения с европейской социал-демократией. Опыт

работы свидетельствовал об усилении в рабочем классе стремления к единству действий. Ответной реакцией стала тактика «единого рабочего фронта», которую еще в феврале 1921 года предложил член Президиума ИККИ Карл Радек[11] и которая после дискуссии в большевистском руководстве (оппонентами выступали те же Г. Зиновьев и Н. Бухарин) была опубликована в виде тезисов Исйолкома Коминтерна.

Парадоксально, но решение скорректировать политический курс Коминтерна в сторону большего реализма обосновывалось фантастическим утверждением об обострении мирового хозяйственного кризиса и о новом этапе полевения пролетариата: «Если еще полгода тому назад можно было с известным правом говорить о некоем общем поправении рабочих масс в Европе и Америке, то в настоящее время можно безусловно констатировать, напротив, начало полевения»[12]. С другой стороны, отмечалось, что «под влиянием все усиливающегося натиска капитала среди рабочих пробудилось стихийное, буквально неудержимое стремление к единству, идущее параллельно с постепенным ростом доверия широких масс рабочих к коммунистам». Поскольку «вера в реформизм надломлена», каждое серьезное массовое выступление, «начавшись даже только с частичных лозунгов, неизбежно будет выдвигать на очередь более общие и коренные вопросы революции». В этой обстановке коммунисты, идя навстречу желаниям масс и добиваясь единства действий пролетариата, могли, по мнению руководства Коминтерна, не бояться стать заложниками социал-реформистской политики. В конце документа подчеркивалось, что «под единым рабочим фронтом следует разуметь единство всех рабочих, желающих бороться против капитализма — стало быть, и рабочих, идущих еще за анархистами, синдикалистами и т. п.».

1 января 1922 года ИККИ обратился с призывом «К пролетариям всех стран за единый пролетарский фронт», в котором речь шла уже не о революции, а о борьбе всех пролетарских сил, «включая христианские или либеральные профсоюзы», за мир и улучшение жизненных условий.

Изменение тактики Коминтерна сделало возможным начать подготовку конференции трех Интернационалов. Речь шла о встрече коммунистов, социал-демократов из II Интернационала и представителей образованного в феврале 1921 года в Вене так называемого II ½ Интернационала, объединявшего центристов. Разумеется, каждая из сторон стремилась использовать завязываемые контакты для своей выгоды. Лидеры большевиков надеялись добиться, если не поддержки, то хотя бы

благожелательного нейтралитета социалистов и социал-демократов во время международной конференции в Генуе, а последние, в свою очередь, рассчитывали смягчить советский режим, выговорив послабления для российской демократической оппозиции — меньшевиков и эсеров.

Поскольку стратегические цели сторон выходили за рамки политики единого фронта, состоявшаяся 2–5 апреля 1922 года в Берлине встреча представителей трех Интернационалов завершилась без надежды на продолжение. Чтобы не доводить ее до демонстративного разрыва, делегация Коминтерна пошла на уступки. Было обещано не выносить на процессе 47 эсеров смертный приговор и допустить участие представителей II и II ½ Интернационалов в судебных заседаниях. Позже II пленум ИККИ на заседании 11 июля одобрил деятельность делегации Коминтерна в Берлине, но В.И. Ленин был недоволен, считая, что баланса интересов соблюсти не удалось.

IV конгресс Коминтерна, открывшийся 5 ноября 1922 года, подтвердил и уточнил тактику «единого рабочего фронта», предложив формулу «рабочего правительства». В документах конгресса отмечалось, что она является неизбежным выводом из тактики единого фронта. Противопоставляя ее попыткам реформистов создавать коалиционные правительства вместе с буржуазными партиями, Коминтерн подчеркнул, что в качестве агитационного лозунг «рабочего правительства» может применяться почти повсеместно, но как политический — только в тех странах, где соотношение сил между пролетариатом и буржуазией складывается в пользу первого. Таким образом, IV конгресс связывал возможность создания рабочего правительства с возникновением политического кризиса.

Конгресс дал характеристику ряду возникающих в этом случае правительственных ситуаций. Он назвал «мнимыми рабочими правительствами» правительства типа либерального рабочего или социал-демократического. Указав, что для коммунистов недопустимо участвовать в подобных правительствах как органах классового сотрудничества, конгресс в то же время отметил, что при некоторых условиях коммунисты готовы оказать поддержку этим правительствам.

Рассматривая варианты подлинных рабочих правительств, конгресс назвал такими «правительство рабочих и крестьян», заметив, что возможность его появления существует на Балканах, в Чехословакии, Польше; «рабочее правительство с участием коммунистов», а также правительство диктатуры пролетариата. Первые два варианта, допускающие участие коммунистов, не означая диктатуры пролетариата, могли стать формой перехода к

такой диктатуре.

IV конгресс был последним, в работе которого участвовал В. И. Ленин.

Обострение ситуации в Германии летом 1923 года возродило в Москве надежду на близкую победу мировой революции. После того как волна забастовок смела правительство Вильгельма Куно, лидер Народной партии Густав Штреземан попытался добиться стабилизации, сформировав в августе кабинет на базе широкой коалиции с участием социал-демократов.

Однако обстановка продолжала накаляться. Галопирующая инфляция привела к тому, что один доллар стал стоить 13 миллионов марок, повсюду образовывались фабрично-заводские советы, в которых стремительно росло влияние коммунистов.

К середине августа Г. Е. Зиновьев подготовил тезисы, которые нацеливали КПГ на «неизбежность и необходимость в ближайшем будущем вооруженного восстания и решающего боя». И.В. Сталин, неделей ранее считавший, что не следует поощрять революционный пыл германских коммунистов, в замечаниях к зиновьевскому документу не выдвинул принципиальных возражений. Он акцентировал внимание, с одной стороны, на вероятности войны революционной Германии и Советской России по крайней мере с Польшей и Францией, с другой — на взаимоотношениях с социал-демократами. «Нужно прямо указать, — писал И.В. Сталин, — что лозунг рабочего правительства является лишь агитационным лозунгом, питающим идею единого фронта, что он в своем окончательном виде (правительство коалиции коммунистов и социал-демократов), вообще говоря, неосуществим, что если бы он, паче чаяния, все же осуществился, то такое правительство было бы правительством паралича и дезорганизации, правительством, обреченным ввиду своей слабости на неминуемое падение в самый непродолжительный срок. Нужно ясно сказать немецким коммунистам, что им одним придется взять власть в Германии»[13].

В ходе обсуждения германского вопроса на заседании политбюро РКП(б) 21 августа все, за исключением заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР А. И. Рыкова, были за то, чтобы ориентировать немецких коммунистов на вооруженный захват власти. Г. Е. Зиновьев согласился с И. В. Сталиным, заявив, что «если бы вышел блок с социал-демократами в правительстве, это было бы только опасно. Я говорил, что лозунг рабоче-крестьянского правительства — это псевдоним диктатуры пролетариата и исторически это оправдывается. Прямо сказать: «власть советам» — нельзя».

Единственным, кто высказался за альянс с социал-демократами на правительственном уровне, был присутствовавший Карл Радек: «…Не надо забывать, что резерв социал-демократии еще велик. Именно это оправдывает лозунг «рабоче-крестьянского правительства», а не то, что лозунг «власть советам» в Германии депопуляризирован. Мы должны идти на коалицию с левыми социал-демократами»[14]. И это говорил человек, который еще два месяца назад отстаивал идею альянса с немецкими националистами, который в письме Г. Зиновьеву от 23 декабря 1922 года утверждал, что «в рабочих массах, стоящих за социал-демократией, — чувство полного «сумерка богов»![15]

В принятом 22 августа постановлении указывалось, что «на основании имеющихся в ЦК материалов, в частности на основании писем товарищей, руководящих германской компартией, ЦК считает, что германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть». Отсюда делался вывод, что «вся работа, не только ГКП и РКП, но и всего Коммунистического интернационала должна сообразоваться с этим основным фактом»[16]. В последующем были предприняты конкретные шаги по реализации решения, в частности для координации всей революционной работы посланы в октябре военные и политические специалисты во главе с Карлом Радеком, Георгием (Юрием) Пятаковым и Василием Шмидтом и назначена ориентировочная дата восстания — 9 ноября 1923 года, которую разрешено было скорректировать на месте с учетом обстоятельств.

Однако бурная подготовка германского «Великого Октября» обернулась мыльным пузырем, лопнувшим без особых брызг. Руководство КПГ во главе с Генрихом Брандлером, опасаясь изоляции, в последний момент не решилось подтвердить сигнал к выступлению. Только коммунисты Гамбурга, не зная об отмене приказа, сделали 23 октября попытку овладеть городом. Восстание продолжалось 31 час и было подавлено с помощью военно-морских сил и армии. Гуго Урбане, руководитель местной партийной организации, узнал о его начале, находясь в постели. Тем не менее он был приговорен судом к 15 годам тюремного заключения. «Путчизмом самой чистой крови» назвал в конфиденциальном письме выступление в Гамбурге советский консул Григорий Шкловский.

Фиаско в Германии повлекло за собой изменения в политике Коминтерна. Непосредственным результатом стала перетряска в руководстве КПГ, На бурном заседании президиума ИККИ в январе 1924 года виновниками неудачи были объявлены К. Радек, Г. Брандлер и тогдашний главный теоретик КПГ Август

Тальгеймер. По мнению Г. Зиновьева, они скатились в болото «оппортунизма», слепо доверившись социал-демократам и «единому фронту сверху». Провинившихся немецких коммунистов отправили в отставку, вскоре передав бразды правления КПГ Рут Фишер и Аркадию Маслову.

Хотя официально тактику «единого рабочего фронта» никто не отменил, появившийся термин «социал-фашизм» обрекал коммунистов на существование в политическом гетто. Спасало лишь то, что многие иностранные коммунисты, как руководящего звена, так и рядовые, отказывались делать из него практические выводы. В российской публицистике периодически возрождается мысль о том, что автором данной формулы был И. Сталин[17]. Это неверно. Социал-фашизм был запущен в политический оборот благодаря Г. Зиновьеву. Уже на заседании политбюро РКП(б) 21 августа он говорил о «социал-демократических фашистах», имея в виду часть немецкой социал-демократии. Год спустя этот термин обрел универсальный смысл. Выступая 18 июня 1924 года на V конгрессе Коминтерна, Г. Зиновьев заявил: «Самым существенным здесь является то, что социал-демократия стала крылом фашизма. Это большой политический факт»[18]. В статье «К международному положению» И. В. Сталин лишь вторил Г. Е. Зиновьеву: «…Неверно, что фашизм есть только боевая организация буржуазии. Фашизм не есть только военно-техническая категория. Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма»[19]. Но, усвоив тезис, И. Сталин реанимировал его в годы так называемого «третьего периода» (1928–1933), а начиная с X пленума ИККИ (июль 1929 года) сделал официальной доктриной «всемирной пролетарской партии».

С другой стороны, неудача в Германии укрепила лидеров РКП(б) в мысли, что ее причины следует искать прежде всего в самом коммунистическом движении, а именно в существовании внутри его «уклонов». Поиск виноватых подводил к обобщению «чужие среди своих» и к конкретизации уже на новом уровне в виде врага № 1 — «правого» уклона, перемежающегося кое-где с «ультралевым» уклоном. «В течение этого года, — говорил Г. Е. Зиновьев на V конгрессе Коммунистического интернационала, проходившем в Москве с 17 июня по 8 июля 1924 года, — наша борьба на девяносто процентов должна была вестись против «правых» уклонов… С самого начала я должен признаться: чем больше изучаешь документы наших братских партий, тем более убеждаешься в том, что нельзя недооценивать «правую опасность», что она больше, чем когда бы то ни было себе

представляли; и это не потому, что наши товарищи плохие люди, а потому, что таков настоящий период мировой истории».

Лекарством от выявленного недуга должна была стать «большевизация». Суть идеи состояла в перестройке на базе опыта российских большевиков организационно-массовой работы компартий. Вместо унаследованной от социалистической партии территориальной секции первичной партийной структурой становилась ячейка на производстве. Остатки прежней автономии низовых организаций ликвидировались, и Центральный Комитет наделялся всей полнотой политической власти в интервалах между съездами. «Основной парторганизацией… является ячейка на предприятии…» — говорилось в принятом Уставе Коммунистического интернационала. В соответствии с возможностями при ЦК создавался вспомогательный аппарат, в том числе нелегальный, работники которого финансировались из партийного бюджета. Партия должна была заботиться о подготовке собственных кадров. Все это, вместе взятое, должно было, по мысли руководителей Коминтерна, увеличить пролетарскую прослойку в партиях и способствовать превращению их в организации «профессиональных революционеров», переориентируя с борьбы за избирателей на массовые внепарламентские действия.

Озвученный в начале 1924 года лозунг «больше визации» стал одним из главных на V конгрессе КИ. Порок крылся в его нарочитой универсальности, игнорировавшей специфику ситуаций в ряде стран, что сулило не сближение с массами, как то утверждал Г. Е. Зиновьев, а отрыв от них.

Более отдаленным следствием плачевного исхода «германского Октября» стало появление теории «социализма в одной стране», с пропагандой которой активно, начиная с декабря 1924 года, выступил И.В. Сталин. В своих речах он обращал внимание на следующие обстоятельства: «Отлив революции… то, что называется у нас временной стабилизацией капитализма, при одновременном росте хозяйственного развития и политической мощи Советского Союза». Не отрицая неизбежности мировой революции, он начал трактовать ее как «целый стратегический период, охватывающий целый ряд лет, а пожалуй, и ряд десятилетий». По существу же революционный процесс утрачивал всякие временное рамки, цревращаясь в набор периодически возникающих ситуаций, благоприятных для ниспровержения капитализма. «Мировое революционное движение вступило в данный момент в полосу отлива революции, причем этот отлив по ряду причин… должен смениться приливом, который может кончиться победой пролетариата, но может и не кончиться

победой, а смениться новым отливом, который, в свою очередь, должен смениться новым приливом революции»[20].

Неясности международной перспективы И. В. Сталин противопоставил оптимистичный взгляд на внутренний потенциал социализма в СССР. По его мнению, партия большевиков могла самостоятельно, «без прямой помощи техникой и оборудованием со стороны победившего пролетариата Запада», несмотря на преобладание в структуре населения мелкобуржуазных элементов, стихийно воспроизводящих капитализм, построить в СССР «социалистическое хозяйство» и даже начать «переход от общества с диктатурой пролетариата к обществу безгосударственному»[21].

Идеи И. В. Сталина поддержал начавший претендовать на роль главного теоретика РКП(б) Николай Бухарин с той лишь разницей, что социализм он собирался строить «черепашьим шагом», дабы не обострять отношений с крестьянством. И. В. Сталин, напротив, полагал, что только форсированная, а значит, принудительная социализация способна принести успех, но из тактических соображений временно воздерживался от критики Н. И. Бухарина. XIV партконференция, состоявшаяся весной 1925 года, утвердила теоретические изыскания И.В. Сталина. Тогда же, без дискуссии, они были «официализированы» Исполкомом Коминтерна.

«Благодаря доктрине Сталина Россия перестала быть простой периферией цивилизованного мира. Именно в пределах ее границ следовало найти и воплотить формы нового общества. Самой судьбой ей предназначалось стать центром новой цивилизации, высшей во всех отношениях по сравнению с цивилизацией капиталистической, столь упорно оборонявшейся в Западной Европе. Эта новая точка зрения отражала, конечно, ожесточение находившегося в изоляции русского коммунизма, но порождала вместе с тем заманчивую надежду. Усталая и разочарованная большевистская Россия замкнулась в своей скорлупе, льстя себя перспективой «социализма в одной стране»[22].

Отныне революционную миссию Коминтерна на словах и на деле следовало подчинять внешнеполитической стратегии Советского государства. Правда, сам И.В. Сталин, думается, вплоть до 1931 года не был до конца уверен в правильности выбранной линии и периодически пытался не без помощи Коминтерна нагнетать напряженность в той или иной стране, прощупывая ее готовность стать новым очагом мировой революции. Не случайно выходивший в отставку с поста наркома иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин в подготовленной для своего преемника записке сетовал, что его выступления на

заседаниях политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам западной политики постоянно отвергались как «нереволюционные»[23].

Зато теория «социализма в одной стране» сразу же стала использоваться для борьбы с оппозиционной фракцией Льва Троцкого. Впервые оппозиция заявила о себе 8 октября 1923 года, когда Л. Троцкий в письме членам Центрального комитета РКП(б) подверг резкой критике бюрократизацию партаппарата и отсутствие четких ориентиров в экономической политике. Примечательно, что демарш был предпринят четыре дня спустя после того, как политбюро, несмотря на просьбу Генриха Брандлера, отказалось отправить Л. Троцкого в Германию «делать революцию»[24], и не исключено, что он был задуман как своеобразный способ давления с целью пересмотреть принятое решение. Но события развивались слишком быстро.

Большинство партруководства, сплотившись вокруг И. Сталина, Г. Зиновьева и Л. Каменева, согласилось развернуть дискуссию по проблемам внутрипартийной жизни, вскоре трансформировав ее в борьбу с «троцкизмом». Письма и статьи Л. Троцкого были представлены как атака против умирающего В. Ленина и его детища — победоносной партии большевиков. Оппозиционеров и сочувствующих им стали методично снимать с руководящих постов как внутри страны, так и в Коминтерне. Осенью 1924 года, когда Л.Д. Троцкий публикацией предисловия к III тому своего собрания сочинений спровоцировал новую вспышку фракционной борьбы, вспомнили о его теории «перманентной революции», которую тот сформулировал еще в 1906 году. Противопоставленная идее «социализма в одной стране», она была заклеймена И. В. Сталиным как «меньшевистская» и «капитулянтская». Выводы подтверждались обильным количеством цитат из ленинского наследия. «По Ленину, — писал И. В. Сталин, — революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троцкого же получается, что необходимые силы можно черпать лишь «на арене мировой революции пролетариата».

А как быть, если международной революции суждено прийти с опозданием? Есть ли какой-либо просвет для нашей революции? Троцкий не дает никакого просвета, ибо «противоречия в положении рабочего правительства… смогут найти свое разрешение только… на арене мировой революции пролетариата». По этому плану для нашей революции остается лишь одна перспектива: прозябать в своих собственных противоречиях и гнить на корню в ожидании мировой революции»[25].

Сила И. В. Сталина состояла в том, что он выражал

подспудное мнение значительного, все увеличивающегося слоя партийцев. Именно о них еще в январе 1921 года с тревогой писал венгерский коммунист Евгений Варга: «…Существует опасность, что Россия перестанет быть двигателем международной революции. Ибо нельзя умолчать о следующем: в России есть коммунисты, у которых не хватает терпения ждать европейской революции и которые хотят взять курс на окончательную изоляцию России. Это означает заключение мира с империалистами, регулярный товарообмен с капиталистическими странами и организацию всякого рода концессий… Это течение, которое стремится к тому, чтобы пролетарское государство Россия и его пролетарское хозяйство стабилизировались внутри капиталистического мира, сегодня еще слабо и незначительно. Однако оно может стать сильным, если пролетарская Россия останется длительное время в изоляции»[26]. Как видно, проблему надвигающегося голода Е. Варга попросту не замечал!

Осенью 1925 года правивший триумвират распался. Против И. Сталина и стоявшего за ним Н. Бухарина выступили Г. Зиновьев и Л. Каменев, возглавившие так называемую новую или ленинградскую оппозицию. Ее разгром на XIV съезде РКП(б) вынудил Г. Зиновьева подать 1 января 1926 года заявление с просьбой «если не формально, то фактически» снять его с должности Председателя Исполкома Коминтерна. Хитроумная формула должна была обеспечить отступающему Г. Зиновьеву плацдарм для будущей атаки. В самом деле, положение «свадебного генерала при Коминтерне», с одной стороны, позволяло сохранить связи с зарубежными коммунистами, с другой — предоставляло свободу критики. Но И. Сталин был кем угодно, только не простаком. Остерегаясь пока публично раздувать конфликт, он выбрал тактику «выкручивания рук». 7 января политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о коллективном руководстве в ИККИ, а Г. Зиновьев, в свою очередь, пообещал не настраивать компартии против сталинской фракции. Все спорные вопросы следовало предварительно обсуждать на заседаниях делегации ВКП(б) в ИККИ, чтобы выходить на заседания Президиума и пленумов ИККИ с единым мнением[27]. Г. Зиновьев сохранил пост председателя, но попал под контроль своих оппонентов, составлявших большинство делегации ВКП(б).

За миролюбивыми речами скрывалась уже развернувшаяся фракционная борьба, которая из стадии подковерной в феврале переросла в открытую стадию. В апреле 1926 года сторонники Л. Троцкого и Г. Зиновьева объединились, создав общий нелегальный фракционный центр. Союз вчерашних заклятых

врагов многими советскими и иностранными коммунистами был воспринят не без оснований как беспринципный, что не способствовало укреплению их позиций.

Теоретическая неопределенность и фракционные склоки в большевистских верхах объясняют многочисленные зигзаги коминтерновского курса в 1925–1927 годах. Особые контроверсии вызывали деятельность Англо-русского комитета профсоюзного единства (АРК) и китайская политика.

Отказавшись от ленинской трактовки единого фронта в Европе, лидеры большевиков свели его к серии маневров, нацеленных на откол социал-демократических рабочих от руководства реформистских партий. Изъятый из собственно политической сферы, единый фронт стал пропагандироваться на производстве, в борьбе против войны, дороговизны и безработицы, то есть там, где можно было обойтись без прямых переговоров с «социал-фашистскими» вождями. В частности, V пленум ИККИ указал, что отныне необходимо уделить «в сто раз больше внимания» профсоюзам. «Одной из важнейших составных частей учения ленинизма является его учение о работе коммунистов даже в самых реакционных профсоюзах», — отмечалось в «Тезисах о большевизации партий Коминтерна».

Детищем этой политики стало создание в апреле 1925 года по инициативе Москвы Англо-русского комитета. В него вошли секретари ВЦСПС и Генерального совета британских тред-юнионов, являвшиеся членами Интернационала социалистических профсоюзов с центром в Амстердаме.

4 мая 1926 года в Великобритании началась всеобщая забастовка, в которую включились 5 млн. рабочих. ИККИ дал указание английской компартии превратить забастовку из экономической в политическую. Однако уже 12 мая Генсовет пошел на компромисс и завершил стачку. Через два дня политбюро ЦК ВКП(б) единодушно расценило окончание забастовки как предательство вождей британских профсоюзов. Но если И. В. Сталин и Н. И. Бухарин полагали, что АРК сыграл в событиях позитивную роль и его следует сохранить, то мнение оппозиции было противоположным, и она потребовала покончить с этим «орудием британского и международного империализма».

В июле вопрос был вынесен на объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), где позиция Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева была отвергнута. В своем выступлении И.В. Сталин утверждал, что задача АРК «состоит в организации широкого движения рабочего класса против новых империалистических войн, вообще против интервенции в нашу страну…».

Второй линией водораздела стала политика Коминтерна в

Китае, где бушевала гражданская война, основными противоборствующими сторонами в которой были милитаристские клики и основанная поборником национальной революции Сунь Ятсеном партия Гоминьдан. Укрепившись на юге страны, армия Гоминьдана, возглавляемая Чан Кайши, начиная с лета 1926 года, постепенно продвигалась на север.

Видя в Гоминьдане выразителя интересов антиимпериалистической части национальной буржуазии, Москва заставила Коммунистическую партию Китая в самом начале 1924 года войти в него на правах «фракции». Пленум ЦК КПК, продемонстрировав свою верность Кремлю, заявил в резолюции от 14 июля 1926 года: «…Совершенно неправильной, искажающей перспективу развития освободительной борьбы в Китае, является точка зрения некоторых товарищей, считающих, что компартия может теперь сама, организационно порвав с Гоминьданом, т. е. уничтожив союз с городской торгово-ремесленной буржуазией, революционной интеллигенцией и отчасти правительством, повести пролетариат и за ним другие угнетенные массы к завершению буржуазно-демократической революции. Аргументы, заключающиеся в том, что можно сотрудничать с Гоминьданом, порвав с ним организационную связь, совершенно совпадают с требованиями правых и новых правых (центристов) гоминьдановцев о выходе коммунистов из Гоминьдана, что выражает собою стремление все более самоопределяющейся за последний год буржуазии взять руководство освободительным движением в свои руки»[28].

Проходивший 12 ноября — 16 декабря того же года VII расширенный пленум ИККИ, на котором, кстати сказать, Г.Е. Зиновьев был снят с должности Председателя Исполкома Коминтерна, оставил неизменным основные параметры китайского курса, сделав ряд уточнений.

Пленум ориентировал коммунистов на «некапиталистический», иначе говоря, социалистический путь развития Китая. Переход на этот путь мыслился посредством завоевания гегемонии пролетариатом, развертывания аграрной революции и установления «диктатуры пролетариата и крестьянства с антиимпериалистическим содержанием, с национализацией промышленности, национализацией земли…»[29].

Текущий этап китайской революции оценивался как промежуточный к более высокой стадии, когда после постепенного отхода от революционного лагеря большей части крупной буржуазии движущей силой революции станет «блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии».

Соответственно такой оценке ситуации китайским коммунистам давались тактические установки: вхождение в гоминьдановское Национальное правительство с целью поддержки «революционного левого крыла» Гоминьдана, проникновение в правительственный аппарат всех уровней для содействия аграрным реформам, создание крестьянских комитетов как органов сельской власти, вооружение крестьянской бедноты и рабочих, проникновение в армию, превращение Гоминьдана в «подлинную партию народа». Иначе говоря, И.В. Сталин и Н.И. Бухарин, главные разработчики китайского курса, по существу настаивали на углублении интеграции коммунистов с аппаратом Гоминьдана.

Левая оппозиция, напротив, с конца августа 1926 года пришла к выводу, что китайской компартии следует «претендовать уже в ближайшую эпоху на руководство рабочим движением». На практике это означало, что «китайская компартия не может уже оставаться пропагандистской группой в составе Гоминьдана, а должна поставить перед собой задачу *самостоятельной классовой пролетарской партии*… Самостоятельность компартии исключает ее организационное вхождение в Гоминьдан, но не исключает, разумеется, ее длительного политического блока с Гоминьданом». Независимость КПК должна была обеспечить «организационный стержень для масс» в случае поворота «верхушки Гоминьдана направо»[30].

Когда 12 апреля 1927 года Чан Кайши совершил переворот, обрушившись с террором на коммунистов, Л. Троцкий и Г. Зиновьев возложили вину на фракцию большинства в ВКП(б), чья «оппортунистическая» политика завела китайскую революцию в тупик. Оппоненты, конечно, отвергли обвинение, назвав его «клеветническим». Что же касается АРК, то он был без лишнего шума распущен в сентябре 1927 года по инициативе британской стороны.

В ноябре 1927 года Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Л. Каменев были исключены из партии. В феврале 1929 года Л. Троцкого выслали из СССР, а через 11 лет он был убит в Мексике агентом сталинских спецслужб. Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева расстреляли в 1936 году по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

После изгнания Г. Е. Зиновьева из Коминтерна институт Председателя ИККИ был упразднен и его место занял политсекретариат, задуманный как коллективный орган. Но фактическим главой Коминтерна вплоть до октября 1928 года был Николай Бухарин. Уверенный, что наступает новая фаза

обострения социальных противоречий в капиталистических странах, способная поколебать позиции не только буржуазии, но и социал-демократии, он еще больше сдвинул курс Коминтерна влево.

Новая стратегия нашла свое выражение в формуле «класс против класса», которую придумал кандидат в члены политсекретариата ИККИ, единомышленник Н. Бухарина швейцарец Жюль Эмбер-Дро. Разъясняя ее, Н. Бухарин в письме компартиям, одобренном политсекретариатом ИККИ 28 октября 1927 года, выступил против «примирительного отношения к реформизму». Он ориентировал компартии на «решительное изживание парламентского кретинизма и лево-блокистских традиций». Отныне борьба с реформизмом должна была вестись методом «единого фронта СНИЗУ», а не как в прошлом — с помощью «призывов к верхам»[31]. Иными словами, стратегия «класс против класса» означала открытое противостояние социал-демократии, ставшей главной опорой буржуазии в условиях нового революционного подъема. На IX пленуме ИККИ, проходившем в феврале 1928 года, решение о «левом повороте» Коминтерна было одобрено единогласно. Однако уже весной блок Н. Бухарина и И. Сталина дал трещину, и инициатор «левого поворота» превратился в лидера «правого уклона» в ВКП(б), а заодно и в мировом коммунистическом движении. Операция была проделана И. Сталиным виртуозно, при этом он не только позаимствовал идею о новой революционной волне, требующей борьбы с социал-демократией, но и возродил тезис «социал-демократия — разновидность фашизма», против чего Н. Бухарин возражал. Оппоненты отреагировали «методом зеркала»: в 1931 году самый влиятельный сопредседатель Социал-демократической партии Германии Отто Вельс бросил на съезде лозунг, которому суждено было долгое будущее: «Большевизм и фашизм — это братья». Вся пропаганда германских социал-демократов в начале 1930-х годов была сфокусирована на «красно-коричневой угрозе».

Официально Н. Бухарин был исключен из политсекретариата ИККИ 25 июня 1929 года, но еще раньше бразды правления перешли в руки верного сталинского соратника В. М. Молотова. Именно он представил XVI съезду отчет о деятельности Делегации ВКП(б) в Коминтерне.

Начиная с XI пленума ИККИ (март 1931 года) кремлевские стратеги во главе с И. Сталиным стали умерять революционный пыл зарубежных коммунистов, дабы он не препятствовал предпринятым параллельно большевиками попыткам примкнуть на правах полноправных участников к европейской

дипломатической игре. Иначе говоря, начала полномасштабно претворяться в жизнь теория «социализма в одной стране», ставящая превыше всего государственные интересы СССР. Накануне, в декабре 1930 года, В. М. Молотова перебросили на более значимый пост, сделав Председателем Совнаркома СССР. Новым «заведующим делами Коминтерна» более чем на 3 года сделали Дмитрия Захаровича Мануильского.

Внутрипартийная оппозиция быстро обратила внимание на смену ориентиров. Мартемьян Рютин писал в своем обращении «Ко всем членам ВКП(б)», составленном в июне — августе 1932 года: «Антиленинская политика руководства партии дополняется антиленинским руководством Коминтерна. Коминтерн из штаба мировой коммунистической революции низведен до роли простой канцелярии Сталина по делам компартий, канцелярии, где сидят трусливые чиновники, послушно выполняющие волю своего начальника. Кризис ВКП(б) привел к кризису Коминтерна».

Продолжал вовсю эксплуатироваться лозунг «социал-фашизма», имевший, однако, в данном политическом контексте для И.В. Сталина не стратегический, а тактический характер. Ситуация стала меняться лишь после событий февраля 1934 года во Франции. Тогда стихийная тяга трудящихся к единству заставила вождя французских коммунистов Мориса Тореза пойти на совместные с социалистами действия против поднявших голову фашистов. Видимо, боязнь утратить влияние на массы, а вовсе не поиск естественных союзников для борьбы с фашизмом, как это было представлено кремлевскими пропагандистами, и заставила И. В. Сталина пересмотреть курс Коминтерна. В противном случае альянс с вождями социал-демократов был бы испробован гораздо раньше, в Германии, с целью недопущения Адольфа Гитлера к власти. Но позиции КП Германии в 1928–1932 годах лишь укреплялись[32], а неприязнь коммунистических активистов к социал-демократам скорее перевешивала чувства солидарности.

В научной литературе частенько утверждается, что недооценка И. В. Сталиным силы нацизма способствовала назначению 30 января 1933 года А. Гитлера рейхсканцлером. Скорее наоборот, уверенный в неотвратимости торжества нацизма в Германии, «вождь народов» затеял игру с дальним прицелом: обратить усиливающийся фашизм против западных демократий, чтобы добиться их взаимного ослабления. Только один штрих. Маргарете Бубер-Нейман в своих мемуарах вспоминала, как ее муж, немецкий коммунист Гейнц Нейман, играл летом 1932 года с И. В. Сталиным в Мацесте в городки. «У Неймана плохо получалось, и он вынужден был сносить

насмешки Сталина. Нейман попытался придать игре политический характер. Он называл фигуры именами нацистских вождей, и если одна из них падала, он кричал, что теперь упал Геббельс, теперь — Геринг, а теперь — сам Гитлер. Это так сильно раздражало Сталина, что тот вдруг крикнул: «Прекратите, Нейман! По-моему, этот Гитлер чертовски шустрый парень!»[33]

В сталинских расчетах западным коммунистам была уготована роль **вспомогательной** силы в планируемой с помощью Красной армии развязке. Но раз так, альянс с социал-демократами (и не только с ними) обретал смысл лишь как тактический ход, способный удержать активную часть пролетариата в объятиях Кремля. Пока массы явно не демонстрировали тяги к единству, можно было продолжать «сектантский» курс, тем более что так проще было сохранить свободу маневра и уберечь коммунистов от разлагающего влияния социал-реформизма. Не Следует также забывать, что в Коминтерне существовала группа влиятельных аппаратчиков: Иосиф Пятницкий, Вильгельм Кнорин и Бела Кун, с нескрываемым недоверием относившихся к любым проектам сближения с социал-демократической верхушкой. Не было единодушия и в руководстве многих компартий. И хотя возглавивший в мае 1934 года секретариат ИККИ болгарин Георгий Димитров был ревностным сторонником изменения курса Коминтерна, И.В. Сталин предпочитал действовать не спеша, осторожно.

Стратегии то явного, то тайного раздувания противоречий между фашистскими державами и буржуазными демократиями И.В. Сталин придерживался вплоть до начала Второй мировой войны. Разумеется, из этого не следует делать упрощенческий вывод, что VII конгресс Коминтерна, проходивший с 25 июля по 21 августа 1935 года в Москве и утвердивший лозунг Народного фронта, то есть союза не только с социал-демократами, но и с «демократическими» буржуазными партиями, был только грандиозным шоу, призванным прикрыть расчеты (просчеты?) хозяина Кремля. Спровоцировав конфликт в коминтерновском руководстве, И.В. Сталин перевел И. Пятницкого и В. Кнорина в аппарат ЦК ВКП(б). В сентябре 1936 года оказался не у дел Б. Кун. В новом политическом контексте большевикам было легче вести переговоры с западными демократиями, которые теперь были готовы пойти на сближение с СССР. В 1933 году США наконец-то установили дипломатические отношения со Страной Советов, осенью 1934 года Советский Союз приняли в Лигу Наций, а в мае 1935 года пакт о взаимной военной помощи связал Москву, Париж и Прагу.

Кстати сказать, VII конгресс был последним в истории Коминтерна: больше ни конгрессы, ни пленумы ИККИ не созывались.

Двойственным было отношение И. В. Сталина к гражданской войне в Испании 1936–1939 годов. С одной стороны, ему явно хотелось оказать эффективную помощь правительству Народного фронта, с другой — в ситуации, когда западные демократии трусливо отвернулись от республиканцев, он не пожелал увязнуть в конфликте с безнадежным исходом. Сформированные по решению секретариата ИККИ от 18 сентября 1936 года интернациональные бригады не могли изменить положения на фронтах: вопервых, потому что численно уступали прибывшим на подмогу Франко итало-немецким частям, во-вторых, потому что их боевая подготовка была ниже, чем у мятежников. А мужеством нельзя компенсировать отсутствие знаний в военном деле! Как сказал на склоне лет один бывший интербригадовец: «Мы умели умирать, а надо было уметь убивать».

Низведение Коминтерна до второстепенного орудия внешней политики СССР таило в себе возможность превращения его в разменную монету в расчетах со странами Запада, Так оно и произошло. Первой в списке стран, ради «дружбы» с которыми И. В. Сталин оказался готов пожертвовать Коммунистическим интернационалом, стала нацистская Германия. 23 августа 1939 года был подписан советско-германский договор о ненападении с секретным протоколом о разграничении сфер интересов двух держав. И. В. Сталин отлично понимал, что СССР не готов к большой войне, и, желая задобрить своего нового партнера, уже летом 1940 года помышлял о роспуске Коминтерна. В апреле 1941 года вопрос о ликвидации Коминтерна был поставлен перед Г. Димитровым более конкретно. Выдвинутое предложение И. В. Сталин объяснял необходимостью придать компартиям национальный облик, дабы помочь им решать специфические для каждой страны задачи. Разумеется, это был аргумент для публики, предназначенный закамуфлировать очередной зигзаг в советской внешней политике. Начало операции «Барбаросса» заставило отложить сталинский план. Задачей Коминтерна официально вновь стала борьба против фашизма. Он просуществовал еще два года и был распущен в мае 1943 года в угоду англо-американским союзникам по антигитлеровской коалиции. Ликвидируя Коминтерн, И. В. Сталин давал ясно понять Западу, что он порывает окончательно с идеей мировой революции в обмен на традиционную политику сфер влияния[34]. Выросший из революционного движения масс **Государственный интерес**, как птенец кукушки, избавившись от раздражающих

соседей, стал полновластным хозяином гнезда с названием «реальный социализм». Но могло ли быть по-другому?

ГЛАВА 2
«В Ницце арестован чехословак, называющий себя Залевоски, и которого именуют также Абрамович…»

Александр Емельянович Абрамович родился 27 марта 1888 года в семье крупного землевладельца еврейской национальности на хуторе Ново-Мацкулы Тираспольского уезда Херсонской губернии, располагавшемся в 100 верстах от Одессы. Окончив в 1904 году одесскую 4-ю гимназию, он поступил на медицинский факультет местного или, как его официально именовали, Новороссийского университета, откуда в январе 1905 года был исключен без права нового поступления в высшие учебные заведения за участие в антиправительственных выступлениях. В связи с исключением из университета Александр был изгнан из родного дома и вынужден был устроиться простым рабочим на завод сельскохозяйственных машин.

В марте 1908 года А. Абрамовича приняли в партию большевиков[35], а летом того же года, желая сократить срок военной службы, он поступил вольноопределяющимся в 60-й Замосцкий полк, расквартированный в пригороде Одессы. Однако солдатская служба А. Е. Абрамовича продолжалась всего 6 недель: вместе с группой солдат он был арестован по обвинению в участии в военной большевистской организации и приговорен судом к 4 годам каторги. Наказание отбывал в Одесской каторжной тюрьме. Благодаря хлопотам отца А. Е. Абрамович был досрочно, в 1911 году освобожден под поручительство, после чего его отправили на вечное поселение в Восточную Сибирь.

По дороге в ссылку, в Иркутске, А. Абрамович при помощи партии бежал за границу. Обосновался в Швейцарии, проживал сначала в Женеве, а с началом мировой войны перебрался в Шо-де-Фон, где долго был единственным эмигрантом-большевиком. Работал на ряде часовых заводов, сочетая работу с учебой на медицинском факультете Женевского университета, который, однако, так и не закончил. Этот факт был засвидетельствован самим А. Е. Абрамовичем в анкете, заполненной 27 апреля 1925 года для руководства Исполкома Коминтерна (ИККИ)[36]. Она противоречит данным более поздних анкет, в которых А.Е. Абрамович уверял, что окончил вышеназванный университет[37].

Важным событием в жизни А. Е. Абрамовича стало знакомство с В. И. Лениным. Они встретились в 1911 году в

Берне. Позже стали переписываться[38]. Осенью 1914 года В. И. Ленин из Галиции перебрался в Швейцарию, что, естественно, облегчило ему контакты с местными эмигрантами-большевиками. Именно по совету В. И. Ленина Александр Абрамович в начале 1915 года переехал в Шо-де-Фон и включился в работу Швейцарской социалистической партии и местного Интернационального рабочего союза. Секретарем этого союза был Жюль Эмбер-Дро, впоследствии один из руководителей Коминтерна. В марте 1917 года А.Е. Абрамович организовал приезд В. И. Ленина в Шо-де-Фон для чтения реферата памяти Парижской коммуны. Вместе с Ильичом в знаменитом «пломбированном» вагоне А. Абрамович вернулся 3 апреля 1917 года, после свержения царя, в Россию. Фамилия Абрамович фигурирует наряду с фамилиями Ленин, Зиновьев, Арманд и другими в списке лиц, давших подписку об ознакомлении с условиями проезда через Германию.

Его назначили ответственным организатором Охтинской районной организации РСДРП(б) и избрали членом Петроградского комитета партии, а после июльских беспорядков в Петрограде откомандировали пропагандистом на румынский фронт. Выполняя задание партии, А. Е. Абрамович уехал в Одессу, где записался в августе в 49-й запасной пехотный полк. Вскоре его избирают председателем солдатского комитета маршевого полка, председателем Совета солдатских депутатов гарнизона и членом Президиума *Румчерода* (Исполкома Совета солдатских и матросских депутатов румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа)[39]. Одновременно он был кооптирован в члены одесского комитета РСДРП(б).

В октябре 1917 года А. Абрамович в качестве члена революционного комитета участвовал в вооруженном восстании, установившем в Одессе советскую власть.

В январе 1918 года А. Е. Абрамовича отозвали из Одессы, дав новое задание: формировать части создававшейся тогда Красной армии. В Петроград он возвратился лишь в марте 1918 года делегатом VII съезда РКП(б). На этом чрезвычайном съезде главным рассматривавшимся вопросом было отношение к подписанному 3 марта в Брест-Литовске Советом Народных Комиссаров миру с кайзеровской Германией. «Левые коммунисты» во главе с Н. И. Бухариным были решительными противниками «похабного», по выражению В.И. Ленина, мира, обязавшего Россию выплатить контрибуцию в 6 млрд. золотых марок и отторгавшего от нее часть территорий. С намерением отвергнуть навязанный немцами мир приехал на съезд и А. Е. Абрамович. Но В. И. Ленин сумел убедить его, как и большинство

делегатов, в необходимости пойти на это унизительное соглашение с немцами. Противники В.И. Ленина собрали из 46 голосов только 12. Мирный договор был ратифицирован IV Чрезвычайным съездом Советов.

С мая А. Абрамович — разъездной инструктор ЦК РКП(б), а затем начальник отряда особого назначения Московского военного округа. Принимал участие в боях против восставшего чехословацкого корпуса, летом и осенью 1918 года представлявшего главную опасность для советской власти.

Чехословацкий корпус был сформирован из военнопленных и эмигрантов еще в 1917 году по инициативе Союза чехословацких обществ. В январе 1918 года корпус был объявлен автономной частью французской армии, а в марте советское правительство дало согласие на переброску частей корпуса во Францию через Владивосток при условии сдачи оружия и удаления из их личного состава русских офицеров. Командование корпуса нарушило эти условия, а когда правительство РСФСР по инициативе И. В. Сталина начало разоружение чехословаков, оказало сопротивление, вскоре взяв под свой контроль практически все прилегающие к транссибирской железнодорожной магистрали населенные пункты.

В феврале 1919 тда по заданию ЦК РКЩб) с целью налаживания связей с революционными элементами в Европе А.Е. Абрамович нелегально перешел границу Германии. Его путь лежал через Берлин в столицу Баварии Мюнхен, где «согласно условию» ему следовало устроиться. С политической точки зрения Бавария в это время отличалась от Пруссии своими либеральными порядками. Коалиционное социал-демократическое правительство, не препятствовало коммунистической пропаганде, в Мюнхен бежали от преследования центральных властей многие немецкие коммунисты, в том числе и состоявший в прошлом в русской партии социалистов-революционеров Эйген Левинэ. После убийства в Москве немецкого посла графа Вильгельма Мирбаха он порвал с эсерами и вступил в Независимую социал-демократическую партию, а сразу после Ноябрьской революции в Германии вошел в «Союз спартаковцев».

В марте 1919 года Э. Левинэ прибыл в Мюнхен, где под псевдонимом Ниссен возглавил баварских коммунистов. Привлечение к работе другого выходца из России — анархиста Аксельрода позволило наладить выпуск ежедневной газеты «Мюнхенское красное знамя», по популярности значительно превосходившей социал-демократические издания. Быстро росли ряды партии: если в начале весны коммунистов в Баварии

насчитывалось официально не более 600 человек, то к апрелю их стало в 10 раз больше[40]. Более того, почти завершились переговоры о слиянии с коммунистами местной организации Независимой социал-демократической партии Германии, члены которой были готовы даже предварительно обновить свое руководство в обмен на обязательство не сводить «старых партийных счетов».

Однако ситуация кардинально изменилась, когда «независимцами» 7 апреля была внезапно провозглашена Баварская советская республика и сформировано правительство во главе с поэтом и драматургом Эрнстом Толлером. Советская власть просуществовала всего три, а под руководством коммунистов — лишь две недели. 3 мая в Мюнхене белогвардейцами были подавлены последние очаги сопротивления. В ходе уличных боев были убиты 159 человек и ранены 900. Более 1500 человек подверглись аресту с последующим осуждением.

5 июня по приговору военно-полевого суда казнили Эйгена Левинэ. Позже ИККИ назначил его сыну до достижения совершеннолетия ежемесячную пенсию в размере 40 долларов. Эрнст Толлер оказался за тюремной решеткой, где провел 5 лет. В заключении он вступил в КПГ.

Крушение советской республики в Баварии было предопределено целым рядом факторов: пассивно-оборонительной стратегией ее руководства, внутренними межпартийными трениями, заурядной коррупцией. Разложению подвергались не только местные функционеры, но и агенты Коминтерна. Вот что писал по этому поводу А. Е. Абрамович: «Когда венгры (т. е. КП Венгрии. — *М. П.*) были у власти, то они такую кутерьму затеяли, что прямо волосы дыбом становятся. Например, в Мюнхен приезжает курьер и передает для мюнхенской партии 30 000 крон. Случайно я являюсь к нему для того, чтобы расспросить о положении дел в Венгрии. Он чуть ли не падает в обморок и дает мне еще 50 000 крон, но потом оказывается, что он получил 150 тысяч и разделил их между своими приятелями. Так же и с нашими курьерами»[41].

А. Е. Абрамович, по собственным словам, входил в рабочее правительство[42], однако документов, подтверждающих это, не обнаружено. После падения советской власти он скрывался 10 дней у местных студентов, а затем выбрался из города и уехал в Лейпциг. Здесь на переговорах с представителем ЦК компартии Германии А. Е. Абрамович условился, что после оказания организационной помощи немецким коммунистам он переедет во Францию.

Во время работы в Германии московскому эмиссару пришлось посетить ряд партийных конференций, в том числе в Магдебурге, Галле, Гамбурге, Бремене. В поездке его сопровождал член ЦК КПГ Пауль Фрёлих. Выводы, к которым пришел А. Е. Абрамович, были малоутешительными. *«В партии имеется довольно значительное количество синдикалистов, которые, прикрываясь маской коммунизма, пытаются за спиной организации проделывать сбои делишки. Так, они всеми силами борются против централизованной партии и все время проповедуют федеративное устройство. Они занимаются путчизмом и думают, что это самое лучшее средство завоевать симпатии масс и достигнуть революции. Конечно, этим они достигли как раз обратных результатов. Массы, которые сначала поддавались на эту удочку, до того утомились, что никаких революционных шагов предпринимать нет возможности. Партия, раздираемая внутренней борьбой, очень слаба, и теперь самой важной задачей является внутренняя реорганизация. Преследования, посыпавшиеся на партию вследствие того, что синдикалисты в своей последовательности докатились до испанских методов борьбы (т. е. терроризма, пассивной забастовки и прочих прелестей анархизма), отпугивают массы от партии. Средние слои вследствие полного отсутствия информации о нашей партии считают ее составленной из грабителей и разбойников»*[43], — подвел итог А. Е. Абрамович.

Позже, уже в другом письме, он развил свои соображения относительно принципов строительства коммунистических партий:*«…Мы в Западной Европе имеем дело не с восставшими массами, которые только не сумели еще захватить власть, а с одураченными своими вождями и под влиянием экономических условий только начинающими приходить в себя пролетариями. Следовательно, к этим массам нужно подходить с совершенно другой меркой и поступью, нежели в России. Положение теперь в Западной Европе приблизительно такое, какое было в России после провала революции 1905 года. Необходимо упорным трудом стараться, чтобы массы, а не группки сорганизовались вокруг действительно действующей партии, вооруженной марксистским пониманием истории и не боящейся никаких неудач. Везде, не исключая Германии и Австрии, дело обстоит несколько иначе…*

В революционное время партия должна быть централизована. ЦК должен иметь диктаторские полномочия и всякий, не подчиняющийся дисциплине, должен быть удален… Я был бы счастлив, если бы левые независимцы, наконец, слились с коммунистами, тогда у нас будет жизнеспособная и борьбеспособная массовая партия в Германии…»[44]

Как мы видим, эта концепция партии прямо противоположна социал-демократической и анархистской. Вот почему А. Е. Абрамович с таким упорством боролся против анархо-синдикалистского течения в компартии Германии, требуя изгнания его «вожаков» из партийных рядов. В частности, он в июле 1919 года предложил ЦК КПГ исключить из партии бременских синдикалистов и журналиста Фрица Вольфгейма, так как они «открыто агитировали против партии и ее органов». Осенью группа Вольфгейма — Лауфенберга действительно была выведена из КПГ, вскоре она трансформировалась в движение национал-большевиков.

Вышеприведенная цитата свидетельствует также о том, что он не питал особых иллюзий относительно сроков пролетарской революции на Западе.

Не менее критичным было отношение московского эмиссара к Швейцарской компартии. В этом же письме он сообщал, что побывал в Швейцарии, где общался с рабочими Базеля, Шафгаузена, Женевы. «…О ней (партии. — *М. П.*) все они заявляют следущее: это группа мальчишек, играющая судьбами пролетариата. Всеобщие забастовки — вот единственная панацея от всех зол. Но ведь нельзя же ежедневно устраивать всеобщие забастовки, в особенности в Швейцарии, где и настоящего-то пролетариата нет. Все более или менее серьезные товарищи стоят в стороне от нее. Герцог[45] и пара-другая товарищей очень энергичные люди, но остальные набраны прямо сброд какой-то, обиженные и неудачники объединились. Политика больше личная, и главным нервом движения являются, конечно, русские деньги. Дайте им денег, и они вам сделают революцию».

В Париж Абрамович прибыл в августе 1919 года[46]. Поселившись на Монмартре, он установил контакты с образовавшимся в мае Комитетом III Интернационала и левыми кругами в профсоюзах, достал для него очень скромные денежные средства и обеспечил литературой. И хотя в это время Комитет объединял примерно сотню человек, первые впечатления Абрамовича от увиденного были близки к эйфории. «Я работаю сейчас во Франции. Там положение очень хорошее, имеются прекрасные (революционные. — *М. П.*) меньшинства как в партии, так и в синдикалистском движении. Этой зимой, вероятно, будет формально образована коммунистическая партия… Имеются еще некоторые трения в рядах Комитета III Интернационала, но все это объясняется тем, что до сих пор наша деятельность была до того мизерной, что широкие массы абсолютно не имеют понятия. Францию мы до сих пор неглижировали, несмотря на всю важность, какую представляет эта страна для революционного

движения. Возможность работы, как легальная, так и нелегальная, очень хорошая»[47], — утверждал Абрамович в письме от 29 сентября. В соответствии со сделанными выводами он сконцентрировал усилия на организации Западноевропейского секретариата (бюро) Коминтерна, который должен был разместиться в Германии. Предполагалось, что секретариат будет координировать и оперативно руководить работой Коминтерна в Западной и Центральной Европе. Лишь в ноябре во Франкфурте удалось созвать конференцию Западноевропейского секретариата, на которой, кроме нашего героя, присутствовали немцы Клара Цеткин, Август Тальгеймер, австриец Карл Франк, англичанка Сильвия Панкхерст. К последней, как вчерашней суфражистке, Абрамович относился с явным недоверием. Недоброжелателей, впрочем, у С. Панкхерст было достаточно и на родине; она была исключена из компартии Великобритании уже в 1921 году.

После конференции вместе с болгарином Иваном Петровичем Степановым Абрамович, взявший псевдоним Альбрехт, попытался активизировать контакты с французскими революционными элементами. Оптимизм оказался ложным: до марта 1920 года дело не пошло дальше бесед о необходимости усиления пропаганды и установления более тесных связей с коммунистами других стран и Западноевропейским секретариатом ИККИ. В то же время, как явствует из телеграммы Максима Литвинова наркому иностранных дел РСФСР Георгию Васильевичу Чичерину от 14 декабря 1919 года, Александр Абрамович выступил против принятия в Коминтерн Французской коммунистической партии Раймона Перика, созданной в июне того же года и объединявшей анархо-синдикалистов, склонных к индивидуальному террору[48]. Этьен Лякост, член Центрального комитета этой партии, сумел, наладив контакты с Москвой, создать рекламу сторонникам Перика как людям, свободным от пут оппортунизма и влиятельным в рабочей среде.

Отсутствие необходимых материальных средств обрекло на провал все первоначальные попытки создать печатный орган или хотя бы выпустить серию брошюр. Вплоть до съезда Социалистической партии (официально именовалась SFIO — СФИО) в Страсбурге, прошедшего в конце февраля, представителям Коминтерна не удавалось реально влиять на ход событий в рабочем движении Франции: желание активно участвовать в политической борьбе воспринималось холодно, а о принимаемых решениях их информировали уже после свершившегося.

Съезд в Страсбурге принял решение о выходе из II (Бёрнского) Интернационала. Однако резолюция левых о

вступлении в III Коммунистический интернационал не нашла поддержки большинства делегатов. В то же время съезд направил двух своих представителей — Марселя Кашена и Людовика-Оскара Фроссара — в Советскую Россию для изучения возможностей сближения с Коминтерном. Вот как оценил ситуацию некоторое время спустя Абрамович в своем письме в Москву: *«Во Франции работа двинулась с мертвой точки. Комитет III Интерн[ационала], если еще не является в самом деле партией… лишь принадлежит к конгломерату партий, которой является Французская социалистическая партия. Но сожительство становится все более и более невозможным. Массы не доверяют центристам, и приходится все больше думать, что раскол в партии неминуем. Мы не форсируем событий, а для того, чтобы не быть застигнутыми врасплох, образуем нами организации, сплачиваем нами силы и стараемся в случае, если нам придется подвергнуться ампутации, чтобы мы вышли из этого положения более сильными»*[49].

Действительно, со времени Страсбургского съезда влияние Альбрехта на формирование коммунистического движения во Франции усиливается, однако обозначилась новая проблема: он безнадежно испортил отношения с остальными четырьмя эмиссарами Коминтерна, вместе составлявшими так называемую «Французскую делегацию Западноевропейского секретариата Коминтерна». Первоначально в этот организм, помимо Альбрехта, входили И. П. Степанов и некто Пьери — под этим псевдонимом, возможно, скрывался кассир делегации по фамилии Стон. А. Е. Абрамович упоминает его в одном из своих заявлений в Исполком Коминтерна[50]. О встрече в Париже в конце июля 1920 года с представителем ИККИ по фамилии Стон по вопросам финансирования пропагандистской деятельности французского комсомола вспоминал восемь лет спустя в своей книге порвавший с коммунизмом Морис Ляпорт. Переговоры, проходившие в одной из квартир на верхнем этаже старого дома на улице Сен-Жак, закончились полным согласием. Стон, которого М. Ляпорт описывает как «бритого наголо человека, с лицом, совершенно изъеденным перенесенной когда-то оспой»[51], уведомил последнего, что будет лично заниматься финансовой отчетностью руководства Коммунистического союза молодежи Франции.

Не исключено, что фамилию Стон использовал прибывший в 1919 году во Францию сотрудник Российского телеграфного агентства (РОСТА) Владимир Иванович Федоров (псевдоним Забрежнев). В прошлом видный анархист и масон, он длительное время проживал в эмиграции, в основном в Париже. Вступив в 1919 году в РКП(б), Владимир Забрежнев стал доверенным лицом

самого В. И. Ленина. В чемодане с двойным дном В. И. Забрежнев привез 9 бриллиантов, в том числе два по 12,17 карата каждый. Обладая такими драгоценностями, он автоматически становился главным финансистом французских единомышленников Москвы. В 1921–1922 годах В. И. Забрежнев заведовал отделом печати НКИД, а в 1922–1923 годах являлся начальником Научно-технического отдела ОГПУ — и это говорит о многом. В 1926–1927 годах он находился в составе советской торгово-дипломатической миссии в китайском городе Урумчи, в конце 1920-х годов умудрился стать заместителем директора Эрмитажа по научной части и даже временно исполняющим обязанности директора Эрмитажа. С 1930 по 1932 год был заместителем директора Института мозга и Института имени Лесгафта в Ленинграде, а с 1932 года вплоть до ареста в августе 1938 года работал цензором в Леноблглавлите.

Во второй половине марта 1920 года состав делегации пополнился еще двумя коминтерновцами, Владимиром Деготем и Софьей Соколовской. О Владимире Александровиче Деготе речь пойдет в четвертой главе, а о **Софье Ивановне Соколовской** скажем несколько слов здесь. Она родилась 29 марта 1894 года в Одессе в семье адвоката и служащей городской бактериологической станции. Родители Сони в молодости принимали участие в народническом движении. Мать — Людмила Ивановна (в девичестве Лисенко) даже подверглась административной ссылке по делу ученика Н.Г. Чернышевского Германа Александровича Лопатина. Поэтому нет ничего удивительного в том, что до 18-летнего возраста Софья Соколовская сочувствовала партии социалистов-революционеров (эсеров), считавших себя наследниками народнической идеи. Однако постепенно в ее мировоззрении наступает перелом, и в 1915 году слушательницей юридического факультета Высших женских Бестужевских курсов она вступает в большевистскую фракцию РСДРП. С мая 1917 года С.И. Соколовская — член Черниговского губкома партии, а с захватом власти большевиками становится председателем Черниговского Совета рабочих депутатов. Она избиралась делегатом I, а затем и II съездов компартии Украины, по окончании которого была направлена не без ведома И.В. Сталина на нелегальную работу в Одессу (ноябрь 1918 года). Здесь С.И. Соколовская под псевдонимом Елены Кирилловны Светловой вошла в состав местного обкома и самым активным образом занялась организацией коммунистической пропаганды среди солдат и матросов экспедиционного корпуса стран Антанты, оккупировавшего город. Одесский коммунист-подпольщик

Филипп Ефимович Балкун впоследствии вспоминал: *«…Елена Соколовская. Всегда спокойная, бесстрашная. Она, бывало, сидит на «явке», держа возле себя пачку папирос и печать областкома. Она деловито инструктировала товарищей из провинции. Давала им деньги, мандат и прощалась с ними, а если с ней случалось какое-нибудь приключение, то она это рассказывала не иначе как со смехом, и прекрасные глаза блестели от радости и смеха, и не раз нам, мужчинам, приходилось краснеть, когда мы не решались ходить так поздно ночью, а Елена ходила»*[52].

Когда установилась советская власть, распространился слух, в том числе и в партийных кругах, что С. И. Соколовская порой лично наблюдала за казнью видных контрреволюционеров. Позже его добросовестно воспроизвел в своей книге свидетель революционных событий в России француз Марсель Боди[53]. С этой информацией перекликается замечание коминтерновца Виктора Сержа (наст. фам. Кибальчич). В «Воспоминаниях революционера» среди лиц, запомнившихся ему в период работы III Конгресса Коминтерна, он отметил «маленькую белокурую чекистку из Одессы, о кровавой жестокости которой ходили слухи»[54]. Имелась в виду, конечно же, Софья Соколовская, которая, как документально установлено, работала на Конгрессе переводчицей в редакционной комиссии французской делегации.

Вряд ли, однако, эти пересуды соответствовали действительности — в годы Гражданской войны почти в каждом губернском городе находилась «красная ведьма», за спиной которой шептали, что она участвует в расстрелах арестованных в подвалах ЧК[55]. Вероятно, мы имеем дело с образчиком народной мифологии, активно использующей контрасты. Кровь «вопиет» сильней, когда к ней причастны хрупкие женские руки!

В декабре 1919 года, следуя полученной директиве, С. И. Соколовская вместе с В. А. Деготем выехала в Италию, а потом и Францию, где ей поручили наладить связь французских сторонников Коминтерна из провинции с Парижем, а также подготовку пропагандистских материалов о Советской России.

После возвращения из-за границы и участия по поручению ЦК РКП(б) в работе III Конгресса Коминтерна С. Соколовская получила должность заместителя заведующего Мосгубполитпросветом. К этому времени часть ее подпольного псевдонима — Елена Кирилловна — стала официальным именем и отчеством (кстати, это отразилось уже в воспоминаниях Филиппа Балкуна). С 1925 года она работала инструктором Сокольнического райкома МГК РКП(б), а затем — в Московском областном комитете партии. В 1930 году перешла в аппарат Центральной контрольной комиссии — Рабоче-крестьянской

инспекции (ЦКК-РКИ). На XVI съезде избиралась членом ЦКК ВКП(б). В 1935 году С. И. Соколовскую назначили директором студии «Мосфильм». Как оказалось, это была ее последняя должность: в 1937 году С. И. Соколовскую арестовали, а 26 августа 1938 года — расстреляли. «Французская шпионка» — так отозвался о ней И. В. Сталин в беседе с Георгием Димитровым 7 ноября 1937 года[56].

По согласованию с остальными членами делегации Альбрехт должен был отвечать за связи с руководством французских рабочих организаций, включая СФИО, а также за переписку с инстанциями Коминтерна. Однако быстро нашедшие общий язык В. Деготь, С. Соколовская и И. П. Степанов тут же стали использовать любой удобный случай для отправки в Москву и Берлин, где находился Западноевропейский секретариат ИККИ, собственных корреспонденций.

Неясно, что явилось первопричиной конфликта в группе коминтерновцев: соперничество или же реальные просчеты в работе. Сам Альбрехт утверждал, что расхождения выявились прежде всего относительно принципа взаимоотношений с французами. Если он придерживался метода максимальной интеграции с Комитетом III Интернационала, то В. Деготь и остальные настаивали на организационной самостоятельности лосланцев Коминтерна. В то же время Альбрехт не упустил случая передать в Москву сплетню о финансовой нечистоплотности В. Деготя в период его работы в Одессе[57].

В середине апреля Абрамович покинул Францию, отправившись в Милан. Там он встретился с коминтерновцами Николаем Марковичем Любарским и Даниилом Семеновичем Риделем, занимавшимися налаживанием связей с итальянскими крайне левыми элементами. «В Италии я видел революционные массы и оппортунистических вождей, — писал в отчете А. Абрамович. — Массы хотят действовать и освобождаться, но партия (т. е. Итальянская социалистическая партия. — *М. П.*) держит их крепко в руках и ни за что не желает двигаться. Так, например, за неделю до 1-го (первого) мая в Турине разгорелась генеральная забастовка, партия приняла отрицательное отношение по отношению к ней, и ни слова не сказала в своей печати. Парламент ничего не дал массам. Они всем разочарованы»[58].

Из Италии А. Е. Абрамович поехал в Вену, потом в Чехословакию, а затем через Берлин, где он посетил Западноевропейский секретариат, выехал в Россию. 30 июня 1920 года он был на приеме у В. И. Ленина, а через две недели перебрался в Петроград, чтобы в качестве делегата от

французского Комитета III Интернационала принять участие с совещательным голосом в работе II Конгресса Коминтерна.

8 августа 1920 года Малое бюро ИККИ назначило А. Е. Абрамовича наряду с Н. М. Любарским и Антоном Михайловичем Геллером представителями ИККИ в романских странах: Франции, Бельгии, Люксембурге, Италии, Испании и Португалии[59].

Произошло это несмотря на энергичное противодействие И. П. Степанова, также находившегося в тот момент в России. В специальном заявлении, сделанном Исполкому Коминтерна 30 июля, И.П. Степанов писал: *«…Чтобы избежать печальные последствия странных недоразумений и помешать, чтобы злоупотребляли авторитетом Исполкома 3-го Ин[тернацио]нала, я считаю своим партийным долгом предупредить Вас насчет тов[арища] Абрамовича и настоятельно просить Вас никуда его не посылать до тех пор, пока не будет Вам возможно серьезно и детально обсудить вопрос о посылке делегатов вообще и о посылке делегатов во Францию в частности. Ибо, по моему глубокому убеждению и на основании личных наблюдений во время почти 8 месяч[ной] совместной работы с тов[арищем] Абрамов[и чем], этот последний, вопреки всех усилий и хороших намерений, не в состоянии сделать то, что необходимо»*[60].

9 августа И. П. Степанов отправил еще одно заявление, в котором, настаивая на личной встрече с руководителями Коминтерна, среди прочего, мотивировал свою просьбу желанием «самым серьезным образом привлечь Ваше внимание к тов. Абрамовичу и его деятельности, польза от которой — более чем сомнительна»[61]. Г.Е. Зиновьев, ознакомившись с заявлением, решил вызвать 11 августа И. П. Степанова на заседание Малого бюро ИККИ, однако сведений, явился ли тот на заседание в назначенный день для разбора дела, обнаружить не удалось.

Не позже ноября с паспортом на имя чеха Франтишека Залевского А. Абрамович приехал во Францию и присутствовал на заседаниях съезда СФИО в городе Туре, где решался вопрос о присоединении к III Интернационалу.

Противники Коминтерна пытались использовать присланную на съезд телеграмму за подписью Г. Зиновьева, В. Ленина, Н. Бухарина, Л. Троцкого, напичканную грубыми обвинениями против занимавших в партии центристские позиции Жана Лонге и Поля Фора: «Проект резолюции, подписанный Лонге и Полем Фором, свидетельствует о том, что Лонге и его группа не испытывают никакого желания размежеваться с реформизмом. Они были и остаются убежденными проводниками буржуазного влияния на пролетариат»[62]. Полю Вайян-Кутюрье пришлось от имени левых заявить, что телеграмма ИККИ принимается как

осуждение политики правых и центра и что исключения за прошлые ошибки из партии не предусматриваются.

Хотя подавляющим большинством (3208 мандатов против 1022) все же было принято решение о вхождении в III Интернационал, у многих его сторонников закралась мысль, что бестактность письма объясняется неспособностью эмиссаров Москвы объективно освещать ситуацию во французском рабочем движении. Побывавшая на съезде немецкая коммунистка Клара Цеткин писала по этому поводу В. И. Ленину из Берлина 25 января 1921 года: *«Старые и новые коммунисты просили меня передать Вам и другую жалобу. И те, и другие возлагают вину за неудачное вмешательство Исполк[ома] на счет плохо ориентирующих отчетов. Они считают, что если Вы не можете послать во Францию людей, которые могли бы занять объективную позицию, давать всему правильную историческую и политическую оценку, верно характеризовать события и оценивать людей, то лучше было бы не посылать туда товарищей. Я взяла Абрам[овича] под защиту от повторяющихся упреков. По моему мнению, в ситуации перед объединением в п[артию] он вел себя совершенно корректно. Но здесь не верят в его способность давать верную информацию.*

Все же надо признать, что он добросовестно выполняет Ваши указания, работает мужественно и самоотверженно»[63].

Итоги съезда в Туре были большой победой сторонников Москвы: из 178 372 членов СФИО в образовавшуюся коммунистическую партию перешли свыше 130 тысяч, тогда как решили сохранить «старый дом», то есть социалистическую партию, лишь около 30 тысяч.

В воскресенье, 30 января 1921 года, А. Абрамович вместе с женой Зельмой Бертынь и семимесячным сыном Александром были арестованы в Ницце[64] по обвинению во въезде в страну по подложным документам. За А. Е. Абрамовичем усиленно следили еще со времени окончания съезда в Туре. Ему удалось пробраться незамеченным в Италию, где он посетил съезд социалистов в Ливорно, однако по возвращении во Францию угодил прямо в руки полиции. Неосторожные откровения Альбрехта своему сокамернику — бывшему директору пацифистской газеты «Ля Веритэ» Пьеру Менье — стали поводом для развертывания французскими правыми пропагандистской кампании о «золоте Москвы»[65]. Писали о 14 миллионах франков. Морис Ляпорт в своей книге назвал сумму 945 тысяч[66]. На самом деле в распоряженииА. Е. Абрамовича было не более 600 тысяч, две трети из которых следовало передать в другие страны.

Около двух недель А. Е. Абрамович содержался в тюрьме

города Ниццы, затем его перевели в парижскую тюрьму «Сантэ». Зельму Бертынь с ребенком поместили в другую столичную тюрьму — «Сен-Лазер».

По делу Залевского были арестованы 18 французских граждан, в том числе два члена руководства ФКП: Амедей Дюнуа и Антуан Кер, пытавшиеся получить в «Американ Экспресс Бэнк» по подписанным А. Абрамовичем чекам деньги. Полицией были задержаны также И. П. Степанов (под фамилией Лебедев), вскоре отпущенный, и коминтерновец сербского происхождения Радомир Вуйович[67], высланный из Франции после трехмесячного заключения. Однако А.Е. Абрамович сумел вывернуться, заявив следователю Жуслену, что выявленная сумма предназначалась для издания большого популярного журнала.

В начале мая Абрамовича выпустили из тюрьмы, чтобы депортировать в Швейцарию. 17 июля 1921 года он прибыл в Россию, а уже 24 июля 1921 года Малое бюро ИККИ назначило его заместителем управляющего делами ИККИ. Вскоре он, однако, был направлен представителем в Эстонию. Затем решением ГТсезидиума ИККИ от 16 декабря 1922 года А. Абрамовича перебросили в распоряжение Балканской коммунистической федерации в Вену[68], где он пробыл до сентября 1924 года и несколько раз выезжал в Болгарию. В частности, 22–24 августа 1923 года он присутствовал на созванном в Софии заседании Исполкома БКФ, на котором было принято решение оказать помощь балканским компартиям в выработке конкретных директив по реализации политики единого фронта и лозунга рабоче-крестьянского правительства. Именно в это время у него появился новый псевдоним — Четуев[69].

В сентябре 1924 года по собственной просьбе (это было вполне в духе времени), считая, что «оторвался от масс»[70], Абрамович уволился из аппарата ИККИ и по направлению ЦК РКП(б) проработал полгода инструктором Екатеринославского губернского комитета партии. 4 апреля 1925 года А. Абрамович возвратился на работу в Коминтерн, где его определили в Организационный отдел, а после смерти в ночь на 2 августа 1925 года Павла Александровича Вомпе доверили руководство Отделом международной связи (ОМС) ИККИ. Особого рвения А. Е. Абрамович на этом посту не проявлял, и фактически всю работу за него вел секретарь ОМС Грегор Вуйович, родной брат уже упоминавшегося Радомира Вуйовича. Делу это, разумеется, не способствовало.

Этот отдел был создан в 1920 году по решению II Конгресса Коммунистического интернационала. С помощью курьеров и агентов на местах он обеспечивал оперативный обмен

информацией между ИККИ и компартиями, а также отвечал за переправку финансовых средств. Кроме того, ОМС занимался технической подготовкой вояжей московских эмиссаров и посланцев компартий, разрабатывая для них маршруты путей и обеспечивая явками и фальшивыми документами.

25 августа 1925 года секретарь Исполкома Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) Виссарион Ломинадзе обратился к секретарю ИККИ Отто Куусинену и Председателю ИККИ Г.Е. Зиновьеву с заявлением, в котором подверг резкой критике деятельность как московского аппарата ОМС, так и его берлинского и венского пунктов. Каплей, переполнившей, чашу негодования В. Ломинадзе, стали злоключения сотрудника ИККИМ Иосифа Давыдовича Мазута (1899–1937), который был задержан на пароходе германской полицией и провел восемь дней в гамбургской кутузке, поскольку не получил от представителя ОМС в Берлине Александра Лазаревича Абрамова (псевдоним Миров) нужных документов.

«Т[оваршц] Иоганн, — писал В. Ломинадзе о другом агенте ИККИМ, — арестованный сейчас в Голландии… получил какую-то дрянную бумажонку, которая осложнит его положение, тогда как все это можно было устроить вполне легально.

Со своей стороны я добавлю еще несколько фактов, — продолжал секретарь ИККИМ. — Я, уезжая из Берлина в Прагу, получил две явки в Прагу от того же т. Мирова. Обе оказались совершенно фантастическими, и я, конечно, позорно провалился бы в Праге, не возьми я случайно одного частного адреса у частного знакомого.

Я уже не говорю о том, какое, простите за выражение, б… творилось в Вене до назначения туда вместо знаменитой Нины т[овари]ща Луфта, принимающего теперь очень энергичные меры к исправлению всех гадостей, оставленных в наследство этой самой Ниной. Нина же поехала отдыхать на лучший австрийский курорт, вместо того, чтоб быть преданной немедленно партийному суду»[71].

В объяснительной записке Абрамович вяло оправдывался, утверждая, что он не в состоянии оказывать сотрудникам ИККИМ такую же помощь, как их «старшим» коллегам из ИККИ.

В процитированном выше заявлении В. Ломинадзе упоминается Луфт (он же *Яков Матвеевич Март*, Нуланс). Настоящая фамилия этого человека была **Рудник** (1894–1963). Он родился в Киеве. В 1919 году бежал от деникинцев из Крыма во Францию. Там вступил в Комитет III Интернационала, а затем во Французскую коммунистическую партию члена этого комитета Раймона Перика. За активное участие в забастовочном движении

отсидел 3 месяца в парижской тюрьме «Сантэ» и 15 октября 1920 года был выслан из страны. Некоторое время работал в Статистическом отделе ИККИ. В феврале 1921 года он вновь оказался во Франции, но уже в качестве нелегального резидента ВЧК. Создал сеть по сбору информации о французской армии и флоте и «окно» на франко-итальянской границе, сумел организовать изготовление паспортов, проник в белоэмигрантские организации. В 1922 году был арестован и после тюремного заключения в январе 1924 года выслан из Франции. Прикомандированный в 1925 году к советскому посольству в Вене Луфт занимался как сотрудник ОМС не только подготовкой явок, но и изготовлением фальшивых паспортов «нуждающимся» коммунистам. Работавшая вместе с мужем в Вене Элизабет Порецки так охарактеризовала Луфта: «Ему было около тридцати пяти лет. Всегда опрятный, подтянутый, он, однако, производил при первом знакомстве странное впечатление: Люфт (так в тексте. — *М. П.*) находился в состоянии постоянного напряжения — не переставая двигался, когда говорил, в разговоре часто перескакивал с одного языка на другой, не замечая этого, темпераментно жестикулировал, глядя на собеседника глазами, полными огня и страсти. Хотя Люфт и не принадлежал к оппозиции, он часто слишком открыто высказывался о партийном руководстве СССР и разрушительных для партий методах его работы. Кроме того, у него были дружеские отношения с послом Иоффе…»[72]

14 апреля 1926 года А. Е. Абрамович обратился в Секретариат Исполкома Коминтерна с заявлением, в котором попросил освободить его «от обязанностей заведующего ОМС». Довольно путано он объяснял, что используется в Коминтерне неправильно, сидит зачастую без дела, а «добавочная работа в Орготделе, которая… до сих пор представлялась, носит больше номинальный характер…» В заключение он «категорически» требовал «откомандирования в распоряжение ВКП(б)»[73].

В сентябре Абрамович действительно ушел с поста заведующего ОМС, перейдя снова в Орготдел референтом, а 7 января следующего года постановлением Секретариата ИККИ его командировали в Китай в качестве члена Дальневосточного бюро (Дальбюро) ИККИ. В связи с новым назначением А. Е. Абрамович сменил старый псевдоним на Арно.

Кроме А. Е. Абрамовича, представлявшего в Китае ОМС, в Дальбюро в это время входили Г.Н. Войтинский (председатель и представитель ИККИ в Китае), Моисей Григорьевич Рафес (секретарь), Татес Мандалян (представитель Профинтерна), Николай Михайлович Насонов и Николай Алексеевич Фокин,

представлявшие в Китае ИККИМ. Моисея Рафеса (1883–1942) нам еще придется упоминать, поэтому воспроизведем здесь характеристику, данную ему Л. Троцким в работе «Кто руководит ныне Коминтерном?», написанной в ссылке в сентябре 1928 года. «Рафес… оказался одинаково способен стать министром Петлюры, как и советником китайской революции. В какой мере он содействовал своей поддержкой гибели петлюровщины, судить не берусь. Но что он сделал все, что мог, для того, чтоб погубить китайскую революцию, об этом свидетельствует каждая строка его отчетов и статей»[74]. Действительно, М. Г. Рафес входил от еврейской социал-демократической партии Бунд в украинскую Директорию, возглавлявшуюся с 11 февраля 1919 года Симоном Петлюрой. В партию большевиков М. Рафес вступил лишь в конце 1919 года. Мы не беремся, в свою очередь, судить о том, насколько способствовал М. Г. Рафес разгрому китайской революции. Заметим лишь, что, как и Лев Троцкий, он стал жертвой сталинского террора: 2 июня 1940 года Моисея Рафеса, уже два года томившегося под следствием, приговорили к 10 годам лишения свободы. Умер он в лагере.

Ознакомившись с ситуацией, Абрамович пришел к выводу, ранее уже озвученному М. Г. Рафесом и Н. М. Насоновым: Григорий Наумович Войтинский не обеспечивает интересы Коминтерна в Китае. В письме от 25 февраля 1927 года из Шанхая, где находилась штаб-квартира Дальбюро, Арно, отмечая высокий революционный дух китайских рабочих и ослабление позиций главнокомандующего войсками Гоминьдана Чан Кайши, в то же время упрекал китайское коммунистическое руководство в отсутствии четкой политической линии и сдаче позиций буржуазии. В самом деле, ЦК КІТ Китая вместе с его генеральным секретарем Чэнь Дусю (1880–1942) с полного согласия Г. Н. Войтинского стратегически ориентировался на члена ЦИК Гоминьдана, в недавнем прошлом председателя Национального правительства в Кантоне Ван Цзинвэя (1884–1944). Прозванный «джентльменом китайской революции» и «самым красивым китайцем» Ван Цзинвэй почти год находился «в отпуске по болезни» за границей и вернулся в страну лишь в начале апреля. Лидеры КП Китая надеялись, что Ван Цзинвэй сможет противостоять Чан Кайши, уже успевшему продемонстрировать диктаторские замашки и приверженность антикоммунизму[75]. «Вместо того, чтобы дать партии ясную директиву, он (т. е. Войтинский. — *М. П.*) их запутывает самым пошлым дипломатничаньем. Авторитет русских товарищей, по заявлению членов ЦК партии, весьма пал. Так как, во-первых, представитель ИККИ интригует, а в Китае это худшее, что можно сделать; 2) у

представителя ИККИ нет линии, и он вполне разделяет вину за ту неясность резолюций и работы ЦК до сих пор; 3) он работает под впечатлением и дезорганизует работу ЦК партии»[76], — подчеркивал Арно.

В этом же письме он сообщал о разразившейся 19 февраля в Шанхае в связи со слухами о победах приближающихся гоминьдановских войск всеобщей забастовке. С досадой он констатировал, что компартия не пожелала возглавить стихийно переросшее в «вооруженное восстание» движение масс, и «забастовка прекратилась по точному указанию ЦК».

Реакция Москвы на полученную информацию свидетельствовала о том, что в обозначившемся противостоянии она была склонна доверять скорее Г. Н. Войтинскому. Последнему 7 марта ИККИ адресовал телеграмму, в которой «категорически» возражал «против всеобщей стачки до прибытия в Шанхай кантонских войск». Телеграмма завершалась следующим пассажем: «…нельзя давать бить себя по частям. Настаиваем на выполнении этой директивы».

Все же, несмотря на предостережения Москвы, Шанхай был освобожден жителями города до прихода гоминьдановских войск.

17 марта вместе с Н. Насоновым и Н. Фокиным Александр Абрамович направил в Москву новое послание, выдержанное в еще более резкой тонально сти. «События последних месяцев… — писали эмиссары Коминтерна, — окончательно убедили нас, что теперешнее руководство Китайской коммунистической партии неспособно вести твердую коммунистическую политику, столь необходимую в крайне осложнившихся политических условиях. В руководстве партии имеется группа, которая определенно тянет партию вправо, на путь ликвидаторства, и эту группу и ее линию поддерживает представитель ИККИ. Кризис, возникший в партии, будет чем дальше, тем больше углубляться и, если ИККИ не вмешается немедленно, может иметь тяжелые последствия как для партии, так и для китайской революции. Причину кризиса надо искать в том, что верхи китайской партии рассматривали до сих пор и рассматривают еще китайскую революцию как революцию буржуазную, от которой, кроме свобод и небольшого улучшения экономического положения, нечего ожидать, они не верят в социалистический путь развития китайской революции, так как не верят в китайский пролетариат и крестьянство, не верят в массы и массовое действие». Авторы послания критиковали не только, Г. Войтинского, но и работавшего главным политическим советником ЦИК Гоминьдана Михаила Марковича Бородина (наст, фам. Грузенберг). Кстати, его переводчиком в Кантоне был будущий вождь вьетнамских

коммунистов Хо Ши Мин, работавший под фамилией Ниловский. М. М. Бородина характеризовали «как коммуниста, очень похожего на левого гоминьдановца; и, как всякий мелкобуржуазный революционер, он подвержен колебаниям большой амплитуды». Правда, тут же указывалось и обстоятельство, требовавшее более осторожного подхода к М. Бородину: «При всех своих недостатках, при всей своей убогости и беспринципности, Бородин все же олицетворяет сегодня левое крыло Гоминьдана, с одной стороны, и СССР — с другой». А. Абрамович и его единомышленники считали необходимым «не только снять т. В[ойтинского], но и послать сюда работника более крупного, который мог бы быть одновременно и представителем ИККИ, и руководить Бородиным»[77].

Между тем 10 марта состав Дальбюро ИККИ решением Политбюро ЦК ВКП(б) был полностью обновлен. Новым представителем Коминтерна в Китае стал член Президиума ИККИ индус Манабендра Нат Рой. Он был горячим приверженцем «наступательной тактики» КПК. Но время было упущено. 12 апреля 1927 года Чан Кайши, разоружив рабочую гвардию в Шанхае, перешел к открытым репрессиям против коммунистов на контролируемых им территориях. Только в Шанхае во время столкновений были убиты 300 рабочих и 500 арестованы, большинство из них позже расстреляны. До 5000 доходит число пропавших без вести, иначе говоря казненных Чан Кайши без суда.

Накануне событий И.В. Сталин, выступая в Большом театре перед коммунистами Москвы, заявил: «Говорят, что Чан Кайши собирается выступить против нас. Я знаю, что он ведет тонкую игру, но именно он останется в дураках. Мы его выжмем как лимон, а затем избавимся от него»[78]. Воистину на всякого мудреца довольно простоты!

18 апреля Чан Кайши сформировал собственное правительство в Нанкине, противопоставив его переехавшему из Кантона в Ухань правительству Гоминьдана, продолжавшему еще сотрудничать с коммунистами. Это означало раскол Гоминьдана. Хотя Постоянный комитет ЦИК Гоминьдана принял решение о снятии Чан Кайши со всех постов, аресте и «наказании по закону», вскоре стало ясно, что сделать это он не в состоянии, ибо Нанкин в военном и экономическом отношении явно превосходил Ухань.

А. Е. Абрамович, Т. Г. Мандалян и Н. М. Насонов 23 апреля покинули Китай, отправившись в Москву. Здесь 21 мая ими была составлена очередная записка, освещавшая положение в Китае накануне и после переворота Чан Кайши. Одновременно они

обратились с письмом в Делегацию ВКП(б) в ИККИ[79], в котором изложили свое понимание причин поражения китайской революции. Теперь это было сделано с оглядкой на критику Л. Троцким, Г. Зиновьевым и Л. Каменевым курса Коминтерна в Китае. «Мы считаем, — писали они, — что резолюция VII пленума ИККИ дала довольно правильную линию, а ЦК ВКЩб) вполне своевременно углубил ее постановлением 3 марта. Оппортунистические и ультралевые ошибки вытекали вовсе не из резолюции ИККИ, но из отрицания и саботажа ее идейными сторонниками русской оппозиции в Китае — правыми Петровым и Бухаровым[80] и оппортунистом Чэнь Дусю, и покрывавшим всех их В[ойтинским]… ЦК Петрова и Чэнь Дусю принимал резолюцию «с боями» и держал ее свыше месяца под спудом (до начала марта). Правые в китайской партии саботировали резолюцию и «оговаривались» как раз в тех пунктах ее, которые неприемлемы и для русской оппозиции (отказ от вхождения в правительство и в аппарат Гоминьдана, отказ от массового вливания рабочих в Гоминьдан, т. е. скрытый выход из Гоминьдана, отказ от превращения Гоминьдана в массовую партию, игнорирование левых и мелкой буржуазии, отказ от завоевания армии под тем предлогом, что Кантонская армия — армия милитаристская, идея Советов рабочих депутатов в противовес Народно-делегатскому собранию в Шанхае, одобренному Гоминьданом, и т. д. и т. д.).

Мы считаем, что ИККИ вел единственно правильную линию в Китае, но китайские приверженцы оппозиции срывали эту линию, проводили, прикрывая часто левыми фразами, оппортунистическую политику».

Попытка «коминтерновской троицы» поставить знак равенства между взглядами русской оппозиции и практическим курсом китайских «правых» носила откровенно конъюнктурный характер, а вот их обвинение в попытке скрыть от партии документы VII пленума ИККИ имеет под собой основания. М. М. Бородин позже говорил, что ознакомился с резолюциями пленума «примерно в марте 1927 года». Этот факт он объяснял тем, что ему приходилось следовать за непрерывно продвигавшейся на север гоминьдановской армией, а также блокадой «империалистов и северных милитаристов»[81]. Однако связь между Шанхаем, где до конца марта на территории французской концессии размещался ЦК КПК, и советскими представителями на юге страны существовала, следовательно, у Чэнь Дусю была возможность показать М. М. Бородину и обсудить с ним получаемые от сотрудников Дальбюро коминтерновские документы.

Впрочем, и сам Михаил Маркович Бородин не очень-то спешил выполнять директивы ИККИ, о чем свидетельствуют материалы заседания политбюро ЦК ВКП(б) от 20 мая 1929 года. Почему именно в это время советское руководство решило обсудить его деятельность в Китае, не совсем ясно: М. М. Бородин уже почти 20 месяцев как находился в Москве и успел даже 3 месяца проработать заместителем директора ТАСС. Возможно, дело объясняется стратегическим расчетом И.В. Сталина, который начал расправу с «правыми» только после того, как с их помощью разгромил «левую оппозицию». Политбюро ЦК ВКП(б) пришло к заключению, что «Бородиным в его работе в Китае совершены крупнейшие политические ошибки оппортунистического характера и крупнейшие дисциплинарные проступки по отношению к ИККИ и ЦК ВКП(б) (прямое невыполнение директив, сокрытие этих директив от ЦК КПК и т. д.), что имело тяжелейшие отрицательные последствия».

У нового представителя Коминтерна в Китае М.Н. Роя, к сожалению, совершенно отсутствовали дипломатические способности, что в контексте военного превосходства чанкайшистов подтолкнуло левых гоминьдановцев на отказ от сотрудничества с коммунистами. В телеграмме, полученной из Москвы Центральным комитетом КПК 31 мая 1927 года, предлагался курс на «фактическое взятие земли снизу», «освежение и пополнение» верхушки Гоминьдана за счет руководителей, выдвинувшихся в ходе аграрной революции; предлагалась идея создания восьми или десяти дивизий из революционно настроенных крестьян под командованием коммунистов, а для подавления контрреволюционного офицерства — трибуналов «во главе с видными гоминьдановцами-некоммунистами». С этой телеграммой М. Н. Рой ознакомил ряд членов руководства уханьского Гоминьдана, включая Ван Цзинвэя, узревшего в этом угрозу превращения в марионетку. Разразился скандал, М.Н. Рой был отозван в Москву, где для расследования инцидента Политсекретариат ИККИ создал комиссию. Комиссия пришла к выводу, что «сообщив Ван-Тин-Вею (тогдашнее правописание Ван Цзинвэя. — *М. П.*) содержание адресованной ему (Рою), Б[ородину] и Л[? — *М. П.*] телеграммы от 31.5.27 г., т. Рой совершил ошибку и что постановление Политсекретариата отозвать поэтому т. Роя было правильно». Комиссия внесла в Секретариат следующие предложения:

«1) Подтвердить постановление Политсекретариата от 22 июня.

2) Сообщить ЦК КП Китая следующее: «Т. Рой был отозван не ввиду какой-либо политической ошибки с его стороны; наоборот,

по основному вопросу об аграрной революции и о расправе с хунанскими контрреволюционерами линия т. Роя была совершенно правильна. Т. Рой был отозван лишь ввиду одной организационной ошибки, изложенной в следующим образом сформулированном постановлении Политсекретариата ИККИ от 22 июня 1927 г.: «Немедленно отозвать т. Роя с его поста представителя ИККИ за показанную им некоторым членам ЦК Гоминьдана телеграмму, которая была адресована только тт. Б., Р. И Л. И которую ни в коем случае нельзя было показывать никому другому». Так как текст нашей телеграммы от 23 июня был иной, мы обращаем Ваше внимание на то, что правильным является только приведенный здесь текст постановления Политсекретариата ИККИ»[82].

15 июля ЦИК уханьского Гоминьдана принял шение о разрыве отношений с компартией и примирении с Чан Кайши. За несколько дней до этого события Чэнь Дусю прислал в ЦК КПК письмо, в котором слагал с себя обязанности генерального секретаря. 7 августа на чрезвычайном совещании ЦК КПК в Ханькоу его официально отстранили от партийного руководства. Одновременно из Бюро ЦК КПК как сторонник Чэнь Дусю был выведен обвиненный в совершении грубых правооппортунистических ошибок Пэн Шучжи. Позже, уже в 1929 году, обоих исключили из партии. Новым лидером КП Китая вплоть до ее VI съезда стал «левак» Цюй Цюбо (1899–1935). В декабре 1927 года Арно снова объявляется в Шанхае, но уже не как представитель ОМС, а в качестве прикомандированного к Китайской компартии специалиста по организационной работе. В круг его обязанностей, как свидетельствуют документы, входило и финансирование дальневосточных коммунистов. 12 июня 1928 года секретарь ИККИ Иосиф Пятницкий телеграммой дал указание Арно выделить ЦК КП Китая «в счет их сметы на второе полугодие» 46 000 американских долларов. Через полгода «Михаил» (т. е. тот же И. Пятницкий) приказал ему выдать «на первую четверть 1929 года взрослым китайцам 49 743 и взрослым японцам 7307, молодым китайцам 4120 и молодым японцам 256 американских] долларов». Под «взрослыми» китайцами и японцами понимались ЦК соответствующих компартий, а под «молодыми» — комсомольские организации.

Как мы видим, революционное движение на Востоке стоило Москве немалых денег!

В июле 1931 года в Шанхае с паспортом на имя швейцарского гражданина Пауля Рюега были арестованы уже упоминавшийся выше сотрудник ОМС Я.М. Рудник и его супруга Татьяна Николаевна Моисеенко-Великая. Подлинный Пауль Рюег, кстати,

чертами лица схожий с Яковом Рудником, в это время жил и работал в СССР (в августе 1937 года его расстреляют). В связи с опасностью новых провалов А. Е. Абрамовича отстранили от «китайских дел». 23 августа Политкомиссия Политсекретариата ИККИ удовлетворила его просьбу, уволив из аппарата Коминтерна. А Якову Матвеевичу Руднику пришлось сидеть в китайской тюрьме до 1937 года, и вернулся он в СССР лишь в 1939 году.

В 1931–1932 годах А. Абрамович учился в Московском институте красной профессуры на агробиологическом факультете, по окончании которого был направлен на партийную работу в Сибирь. После недолгого опыта работы секретарем парткома завода и шахты он в 1934 году возглавил кафедру марксизма-ленинизма в Томском государственном университете. В 1947 году Президиум Верховного Совета СССР в связи с 30-летием Великой Октябрьской революции наградил А. Е. Абрамовича Орденом Ленина[83]. Казалось, все шло хорошо. Но через два года постановлением Томского обкома от 14 июля 1949 года А. Е. Абрамович был освобожден от занимаемой должности «за плохое руководство кафедрой». Решение было утверждено 13 марта 1950 года секретариатом ЦК ВКП(б)[84].

А. Е. Абрамович перешел на кафедру марксизма-ленинизма Томского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта, где в качестве доцента работал до середины 1953 года. Свой трудовой путь он закончил консультантом Томского горкома КПСС. В 1956 году А.Е. Абрамович переехал на постоянное жительство в Латвию. Скончался он 21 января 1972 года в городе Лиепая.

ГЛАВА 3
«Лично я не считаю свою работу безупречной, но политических ошибок не было»

21 августа 1890 года в болгарском селе Сеид (округ Шумен) у крестьян Минея и Цветы Ивановых родился мальчик, которого нарекли Стояном. Судьба распорядилась так, что свои настоящие имя и фамилию он потерял в 28 лет и вновь обрел лишь в 1944 году. Этот не раз менявший паспорта и псевдонимы болгарин в историю Коминтерна вошел как **Иван Петрович Степанов**.

Известно, что Стоян был не единственным ребенком в семье. В одной из автобиографий он писал, что его младший брат Деню был в 1925 году убит в Болгарии «при попытке бегства из тюрьмы». Упоминал Стоян и о сестре.

Начальную школу Стоян Иванов окончил в родном селе, а гимназию — в городе Попово. В 1907 году, будучи учителем школы в деревне Ковачице Берковского округа, он вступил в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию («тесняков»), руководимую Димитром Благоевым. В 1909 году Стоян Иванов уехал в Швейцарию, где в 1910 году поступил на медицинский факультет Женевского университета, который окончил в 1916 году. Участвуя в работе студенческой группы болгарских «тесняков», он в 1914 году вступил также в Швейцарскую социалистическую партию. Печатался в теоретическом органе «тесняков» «Ново время» и центральном органе партии «Работнически вестник». Весной 1915 года в качестве делегата от Центрального комитета Болгарской рабочей социал-демократической партии («тесняков») и Болгарского союза молодежи принимал участие в Международной конференции молодежи в Берне.

С началом Первой мировой войны Ст. Иванов начинает активно сотрудничать с женевской группой большевиков. В марте 1916 года он официально вступил в эту группу. По поручению В.И. Ленина Ст. Иванов в том же году посетил Францию. Англию, Бельгию, Германию, Голландию с целью укрепления левого крыла социал-демократических партий. В женевском журнале «Дёмэн», издававшемся французом Анри Гильбо, он публикует под фамилией Минев статью с проектом Балканской федеративной республики, навеянную книгой «Империализм на Балканах» болгарского социал-демократа **Христо Кабакчиева** (1878–1940).

Она вышла в 1915 году в Софии. В ней Х. Кабакчиев, в частности, писал: «Балканская буржуазия играет роль класса наемников и платных агентов, который ради своих эгоистических материальных интересов продает независимость и высшие интересы своих народов. Она пресмыкается перед финансовым капиталом и империализмом, обогащаясь на их подачки, и поддерживает свое господство с помощью политики непрерывных предательств по отношению к своей собственной нации».

Впоследствии Х. Кабакчиев стал видным функционером Коминтерна, присутствовал от имени ИККИ на XVII съезде итальянских социалистов в Ливорно, а в 1924 году был даже избран в состав Интернациональной контрольной комиссии (ИКК) Коминтерна.

«…В нашем конкретном случае, — утверждал Ст. Минев, — единственный способ разрешить этот «проклятый» балканский вопрос заключается в создании Балканской федеративной республики. Основанной на демократической базе полной национальной автономии в области культурной жизни, освобожденной от династий, таможенных и политических границ, освобожденной от милитаризма, объединенной основополагающими законодательными актами, в которых должна быть запечатлена свободно выраженная воля народных масс»[85]. Статья была перепечатана многими изданиями, и в частности сербскими газетами. Тем самым военное руководство сербов попыталось использовать эти статьи в своих целях. В итоге Ст. Иванов был в 1917 году заочно приговорен болгарским судом к смертной казни.

После Февральской 1917 года революции женевская группа большевиков поручает Ст. Иванову явки, связь и информацию в печати о событиях в России, а также перевод и издание на французском языке работы В.И. Ленина «Государство и революция». Ст. Иванов вместе с Фрицем Платгеном был одним из организаторов; левого крыла Швейцарской социалистической партии, принял активное участие в создании Комитета сторонников III Интернационала. Он был одним из основателей, а вместе с большевиком Вячеславом Алексеевичем Карпинским и редактором ставшей выходить в Женеве газеты «Ля Нувель Энтернасьональ».

В октябре 1919 года Стоян Иванов, получив советский паспорт на имя Д. З. Лебедева, по заданию ЦК партии большевиков выезжает во Францию в помощь А. Е. Абрамовичу, чтобы ускорить процесс консолидации сторонников III Интернационала. В моменты частых отлучек А. Е. Абрамовича Стоян Иванов фактически выполнял функции представителя

Коминтерна. Позже он занимался организацией журнала «Бюллетэн коммюнист», став под псевдонимом Лоренцо Ванини его соредактором. При его участии в Париже был установлен радиопередатчик[86].

Ст. Иванов неоднократно письменно информировал Москву о политической ситуации во Франции. В докладе от 10 марта 1920 года он, как и А. Е. Абрамович, предостерег ИККИ от ставки на Французскую коммунистическую партию Раймона Перика, назвав ее «большим обманом». Он дал резкую критику ее программы и тактики, указав, что «в ней есть нечто забавное и трагическое одновременно. Забавное, потому что она слишком глупа, слишком мелкобуржуазна, слишком индивидуалистична. Трагическое, потому что она является инстинктивным протестом против духа и политики проституирования социалистической партии. Когда мы получили письмо Троцкого и циркуляр Зиновьева, — продолжал С. Иванов, — мы подумали, что слово «Перика» — ошибка и что подразумевалось слово «Париж», настолько непонятным нам казалось внимание и значение, которое придавали этой партии. Правые, центристы, как и буржуазная пресса, веселились, высмеивая нас с «французской коммунистической партией» Перика»[87]. Изучив эту информацию, ИККИ перестал поддерживать Р. Перика.

После съезда Французской социалистической партии (СФИО) в Страсбурге Л. Ванини вместе с секретарями Комитета III Интернационала Фернаном Лорио и Борисом Сувариным совершил нелегальную поездку в Берлин, где последние встречались с представителем Коммунистического интернационала молодежи Воиславом Вуйовичем и М. М. Бородиным, совершавшим поездку по Европе.

В качестве делегата от СФИО Л. Ванини 2 июля 1920 года выехал из Парижа в Россию, чтобы принять участие в работе II конгресса Коминтерна. В частности, он внес вклад в работу комиссии конгресса по аграрному вопросу, председателем которой был В. И. Ленин. К сожалению, Васил Коларов еще в 1925 году констатировал, что «никаких следов» деятельности этой комиссии «не сохранилось»[88]. Наряду с Раймоном Лефевром Л. Ванини назначили ответственным за издание во Франции журнала «Коммунистический интернационал». Обратно в Париж он вернулся в ноябре 1920 года, в дороге до Берлина его сопровождали член французской коммунистической группы Жак Садуль и Клара Цеткин.

Его деятельность во Франции накануне съезда Социалистической партии в Туре Клара Цеткин охарактеризовала следующим образом: «О Ванини… говорят, что он боязлив, даже

трусоват, малодушен, живет замкнуто в своей комнате и страдает манией преследования, видя во всех шпионов. Он, правда, умнее и политически образованнее, чем Абрам[ович], но вся его деятельность исчерпывается интригами против последнего»[89]. Доля истины, конечно, в этих словах была, но гораздо больше — личной неприязни Альфреда Росмера, члена Комитета III Интернационала, главного информатора К. Цеткин по этому вопросу.

В апреле 1921 года, опасаясь повторного ареста по делу Залевского, Л. Ванини перебрался в Берлин, где стал работать в Статистико-информационном институте ИККИ, именовавшемся также Бюро Евгения Варги. Но при этом Л. Ванини отнюдь не превратился в скромного ученого-статистика, далекого от реальной политики. Когда осенью 1922 года борьба между группой Бориса Суварина и центристским течением в ФКП во главе с Марселем Кашеном и ЛюдовикоМ-Оскаром Фроссаром достигла своего апогея, он активно поддержал последних, и особенно М. Кашена. Однако в Москве решили тогда сделать ставку на Б. Суварина. На IV конгрессе Коминтерна Руководящий комитет ФКП (предшественник Центрального комитета) был реорганизован в пользу «левых», «центристское течение» устами Н. И. Бухарина осуждено, а смещенный ранее по предложению Л.-О. Фроссара с поста директора «Бюллетэн коммюнист» Борис Суварин вновь занял свой пост. Вызванный в Москву Л. Ванини оказался в изоляции. Позже, в одном из выступлений он так охарактеризовал сложившуюся ситуацию; «В 1922 году во время IV конгресса Коминтерна я защищал позицию во французском вопросе, немножко (I) отличающуюся от линии Коминтерна в этом вопросе»[90].

Л. Ванини отправили обратно в Берлин, а Л.-О. Фроссар 1 января 1923 года подал в отставку с поста Генерального секретаря ФКП.

Несмотря на выявившиеся разногласия, Исполком Коминтерна, видимо, продолжал доверять Л. Ванини, поскольку дал ему задание регулярно информировать Москву о развитии событий во Франции. По крайней мере еще четыре раза — в 1925, 1929, 1930 и 1934 годах, он приезжал в Париж.

27 января 1925 года Л. Ванини в письме «Евсееву» (т. е. Г. Зиновьеву) и И. Пятницкому поделился впечатлениями о посещении четвертого съезда ФКП, состоявшегося накануне. Он сообщал, что присутствовал не только на самых важных заседаниях делегатов, но и заседании членов нового Центрального комитета и политбюро. «Три самые характерные стороны IV конгресса фр[анцузской] компартии произвели на

меня неотразимое впечатление и заставили воочию убедиться, что во Франции создается в самом деле и крепнет настоящая компартия, — писал Л. Ванини. — Вот какие:

1) пролетарский состав делегатов;

2) деловитость заседаний, дебатов и решений;

3) искреннее и всеобщее стремление большевизироваться»[91].

Германские события также занимали Л. Ванини. 22 декабря 1925 года он отправил руководству Коминтерна письмо, в котором сообщил об активизации лидера ультралевых в КП Германии, члена оргбюро ЦК Вернера Шолема. И хотя на общем делегатском собрании берлинской организации КПГ В. Шолем по всем вопросам потерпел поражение, Ст. Иванов считал, что это было лишь началом «кампании» ультралевых[92]. В 1926 году В. Шолема исключили из КПГ.

Не упускал в это время Ст. Иванов и случая помочь «соседям»: так на советском жаргоне именовались разведслужбы. При его посредничестве Я. М. Рудник смог завербовать члена Руководящего комитета ФКП в 1921–1924 годах, заведовавшего всей нелегальной работой партии, и одновременно одного из руководителей профсоюза рабочих авиапромышленности Жозефа Томмази[93]. О его работе на советскую военную разведку партия не знала до 1924 года, когда он спешно перебрался в СССР. В Москве он работал референтом в аппарате Профинтерна и жил в гостинице «Люкс». 28 мая 1926 года он внезапно скончался. Вроде бы обычная судьба агента, если бы не один штрих: руководство ИНО ОГПУ самое, позднее в начале марта 1926 года пришло к выводу, что Ж. Томмази — двойной агент, не менее усердно работающий и на французскую полицию. То же мнение сложилось и в ЦК ФКП. Похоронили Ж. Томмази на Новодевичьем кладбище. Среди прочих на похоронах присутствовал Лев Троцкий, произнесший траурную речь. В опубликованной, через год «Малой энциклопедии по международному профдвижению» утверждалось, что, «заболев весною от простуды, Т[оммази], слабый организм которого был надорван долголетней партийной и профсоюзной работой, умер в Москве после нескольких недель болезни»[94].

В период работы в Берлине Ст. Иванов познакомился с приехавшей из Литвы Варварой Платоновной Янковской. Дворянская дочь, она решилась на разрыв с родителями и, конечно, осталась без средств к существованию. Пришлось обратиться в советское представительство, где ей оказали помощь, устроив на квартиру в семью немецкого коммуниста и предоставив временную работу под руководством Ст. Иванова.

Она печатала на машинке, занималась корректурой. Между начальником и подчиненной завязался роман, который внезапно был прерван болезнью В. П. Янковской. Обострился туберкулез кишечника, и потребовалось хирургическое вмешательство. По выходе из больницы В. П. Янковская вышла замуж за Ст. Иванова, став благодаря его паспортной фамилии Лебедевой.

В конце февраля 1926 года член Президиума ИККИ Дмитрий Захарович Мануильский вызвал Стояна Иванова в Москву на VI расширенный пленум ИККИ. Он должен был редактировать резолюции по компартии Франции. Именно в этот момент секретарь ИККИ Отто Куусинен из конспиративных соображений сменил паспортные данные болгарского коммуниста на Ивана Петровича Степанова. Новая фамилия прижилась; по окончании пленума нашего героя уже как И. П. Степанова утвердили референтом Информационного отдела ИККИ.

Перевод в Москву означал для Ст. Иванова смену не только паспорта, но и литературного псевдонима. Свои статьи и брошюры он теперь публиковал за подписью Жан Шаварош[95].

Период 1926–1928 годов является самым загадочным, а потому и самым мистифицированным в биографии И. П. Степанова. Из книги в книгу кочует утверждение, что он в это время работал в секретариате И. В. Сталина[96]. Однако никаких документальных подтверждений тому не обнаружено. Вызывает вопросы и свидетельство коминтерновца и участника левой оппозиций в ВКП(б) Виктора Сержа. В своих «Мемуарах революционера» он поведал, что входил в состав созданной оппозиционерами Международной комиссии, членами которой также были зиновьевец Моисей Маркович Харитонов, троцкисты Карл Радек, Фриц Вольф, Андре Нин и «болгарин Лебедев (Степанов, тайный оппозиционер, который нас предал…)»[97]. К сожалению, другой, столь же недвусмысленной информации об участии И.П. Степанова в троцкистско-зиновьевской оппозиции у нас нет. Зато есть его автобиография, датированная 14 февраля 1941 года. Среди прочего в ней имеются и такие строки: «В отношении партийной линии не было у меня ни уклонов, ни колебаний. Не имел также никаких партийных взысканий. Бесспорно, в моей работе были и имеются немало слабостей и недостатков, и лично я не считаю свою работу безупречной, но политических ошибок не было»[98].

Так тогда мог написать либо человек с действительно «безупречным» прошлым, либо тот, кто пользовался покровительством на самом высоком политическом уровне, заставлявшим коминтерновское начальство закрывать глаза на его «ошибки молодости».

Как же совместить несовместимое? Все становится на свои места, если предположить, что Лебедев-Степанов никого «не предавал», поскольку внедрился (или был внедрен) в среду оппозиционеров в качестве секретного агента ОГПУ! В этом случае у него были основания позже со спокойной совестью и без опаски написать об отсутствии «уклонов» и «колебаний».

Мелкая деталь, косвенно подтверждающая выдвинутую гипотезу. В 1928 году И. П. Степанов развелся с Варварой Янковской[99], сохранившей, однако, фамилию Лебедева. Два года спустя он женился на Татьяне Моисеевне Ривош, исключенной в марте 1929 года из партии «за троцкизм», выразившийся «в хранении и размножении (на машинке) фракционных документов, выполнении отдельных поручений». В ВКП(б) она была восстановлена лишь 8 августа 1931 года с помощью Дмитрия Мануильского, обратившегося с соответствующим ходатайством в Центральную контрольную комиссию[100].

Почему И. П. Степанов не побоялся жениться на опальной троцкистке, с которой он разошелся лишь в 1932 году и которая примерно в то же время дала обязательство работать в качестве секретного осведомителя ОГПУ по освещению оппозиционной группы Ивана Никитича Смирнова? Не потому ли, что он был для органов госбезопасности своим человеком? И не сыграл ли он для Татьяны Ривош роль Мефистофеля?

Однако продать душу — значит спасти свою жизнь. Т. М. Ривош, несмотря на обвинения в «двурушничестве», аресты в марте 1934 и январе 1935 годов, а также заключение в карагандинском лагере, пережила не только И.В. Сталина, но и XX съезд КПСС, на котором Н. С. Хрущев произнес свой знаменитый доклад, осуждающий «культ личности». Ее следы теряются в ноябре 1958 года.

Интересно сравнить жизненный путь И.П. Степанова с биографией первого мужа Татьяны Ривош — Яна Страуяна. Большевик с 1906 года, он активно участвовал в деятельности Военной организации Московского комитета партии в период первой русской революции, был арестован и сослан в Сибирь. Из Сибири бежал за границу. В Швеции в январе 1908 года был осужден на 6 месяцев каторжных работ за попытку размена царских кредитных билетов, экспроприированных в тифлисском казначействе под руководством И. В. Сталина. Позже жил во Франции, Швейцарии, Италии, учился в Дижонском университете.

В мае 1919 года Я. Страуян был послан эмиссаром Коминтерна в Болгарию, где его арестовали и выслали из страны. В 1920–1921 годах работал заместителем управляющего делами

ИККИ, в 1921–1923 годах — первым секретарем советского полпредставительства в Италии. В октябре 1923 года Ян Страуян вернулся из Италии и до июля 1924 года представлял Наркоминдел в Тифлисе. В 1924–1926 годах в качестве сотрудника ОМС ИККИ под псевдонимом Вернер работал в Германии, Чехословакии, Франции. Позже Я. Страуян был корреспондентом ТАСС в Пекине и Риге. В июле 1937 года за сокрытие при обмене партийных билетов факта «троцкистских колебаний в 1925 году» ему вынесли строгий выговор. Но дело этим, разумеется, не завершилось. В декабре того же года он был арестован и 24 января 1938 года расстрелян.

В 1928 году И. П. Степанов нелегально находился в Мексике и Центральной Америке. Был арестован в Гватемале и выслан в Германию. Участвовал в VI конгрессе Коминтерна с правом совещательного голоса. Позже возглавил секретариат Романских стран, сочетая деятельность на этом посту с работой в Латиноамериканском секретариате Коминтерна (1929–1930).

С гостевым билетом он присутствовал на проходившем летом 1930 года XVI съезде ВКЩб). Этот съезд был задуман И.В. Сталиным как демонстрация полного разгрома «правого уклона» во главе с Н. И. Бухариным. Однако не обошлось без мелких неприятностей: член партии большевиков с 1920 года Василий Максимович Клеймук передал в президиум съезда несколько записок с критикой сталинской фракции. В одной из них он писал: «Если даже троцкистская оппозиция погибнет, и то ее заслуги перед революцией неизмеримы, ведь результатом их работы появилась борьба с правым уклоном».

В октябре того же года И. П. Степанов принял участие в Латиноамериканской конференции в Москве. Буквально через неделю после окончания конференции им были составлены предложения для выработки директив ИККИ по Испании. Констатируя в стране не только «экономический кризис», из которого «господствующий режим и господствующий класс не в состоянии выйти», но и «глубокий политический кризис — кризис монархии, правящих классов, растерянность буржуазных партий», автор документа делал вывод о «наличии всех элементов революционной ситуации». Причем единственным выходом из создавшегося положения И. П. Степанов считал «гражданскую войну», увязывавшуюся им с выходом пролетариата на «авансцену политической жизни» вопреки «стараниям так называемых] республиканских группировок (радикалов, социалистов, анархистов и анархо-синдикалистов), вопреки даже намерениям компартии»[101]. Логическим следствием такого анализа было предложение компартии Испании включаться в

«развертывающиеся события», учитывая, что «в ближайшие месяцы ей, может быть, придется вести не обыденную партработу, а руководить военно-революционными выступлениями пролетариата».

Несмотря на бросающиеся в глаза революционное нетерпение и сектантские интонации документа, прогноз И.П. Степанова хотя и «поэтапно», но сбылся. В апреле 1931 года в результате революции король Альфонсо XIII был свергнут и в стране установился республиканский режим. Пройдет 5 лет, и мятеж против правительства Народного фронта, сформированного по результатам выборов 16 февраля 1936 года в кортесы, положит начало гражданской войне. Мятежников, бесспорным главой которых вскоре станет генерал Франко, поддержат Германия и Италия. И рабочий класс сыграет в защите республики ключевую роль. Другое дело, что начало боевых действий застало КПИ врасплох, так что она превратилась в ведущую силу левого лагеря только благодаря вмешательству Москвы.

И. П. Степанов посетил Испанию в 1932 году в составе делегации ИККИ, которую возглавлял аргентинец Викторио Кодовилья. Он принял участие в пленуме ЦК КП Испании, выведшем Хосе Бульехоса, Мануэля Адаме, Габриэля Трилью и Этельвино Вегу из политбюро, заседании, избравшем генеральным секретарем ЦК КПИ Хосе Диаса. 29 октября 1932 года ИККИ и Интернациональная контрольная комиссия на совместном заседании исключили четверку из КПИ, обвинив ее в сектантстве и игнорировании указаний Коминтерна. В воззвании «Рабочим, крестьянам, коммунистам Испании», написанном от имени ИККИ, видимо, Андре Марти, отмечалось, что группа Х. Бульехоса «утаила от партии открытое письмо с критикой ее ошибок» и насаждала «в партии безответственность и мелкобуржуазное самодовольство»[102]. В вышедшем в начале 1933 года в Москве «по директивам и под контролем ЦК компартии Испании» сборнике статей «Проблемы испанской революции» вдохновителем и «шефом ренегатского квартета» был объявлен М. Адаме[103], хотя генеральным секретарем числился до своего смещения Х. Бульехос. Позже Г. Трилья и Э. Вега были вновь приняты в партию, причем Г. Трилья даже руководил КПИ в 1943–1946 годах.

И.П. Степанов принимал участие в VII и всех последующих пленумах ИККИ, включая последний — XIII, был делегатом VII конгресса Коминтерна с совещательным голосом; с 1935 года — работал референтом в секретариате Д. Мануильского, а с марта 1936 года — в секретариате А. Марти.

В начале февраля 1934 года Франция стала ареной мощных

политических столкновений. Детонатором послужило «дело Ставиского». Этот аферист организовал выпуск облигаций Муниципального кредитного общества города Байонны под залог хранившихся там драгоценностей, которые позже заменил подделками. В конце 1933 года обман раскрылся. Кредитное общество обанкротилось, а Ставиский 8 января был найден мертвым. Власти официально сообщили, что Александр Ставиский покончил жизнь самоубийством выстрелом из револьвера, однако многие были убеждены, что аферист «убрали» из боязни разоблачений его вчерашние покровители из высшего света.

Действительно, обнаружилось, что А. Ставиский пользовался поддержкой многих в палате депутатов, в деле оказались замешаны 3 министра из правительства радикала Камилла Шотана. Эти факты спровоцировали взрыв антипарламентаризма. Несмотря на то что 28 января правительство К. Щотана подало в отставку, ультранационалистические лиги, манипулируя лозунгом «Долой воров», призвали всех недовольных выйти на улицу, чтобы не допустить формирования нового радикального кабинета под руководством Эдуарда Даладье. 5 февраля 2000 сторонников крайне правых митинговали на улицах Парижа. На другой день, 6 февраля, когда обсуждалась программа правительстйа Э. Даладье, ультра собрали уже более 20 000 человек. Манифестанты пытались ворваться в парламент и, когда полиция преградила им путь, стали забрасывать ее булыжниками и кусками асфальта. Вечером полиция вынуждена была открыть огонь, что позволило отбить атаку. Итогом столкновений стали 17 убитых и 2300 раненых, в том числе около 1600 полицейских. Просуществовав всего 9 дней, правительство Э. Даладье ушло в отставку, хотя и получило большинство голосов в палате депутатов. Бывший президент Французской республики Гастон Думерг сформировал правительство «национальной концентрации» с четко правыми ориентирами. Это был несомненный, хотя и неполный успех ультранационалистов.

В февральские дни французская компартия занимала далеко не однозначную позицию. С одной стороны, она продолжала на страницах своего центрального органа, газеты «Юманите», атаковать правительство «буржуазной демократии» Эдуарда Даладье, с другой — вплоть до 8 февраля она ограничивалась тем, что «рекомендовала **готовиться** (выделено мной. — *М. П.*) к контрманифестациям против фашистских организаций»[104], предоставляя инициативу прокоммунистической «Республиканской ассоциации бывших фронтовиков». В то же время ФКП, следуя установкам XIII пленума ИККИ, отвергала

любые формы совместных действий с социалистической партией. Только 8 февраля Центральный Комитет ФКП призвал трудящихся провести 9 февраля по всей стране демонстрацию с целью «сбить фашистскую волну». Когда же руководство коммунистов узнало, что соцпартия и контролируемый ей профсоюзный центр *Всеобщая конфедерация труда* наметили на 12 февраля собственную демонстрацию, оно решило поддержать и эту акцию протеста. Однако «Юманите» не преминула выразить уверенность, что «рабочий класс осудит и отвергнет с отвращением социалистических вождей, имеющих цинизм и смелость утверждать, что они вовлекают рабочих в борьбу против фашизма под пение Марсельезы и Интернационала».

Демонстрация 9 февраля была запрещена правительством Г. Думерга. Социалистическая партия призвала трудящихся в этот день не выходить на улицы, дабы избежать столкновений с полицией и не распылять силы. Все же в Париже около 50 000 человек приняло участие в манифестациях. Полиция стреляла в толпу, в результате чего погибло 9 человек. 1214 манифестантов были арестованы.

12 февраля по всей стране прекратили работу 4,5 млн. человек, а на улицы Парижа вышли свыше 150 000 манифестантов. Под крики «Единство! Единство! Фашизм не пройдет!» социалисты и коммунисты сливались в совместные колонны. Успех демонстрации был очевиден.

События во Франции обсуждались в Москве на заседании Президиума ИККИ 17 февраля. От руководства ФКП доклад делал Гастон Монмуссо. Он дал исключительно позитивную оценку деятельности ФКП, заявив, что коммунисты поступили правильно как организовав сепаратную демонстрацию 9 февраля, так и поддержав выступления 12 февраля. При этом он утверждал, что лидеры реформистских профсоюзов и социалистов приняли решение возглавить «движение масс с целью заставить буржуазию продолжать пользоваться их поддержкой». Но главное, Гастон Монмуссо обошел молчанием сомнительную пассивность коммунистического руководства вплоть до вечера 7 февраля. Выступивший затем И. П. Степанов полностью поддержал Г. Монмуссо. «Без демонстрации 9 февраля мы едва бы имели грандиозную всеобщую забастовку 12 февраля. По всей вероятности, и очень возможно, что демонстрация 9 февраля заставила, вынудила социалистов и вождей Всеобщей конфедерации труда пойти на маневр, потому что Недовольство снизу, возмущение в рабочих массах, их готовность… идти на единый фронт борьбы против фашизма представляют очень опасное явление для социалистической партии и вождей

реформистской конфедерации труда, — сказал он и заключил: — Было бы правильно, если бы Президиум вынес решение: в общем и целом считать правильной тактическую линию и деятельность компартии…»[105] До появления первых признаков «кристаллизации» идеи антифашистского союза левых сил Оставалось еще три месяца.

9 января 1937 года под видом бельгийского гражданина Бернара Пьера И. П. Степанов был вновь послан в Испанию. Здесь он работал под псевдонимом Морено. Испанский социалист Хусто Мартинес Амутио запомнил его как человека, «всегда одетого в гражданское, с элегантными манерами, неизменно динамичного и внушающего уважение, выглядевшего надменным и авторитарным»[106].

8 февраля итальянские войска без боя заняли андалузский город Малагу, причем солдаты местного гарнизона вместе со штабом перешли на сторону франкистов, а республиканская милиция попросту разбежалась.

После этого события ИККИ принял решение о необходимости замены председателя республиканского правительства социалиста Франсиско Ларго Кабальеро на другого социалиста, Хуана Негрйна, занимавшего пост министра финансов. Бывавший в Советском Союзе и способный объясниться по-русски, он оценивался как фигура, лояльная курсу коммунистов. Разведчик-невозвращенец Вальтер Кривицкий в своей книге дал, в общем-то, верную характеристику кремлевской креатуре: «Что касается Хуана Негрина, то он принадлежал по всем своим свойствам к породе политиков-бюрократов. Хотя и профессор, он был деловым человеком и выглядел типичным бизнесменом. Вообще он представлял собою вполне подходящего для Сталина человека. Подобно генералу Миахе, он хорошо выглядел бы в Париже, Лондоне или в Женеве. Он способен был произвести хорошее впечатление на внешний мир, продемонстрировав перед ним «солидный» и «добропорядочный» характер дела, которое отстаивала Испанская республика. Женат он был на русской и к тому же, как человек практичный во всех отношение ях, приветствовал чистку испанского общества от «смутьянов», «паникеров», «неконтролируемых» элементов, чья бы рука ни проводила эту чистку, пусть даже чужая рука Сталина.

Негрин, несомненно, видел единственное спасение страны в тесном сотрудничестве с Советским Союзом. Ему было ясно, что активная помощь могла поступить только с этой стороны. Он готов был идти со Сталиным как угодно далеко, жертвуя всеми другими соображениями ради получения его помощи»[107].

Для смены кабинета требовалось формальное согласие

политбюро ЦК КП Испании. Однако лидер испанских коммунистов Хосе Диас воспротивился смещению Ф. Ларго Кабальеро. Отстаивая свою позицию на заседании политбюро, проходившем в присутствии представителей ИККИ, Х. Диас заявил: «Мне не ясны мотивы, по которым мы должны принести в жертву Кабальеро… Мы можем спровоцировать вражду большей части социалистической партии… Анархисты поддержат Кабальеро… Скажут, что мы претендуем на гегемонию в ведении войны и политики». Точку зрения Х. Диаса поддержал член ЦК КПИ Хесус Эрнандес. Отвечая им, И. П. Степанов сказал:

«Диас и Эрнандес защищают черное дело. Не Москва, а история обрекла Кабальеро. После возникновения правительства Кабальеро мы идем от катастрофы к катастрофе…

— Это неправда! — воскликнул Х. Диас.

И. П. Степанов вперил свои зеленые глаза в черные глаза Х. Диаса и закончил:

— …от катастрофы к катастрофе в военном отношении… Кто ответит за Малагу?»[108]

В конечном счете под давлением коминтерновских эмиссаров руководство компартии приняло решение добиваться отставки Ф. Ларго Кабальеро.

В качестве непосредственного предлога для развязывания правительственного кризиса коммунисты использовали события 3–7 мая в Барселоне. В этом городе произошли столкновения между формированиями правящей Объединенной социалистической партии Каталонии (Partido Socialista Unificat de Catalunya-PSUC) и отрядами анархистов и так называемой Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ), возглавлявшейся бывшим функционером Профинтерна, высланным в 1930 году из СССР, Андре Нином. Разборки с оружием в руках между вчерашними союзниками нанесли серьезный удар по авторитету правительства Народного фронта, укрепив позиции мятежников.

Кризис назревал давно, выплескиваясь во взаимные публичные обвинения и борьбу за контроль над стратегически важными объектами Каталонии. Так, 9 марта на митинге в театре «Олимпия» А. Нин заявил: «Почему эти люди из ПСУК называют себя марксистами; все, что они делают, говорят и пишут, доказывает, что они идут против марксизма. Все, что они говорят, есть слово буржуазии… Раньше рабочие имели все, но теперь потеряли часть своих позиций, но рабочий класс еще довольно силен, чтобы взять правительство в свои руки. Если сегодня этого они не сделают спокойно, то завтра они сделают это силой»[109].

17 апреля руководимые коммунистами карабинеры

атаковали контролировавшиеся анархистами таможенные посты на границе. Затем последовала серия убийств активистов компартии и анархистов. В атмосфере эскалации насилия власти Барселоны, опасаясь беспорядков, даже отказались организовать манифестации в день 1 мая. Однако это лишь на два дня отсрочило кровавую развязку.

В разгар барселонской перестрелки Морено направил в Москву очередной отчет, в котором изложил свое понимание происходящего. Согласно Морено, «анархистский и поумистско-троцкистский путч» в Каталонии «подготавливался давно». Пользуясь нерешительностью правительства Ларго Кабальеро, анархисты «начиная с прошлого лета» стали воровать оружие, направляемое на фронт. Подготовившись, они приступали к «социальной революции», не задумываясь над тем, что «таким образом они открывают дорогу фашистской армии».

«Чем кончатся дела в Барселоне, еще не известно, — писал Морено. — Все указывает на то, что проведение в жизнь энергичных мероприятий положит конец этому путчу, но нужно, однако, чтобы это закончилось не позже, чем в два дня, так как неожиданно могут возникнуть серьезнейшие опасности: или молниеносная атака врага на арагонском фронте, или десант немецко-итальянских войск в Барселоне, приглашенных, так сказать, анархо-поумистскими властями для восстановления и гарантии общественного порядка. Это последнее предположение меня очень беспокоит, — продолжал он, — так как мы знаем, что среди 500 итальянских анархистов, прибывших в Барселону 19 июля 1936 г., имеется не меньше 200 агентов итальянской фашистской разведки, не говоря уже о том, что среди испанских анархистов имеется большое количество агентов всех полиций, профессиональных провокаторов…»[110]

17 мая Ф. Ларго Кабальеро на посту председателя Совета министров сменил Хуан Негрин. Менее чем через месяц ПОУМ была запрещена и почти весь состав ее ЦК арестован.

В послании от 18 июня Морено так оценил результаты перетряски кабинета: «Через несколько дней будет ровно месяц с момента создания нового правительства. В настоящих условиях в Испании месяц — это такой период, который достаточен для того, чтобы составить себе мнение о данном правительстве, а это мнение — положительное. Без сомнения, новое правительство имеет свои недостатки и свои слабости. Иначе и быть не может, принимая во внимание то обстоятельство, что это правительство неоднородное с точки зрения политической и классовой, но оно является правительством коалиции, правительством народного фронта. И именно как правительство народного фронта это

правительство во всех отношениях выше предшествовавшего. Оно не только выше его, но правительство Негрина уже доказало, что оно имеет генеральную политическую линию, принципиально отличную от политики Кабальеро». В этом же письме Морено утверждал, что «с каждым днем прибавляется все больше и больше новых документов, новых доказательств, новых фактов, показывающих, как 1:1, что троцкистская организация в Испании, ПОУМ, является филиалом шпионского аппарата генерального штаба Франко, организацией агентов гестапо и агентов Муссолини, организацией, в ряды которой входит также и агентура Интеллидженс сервис и французской охранки. Эта троцкистско-поумистская организация продолжает самую регулярную, самую тесную связь, путем переписки и живой связи с Троцким. Недавно найденные документы и раскрытие шпионской организации Франко, так же как и документы, говорящие о подготовке нового путча, показывают, что троцкистские руководители лично участвуют в организации шпионажа…»[111].

И. П. Степанов находился в Испании, а в СССР тем временем набирал обороты маховик репрессий. И. В. Сталин искоренял любое инакомыслие, стремясь предотвратить возрождение оппозиций. Только в 1937 году было арестовано не менее 87 сотрудников аппарата Коминтерна. Большую часть их расстреляли. «Врагами народа» были объявлены большевики-ветераны **Иосиф Пятницкий** (наст. фам. Таршйс), занимавший в 1922–1935 годах пост секретаря ИККИ, и кандидат в члены Президиума ИККИ, член Политсекретариата ИККИ в 1931–1935 годах Вильгельм Кнорин (паспортная фамилия Кноринг — Knorring). Репрессированы были также кандидат в члены Президиума ИККИ Бронислав Бронковский и кандидаты в члены ИККИ Ян Белевский и Ян Круминь[112]. Не обошли вниманием и И.П. Степанова. От Бела Куна на допросе 1 июля 1937 года НКВД вырвал заявление, из которого вытекало, что Степанов-Лебедев входил в число членов «контрреволюционной организации Пятницкого — Кнорина»[113]. Тем не менее трехнедельное посещение нашим героем Москвы в феврале — марте 1938 года прошло спокойно[114].

Вряд ли этот факт объясняется случайностью или небрежностью следователей. Будущий кандидат в члены брежневского политбюро, а в 1937–1938 годах политический референт Секретариата ИККИ и помощник Георгия Димитрова Борис Николаевич Пономарев также избежал ареста, хотя его личное дело, хранившееся в отделе кадров ИККИ, пополнилось доносами от «бдительных товарищей», указывавших на его связь с

В. Кнориным. Надо иметь в виду, что санкцию на арест давали высшие партийные иерархи и чины НКВД, которые, зная истинную цену показаниям подследственных и доносам, руководствовались, очевидно, иной, более достоверной информацией — сведениями от секретных агентов органов безопасности, а что касается Л. П. Берии и И. В. Сталина, то и соображениями стратегического порядка. Следователи же, страхуясь, выбивали показания на всех подряд по принципу максимального охвата, поскольку не были осведомлены о намерениях начальства.

Трудно сказать, насколько позитивной была деятельность И. П. Степанова в «испанский период». Его участие вместе с членом секретариата ИККИ Пальмиро Тольятти в работе над программой «13 пунктов», одобренной правительством Негрина 30 апреля 1938 года в качестве программы-минимум демократической революции, говорит о том высоком авторитете, которым он пользовался у руководства республики. Принятый документ предлагал решить вопрос о послевоенном устройстве Испании путем референдума. Вместе с тем известный исследователь Антонио Элорса считает, что «доклады, которые составляли в 1936–1937 годах Кодовилья и Степанов, демонстрируют живучесть старой логики противостояния с другими политическими силами из рабочего движения, особенно с социалистами, и попытки воспользоваться военной конъюнктурой с целью добиться гегемонии коммунистов. В частности, средства, с помощью которых Степанов осуществлял политику Народного фронта, мало отличались от старых рекомендаций относительно Единого фронта: все, что не было напрямую связано с партией, классифицировалось как враждебное, а всякий отличный от коммунистического курс рассматривался как глубоко ошибочный. Это объясняет, почему в Испании реализация политики Народного фронта привела не к осознанию необходимости совместного сопротивления фашизму, а к скрытому противодействию социалистов и анархистов распространению влияния КПИ»[115]. Только приехавший летом 1937 года П. Тольятти сделал попытку пересмотреть политику КПИ по отношению к другим участникам Народного фронта, но было уже слишком поздно.

В итоговом докладе от 1 июня 1939 года, посвященном заключительному этапу гражданской войны, П. Тольятти неприязненно отозвался о Морено, охарактеризовав последнего как человека, у которого отсутствуют необходимые в критической ситуации качества[116]. Замечание, не лишенное оснований. Действительно, обладая политическим чутьем и завидной

работоспособностью, И. П. Степанов в то же время, не имея сильной воли, часто изменял свои взгляды, легко попадая под влияние более психологически крепких личностей. Только два примера: 1) Морено сразу поддержал П. Тольятти, считавшего целесообразным отстранить Викторио Кодовилыо от работы в Испании, как разрушающего своими указаниями единство Народного фронта. Ранее, однако, никаких трений между ним и В. Кодовильей по испанским вопросам не возникало; 2) когда между командиром 45-й интернациональной дивизии легендарным Эмилио Клебером (наст. фам. Манфред Стерн) и инспекторами интербригад Францем Далемом и Галло (наст. фам. Луиджи Лонго) возник конфликт по организационным вопросам, разбираться на Мадридский фронт послали И. П. Степанова. Выводы, сделанные «на месте», были в пользу Клебера. Тем не менее, видимо, под давлением того же П. Тольятти И. П. Степанов согласился с необходимостью откомандирования Э. Клебера в СССР. Справедливости ради надо сказать, что двух других представителей ИККИ в Испании (Викторио Кодовилыо и Эрне Гёре) П. Тольятти в своих письмах характеризовал еще более резко.

6 марта 1939 года после свержения в результате переворота правительства Негрина И. П. Степанов вместе с Долорес Ибаррури спешно покинул Испанию.

«Самолет типа «Драгой», на котором мы удалялись от левантийского побережья Испании по направлению к городу Оран (Алжир), — вспоминала Д. Ибаррури, — подвергался риску быть обстрелянным морской франкистской артиллерией, командование которой получило приказ воспрепятствовать нашему вылету.

Меня сопровождал в этом тяжелом полете депутат французского парламента коммунист Жан Катла, выполнявший гуманную миссию по оказанию помощи в эвакуации антифашистских бойцов. Прекрасный товарищ, он впоследствии боролся в рядах французского движения Сопротивления и был казнен фашистами. Меня сопровождал также болгарский товарищ Стоян Иванов (Степанов), высокообразованный человек, представитель Коммунистического интернационала, которого мы по-дружески звали Морено; с нами летел еще молодой руководитель басков Хесус Монсон»[117]. Возможно, даже не осознавая, Пасионария довольно унизительно отозвалась о И. П. Степанове, поскольку тот являлся не кабинетным ученым, а политическим функционером высокого ранга, действовавшим к тому же в условиях боевой обстановки.

Дальнейший маршрут Д. Ибаррури и И. П. Степанова пролегал через Марсель во Францию, а там из Гавра пароходом

до Ленинграда, куда они прибыли 12 мая. С собой И. П. Степанов привез новую жену, молоденькую Хозефину Симон, и пятимесячного сына Андрея. В 1936–1938 годах Хозефина работала шифровальщицей в аппарате ЦК КП Испании, в Москве она целиком посвятила себя семье.

Вместе с аргентинцем В. Кодовильей И. П. Степанов участвовал в организованном испанскими коммунистами в Москве обсуждении причин поражения республиканцев в гражданской войне. «Заседание было очень трудным, долгим и напряженным, — вспоминала Долорес Ибаррури. — Каждый из участников рассказывал о своем опыте и высказывал критические замечания, главным образом субъективные, которые к тому же противоречили высказываниям других товарищей. Как и следовало ожидать, прийти к определенным и конкретным выводам не удалось»[118].

Из командировки И. П. Степанов приехал с расстроенным здоровьем. Давно уже страдавший приступами язвенной болезни, он в ноябре 1939 года вынужден был подвергнуться операции, в результате которой лишился 2/3 желудка.

И. П. Степанов стал работать в секретариате ИККИ, а после эвакуации центрального аппарата Коминтерна в связи с отступлением Красной армии в начале Великой Отечественной войны еще и преподавателем в спешно созданной партшколе в Кушнаренково под Уфой[119]. В мае 1943 года во время обсуждения вопросов, связанных с роспуском Коммунистического интернационала, он выполнял функции переводчика при членах заграничного бюро ФКП. После упразднения 10 июня центральных органов Коминтерна его перевели на должность редактора в Институт № 205 при ЦК ВКП(б). Этот институт был учрежден на базе тех отделов московского аппарата ИККИ, которые непосредственно занимались мировой коммунистической пропагандой. По существу, И. П. Степанов координировал радиовещание на Францию. 27 июня 1945 года в составе группы бывших коминтерновских работников И. П. Степанова, уже как Стояна Минеевича Иванова, наградили орденом Ленина. Вскоре произошло другое важное событие: апатрид с 1916 года, он, наконец, получил советское гражданство.

С апреля 1948 года Ст. М. Иванов работал в Институте экономики ДН СССР: сначала как старший научный сотрудник, затем заведующим сектором европейских капиталистических стран, а с января 1953 года — заведующим сектором рабочего движения капиталистических стран. В 1948 году он стал кандидатом экономических наук.

В августе 1956 года Ст. М. Иванов перешел в Институт

мировой экономики и международных отношений АН СССР. Умер 4 мая 1959 года.

ГЛАВА 4
«Деготь — большевик с бриллиантами»

Владимир (Волько) Александрович Деготь родился 20 февраля 1889 года в небольшом селении Голубовка-Брикваново Каменец-Подольской губернии Балтского уезда. Отец его, человек необычайно набожный, батрачил на еврея-колониста, мать, болезненная женщина, работала мало. Через четыре года семейству пришлось переехать в местечко Валегоцелово под Одессой, а позже — и в город. Закончив всего два класса школы, Владимир был вынужден поступить на фабрику Кузнецова, где склеивал коробочки для чая. Было это в 1899 году, то есть когда ему исполнилось лишь 10 лет — малоподходящий возраст для начала профессиональной деятельности. Однако и его В.А. Деготь в своих мемуарах почему-то понизил до 8 лет. Может быть, из-за того, что вместе с ним «на фабрике работало около 50 детей в возрасте от 8 до 14 лет»[120].

Семья жила в страшной бедности. Ходил Владимир в ветхой оборванной одежде, в дырявых башмаках, питался в основном хлебом, картошкой и селедкой. Материальное положение В. А. Деготя значительно улучшилось, когда ему удалось выучиться на переплетчика и поступить в артель, которая объединила лучших мастеров Одессы. Тогда же он приобщился к рабочему движению, а в. июле 1904 года вступил в большевистскую фракцию РСДРП.

В 1905 году он руководил забастовкой печатников, входил в состав одесского районного комитета партии. Чтобы избежать ареста, В.А. Деготь в 1907 году уехал из Одессы в Екатеринослав, где проработал около года в мастерской, одновременно являясь членом большевистского районного комитета. Когда В. А. Деготь вернулся в Одессу, обнаружилось, что партийная типография, которой он активно помогал, провалилась. Пришлось перейти на нелегальное положение, а затем эмигрировать из России. В. А. Деготь принял решение ехать во Францию. В Польше, около маленького городка Дубно, он ночью перешел австрийскую границу. «Приходилось долго бежать, зачастую ложиться в грязь, прислушиваясь к малейшему подозрительному шороху. Так я добрался доодной австрийской деревни, где переночевал, а утром был уже на станции, чтобы отправиться в Вену, а оттуда — в Париж. Одно смущало меня — мысль о том, как трудно мне будет без знания французского языка и без копейки денег жить в таком большом городе, как Париж… Когда, наконец, я приехал в Париж, я буквально не знал, куда двинуться. Масса народу, чужая,

Непонятная речь, шум автомобилей, трамваев, омнибусов — все это ошеломило меня. Идя по улице, я часто останавливался, боясь, чтобы на меня не налетел автомобиль или извозчик. Я удивлялся, глядя на парижан, которые так свободно себя чувствовали во всем этом хаосе шума и движения»[121], — вспоминал В.А. Деготь. К слову сказать, не одного Владимира Дегтя потрясло движение на парижских улицах. Посетивший в 1911 году столицу Франции поэт и художник Максимилиан Волошин написал очерк «Все мы будем раздавлены автомобилями», в котором на основании увиденного предсказывал тяжкое будущее человечеству, если только не изобретут «воздушные тротуары на высоте верхних этажей домов и переходы над крышами»[122].

В Париже В. А. Деготь стал работать переплетчиком в большевистской типографии, располагавшейся на авеню д'Орлеан в маленьком зданьице под номером 110. В частности, ему пришлось заняться выпуском печатавшихся там протоколов лондонского съезда РСДРП.

В посланном в 1954 году на имя Н. С. Хрущева заявлении сын В. А. Дегтя, В. В. Деготь, утверждал, что его отец учился в основанной В. И. Лениным под Парижем в Лонжюмо партийной школе для рабочих. Эта легенда не имеет под собой никаких оснований. Большевистская школа в Лонжюмо открылась для слушателей лишь весной 1911 года. Фамилии учеников сейчас известны, В. Дегтя среди них, конечно, нет. Да и как он мог посещать эту школу, если, по собственным словам, с января 1910 года по май 1912-го находился в лапах российских жандармов; сначала как заключенный, затем как ссыльнопоселенец. Напомним, что парижский период эмиграции В. И. Ленина завершился 17 июня 1912 года.

В реальности речь шла о другой школе — предшественнице Лонжюмо, организованной в Париже в начале 1909 года с занятиями для слушателей по вечерам 2–3 раза в неделю. Кроме В. А. Дегтя, в ней занимались Абрам Беленький, позже работавший в ГПУ и отвечавший за охрану В. И. Ленина, Исаак Раскин (псевдоним Косой), Юрий Фигатнер, член ЦКК ВКП(б) в 1925–1934 гг., и Борис Бреслав (псевдоним Захар), а преподавали В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев. Интересно, что все вышеперечисленные ученики, за исключением Абрама Беленького, после октябрьского переворота вновь оказались в Париже в качестве сотрудников различных учреждений. Борис Бреслав был заместителем полпреда СССР во Франции, Юрий Фигатнер — вторым секретарем полпредства, а Исаак Раскин работал в торгпредстве и в 1931 году отказался вернуться в СССР.

В качестве класса использовалась квартира в одном из домов, сплошь заселенном эмигрантами-большевиками. О том, что такие занятия проводились, косвенно свидетельствует письмо Б. Лейбовича из Парижа своему брату в одесскую тюрьму, сохранившееся в архиве департамента полиции и опубликованное в 1934 году. «Здесь Лент и у него кружок из всех парижских большевиков для занятий, или, вернее, лекций по философии, да, теперь здесь снова сосредоточивается партийная жизнь, здесь печатные органы двух тебе известных течений, здесь и лидеры их. Они читают рефераты, принимают участие в местных группах партий, — очевидно, сами много работают»[123], — писал Б. Лейбович. Впрочем, В. И. Ленин вел в школе занятия не только по философии (эта тема была тогда чрезвычайно модной), но и по аграрному вопросу, имевшему несравненно большее практическое значение. Этот факт подтверждается воспоминаниями Б. Бреслава, в то же время недвусмысленно отрицавшего участие В. А. Деготя в организованной В. И. Лениным школе[124]. Вместо В. А. Деготя он называл рабочего-наборщика Механкина. Противоречие, вероятно, объясняется временным зазором: Б. Бреслав приступил к занятиям в марте — апреле, а В. Деготь учился в январе — феврале 1909 года, а затем, очевидно, в момент отъезда В.И. Ленина на кратковременный отдых В Ниццу (26 февраля) бросил занятия.

После учебы Центральный комитет РСДРП послал Деготя на работу в родную Одессу. Не совсем, правда, ясно, когда это произошло. В автобиографии от 18 апреля 1924 года В. А. Деготь утверждал, что уехал «в начале 1909 года», в 1927 году он писал уже о «середине 1909 года». Так что вопрос остается открытым. Но во всяком случае Деготь лукавил, когда в третьем издании своих мемуаров утверждал, что занимался в школе «с Ильичом в течение почти года…»[125]. Очень, видимо, хотелось предстать в образе настоящего ученика основателя большевистской партии!

Нагруженный литературой, газетами «Пролетарий» и «Социал-демократ», и снабженный явкой от В. И. Ленина, В. А. Деготь явился к работавшему журналистом в «Одесских новостях» Вацлаву Вацдавичу Воровскому (партийный псевдоним П. Орловский). «Орловский заявил, что в практической работе он участвовать не может, так как провален, но в литературной работе мне поможет, если понадобится написать прокламации или статьи»[126], — вспоминал позже В. А. Деготь. Орловский также дал Деготю адреса двух местных социал-демократов, сумевших избежать ареста. С их помощью быстро удалось организовать несколько партячеек, в каждую из которых вошло до 25 человек. На созванной из представителей ячеек конференции

был избран комитет, секретарем которого стал В. А. Деготь.

9 января 1910 года Деготь с группой товарищей был арестован. Революционеров выдал провокатор по имени Сильвестр, расстрелянный в годы советской власти. 11 марта 1911 года, после более чем годового пребывания в тюрьме, 22 заключенных предстали перед Одесской судебной палатой. Процесс продолжался три дня, подсудимых защищал адвокат Петр Николаевич Малянтович, впоследствии министр юстиции во Временном правительстве. Несмотря на все его усилия, только 6 человек были оправданы. Остальные получили каторгу и вечную ссылку, в том числе В. А. Деготь — 8 лет каторги, замененной ему, как и ряду других, пожизненной ссылкой в Сибирь. Замена эта мотивировалась молодостью обвиняемых (!) и легкомыслием.

Местом ссылки В. А. Деготя была определена деревня Подгорная Еланской волости Енисейской губернии[127]. Тогда это была настоящая глухомань. Окрестности кишели медведями, которые порой нападали на людей. В мае 1912 года, получив от Н. К. Крупской деньги, В. А. Деготь бежал из ссылки в Одессу, а оттуда вскоре снова перебрался во Францию.

Вторая эмиграция В. А. Деготя продлилась до июля 1917 года. Некоторое время Деготь работал переплетчиком в Париже, затем — чернорабочим на крупном заводе в Сен-Лазере, но через несколько месяцев вернулся в Париж.

Когда началась мировая война, парижская секция большевиков сразу заняла четко антивоенную, интернациональную позицию. Вместе с Инессой Арманд В. А. Деготь организует издание на французском языке брошюры В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)». В 1916 году В. А. Деготь сменил Григория Беленького (брата Абрама) на посту секретаря секции большевиков Парижа[128]. Через В. А. Деготя шла вся переписка секции с находившимися в Швейцарии В. И. Лениным и Г. Е. Зиновьевым, поскольку лишь он умел, как искусный переплетчик, заделывать в корешки посылаемых почтой книг письма и другие материалы.

После Февральской революции В. А. Деготь вместе с Г. Я. Беленьким был вновь послан Центральным комитетом большевиков в Одессу, где первое время работал на фабрике, а затем был избран в правление Союза печатников и в Президиум Совета рабочих и солдатских депутатов[129]. Одесса с 485 000 жителей была тогда крупнейшем городом Украины. Остальные города были гораздо меньше: в Киеве насчитывалось 360 000 человек, в Харькове — 270 000.

В составе делегации от Одессы В. А. Деготь присутствовал на III Всероссийском съезде Советов, где мельком виделся с Г. Е.

Зиновьевым.

В 1918 году Украина была оккупирована немецкими войсками. Одесса сдалась без боя, и В. А. Деготю пришлось бежать с семьей из города. Затем, после недолгого хозяйничания петлюровцев, 18 декабря город был занят французскими и греческими войсками. Одесский обком большевиков организовал группу, которую называли Французской агитационной коллегией, или Комитетом французской пропаганды. Вернувшийся в Одессу В. А. Деготь некоторое время возглавлял эту группу. На его квартире состоялось первое заседание подпольщиков-пропагандистов, обсуждавших темы листовок и обращений к французским солдатам[130]. Кроме Владимира Деготя, в группу входили Исаак Дубинский, Яков Елин («Жак»), Александр Винницкий, бывший сосед В. А. Деготя по камере в Одесской тюрьме Михаил Штиливкер («Мишель»), Александр Вапельник, румынский коммунист Альтер Залик и в качестве представителя областного комитета КП(б) Украины — Софья Соколовская. Подчинялись подпольщики непосредственно руководителю обкома Ивану Федоровичу Смирнову (псевдоним Николай Ласточкин).

Одновременно В.А. Деготь был членом редколлегии выходившей нелегально на русском языке газеты «Коммунист»[131]. Редакция находилась на Княжеской улице на квартире у Петра Митковицера. Под руководством его брата Александра юный Владимир Деготь в 1903 году стал рабочим-активистом. Александр Митковицер был тогда арестован и сослан в Сибирь, откуда не замедлил сбежать. Он вступил в меньшевистскую фракцию РСДРП, избирался в 1905 году в Совет рабочих депутатов Одессы. Потом — опять тюрьма и Сибирь. Там он случайно попал в селение, где был Лев Троцкий, принял деятельное участие в его побеге, а затем бежал сам. В 1917 году А. Митковицер стал большевиком. После одесской эпопеи он под фамилией Тубин работал переводчиком и погиб в начале октября 1920 года вместе с французами Раймоном Лефевром, Марселем Вержа и Лепти (наст. фам. Жюль Берто) во время кораблекрушения в Баренцевом море. Что же касается Петра Вениаминовича Митковицера, то он после упрочения советской власти стал скульптором, автором ряда памятников в Одессе. В июле 1941 года добровольно вступил в народное ополчение и вскоре погиб на фронте.

В середине февраля по инициативе областного комитета большевиков была организована Коллегия иностранной пропаганды, объединившая французскую, польскую, румынскую, английскую, греческую и сербскую группы. Однако к этому

времени В. А. Деготь из-за угрозы ареста вынужден был скрыться в партизанском отряде, в котором он занял пост комиссара. Вот как об этом писала в своем докладе в Центральный комитет РКП(б) Софья Ивановна Соколовская: *«Вскоре… из состава Коллегии выбыл один из ценных ее работников — товарищ Деготь. Очевидно, его пребывание в Одессе стало известно охранке, и его стали разыскивать по городу; захватили и арестовали жену его брата, у которой без присмотра остались маленькие дети. Положение становилось серьезным. Я и товарищ Мишель решительно [убеждали] товарища Дегтя, что ему надо уехать. Однажды вечером мы поехали к нему на квартиру, где он скрывался, и предложили ему выехать в уезд, так как при создавшихся условиях он все равно не мог бы работать в Коллегии.*

Товарищ Деготь согласился с трудом, но для него не было другого выхода. С его отъездом работа для меня лично осложнилась, так как товарищи из Коллегии легко увлекались разными несбыточными планами и парализовать их фантазию одной мне было трудно. Товарищ Деготь, более выдержанный и спокойный, чем они, был в этом отношении незаменим, но, к сожалению, его в Одессе не было»[132].

Созданный по инициативе Одесского обкома отряд насчитывал 400 штыков и 175 сабель при 38 пулеметах и 4 орудиях, но при этом именовался «Южной советской армией», а его командир Попов — «главковерхом». Штаб отряда располагался в селе Плосково в 22 км к северу от Тирасполя[133].

Примерно две недели спустя после того как В. Деготь ушел к партизанам, в Одессе была арестована и расстреляна группа подпольщиков, в том числе А. Вапельник, А. Винницкий, И. Дубинский, Я. Елин, М. Штиливкер и француженка Жанна Лябурб. Ивана Федоровича Смирнова деникинцы в ночь перед уходом из Одессы сначала ослепили, а затем утопили в море живьем, засунув в мешок.

После вступления 6 апреля 1919 года в город частей Красной армии В. А. Деготь возвращается и становится во главе президиума реорганизованной Иностранной коллегии при Одесском обкоме КП(б) Украины. Теперь она получает статус подотдела Южного бюро Коминтерна с центром сначала в Киеве, а позже — в Харькове. В составе Иностранной коллегии была и французская секция, в которую входили **Жак Садуль, Розалия Барбере**, ее сын **Анри Барбере, Марсель Боди, Стелла Коста, Альтер Залик** и **Александру Николау**.

Анри Барбере погиб в июле 1919 года под Одессой. Он был взят в плен восставшими немецкими колонистами, которые, экономя патроны, зарубили его, как и других, шашкой.

Жизнь румына Альтера Залика, как и у многих, трагически оборвалась в 1937 году. Его соотечественник Александру Николау попал в застенки румынской сигуранцы в июле 1920 года.

Журналистка из Люксембурга Стелла Коста оказалась авантюристкой: получив для переправки во Францию два рубина, она исчезла на территории Германии. Ходили слухи, что впоследствии она купила большое поместье[134]. Следы этой истории имеются в документе, опубликованном французскими исследователями Виктором Лупаном и Пьером Лорреном в книге «Деньги Москвы. Самая секретная история ФКП». Речь идет о составленной задним числом описи отправленных Исполкомом Коминтерна в различные страны в 1919–1920 годах ценностей и денежных сумм с указанием лиц, осуществлявших их перевозку за границу. Среди прочего для «группы Лорио» 27 декабря 1919 года были выделены драгоценности стоимостью 251 000 рублей. Рядом стоит полузачеркнутая фамилия, которую все же легко идентифицировать как «Коста», а по вертикали написана другая фамилия — «Абрамов»[135]. Уточним, что большевик Александр Абрамов с 1918 года работал за границей, в частности, формально числясь вторым секретарем Полпредства СССР в Германии, он в 1921–1926 годах возглавлял берлинский пункт ОМС и, следовательно, был в курсе происходивших там «оказий» с эмиссарами Москвы.

Иностранная коллегия занималась большевистской пропагандой среди моряков французского флота, в течение всего апреля блокировавших берега советского Юга, среди французских и румынских солдат Бессарабского фронта, а также в Румынии, Болгарии, Турции.

В ночь с 20 на 21 августа белый генерал А. И. Деникин высадил недалеко от Одессы десант. Стало ясно, что часы падения города сочтены. Перед эвакуацией В. А. Деготь получил шифротелеграмму, подписанную секретарем Южного бюро ИККИ Ж. Садулем и членами Южного бюро ИККИ Христианом Раковским и Анжеликой Балабановой, в которой ему, а также Софье Соколовской предписывалось отбыть для налаживания коммунистической работы во Францию, Даниилу Риделю — в Италию, а румыну Михаю Бужору — в Румынию[136]. Выполняя указание, В. А. Деготь перешел на нелегальное положение и остался в Одессе. Изменив внешность, отказавшись от очков, отпустив бородку и по-модному одевшись, он переехал с женой и восьмилетней дочерью в один из «буржуазных» домов города. Необходимый для поездки заграничный паспорт и визы удалось достать с помощью знакомого иностранного офицера. 25 сентября В. А. Деготь сел в одесском порту на пароход, взявший курс на

Константинополь[137], За границу он ехал со значительной суммой денег, выдавая себя за коммерсанта.

Высадившись в Италии, В. А. Деготь поездом добрался до Рима. Здесь он, устроившись в хорошей гостинице, сбрил бороду и водрузил на нос очки, тем самым обретя свой прежний, доконспиративный облик. Несколько дней он потратил на знакомство с городом: ходил по музеям, театрам. Особенно сильное впечатление на него произвели развалины Колизея. «Какие роскошные, красивые ночи проводил я здесь! Нужно быть поэтом, чтоб хоть приблизительно передать тот восторг, то грандиозное впечатление, которое произвел на меня «старый» Рим»[138], — вспоминал В. А. Деготь.

Наконец, он направился в редакцию центрального органа Итальянской социалистической партии (ИСП) газеты «Аванти!». Секретаря газеты на месте не оказалось, и Деготю пришлось представиться секретарю парламентской фракции ИСП Костантино Ладзари (1857–1927). Ознакомившись с помощью К. Ладзари с положением в соцпартии, В. А. Деготь занял позицию на стороне секретаря ЦК ИСП Никола Бомбаччи (1879–1945) против редактора «Аванти!» Джачинто Менотти Серратй (1872–1926). Он положительно оценил деятельность туринского социалиста Антонио Грамши, оказав издаваемому им с 1 мая 1919 года еженедельнику «Ордине Нуово» материальную помощь[139]. Это решение было принято вопреки мнению Дж. Серратй и представителя Коминтерна в Италии Н. М. Любарского (псевдоним Карло Никколини), «страшно недовольных», по выражению В. А. Деготя, политическим курсом «Ордине Нуово»[140].

В. А. Деготь сделал верный выбор: в августе 1924 года А. Грамши стал Генеральным секретарем ЦК КП Италии. Этот пост он сохранил и после своего ареста фашистами 8 ноября 1926 года — вплоть до смерти. Все же, думается, «ставка» на А. Грамши была делом случая, а не результатом политической прозорливости. Демагогу и авантюристу Н. Бомбаччи В. А. Деготь в своей вышедшей впервые в 1923 году книге дал следующую характеристику: «Бомбаччи, который пользуется большой популярностью, — большой романтик, человек настроения, хотя безусловно преданный революции. Когда нужно будет, он станет в первые ряды выступающего пролетариата и с ним первым расправится буржуазия. Но у него не хватает того холодного марксистского анализа, которым владеют наши русские Товарищи». Этот «большой романтик» в 1928 году был исключен из КП Италии и вскоре стал одним из ближайших сотрудников Бенито Муссолини. 28 апреля 1945 года вместе с другими

захваченными фашистскими сановниками его расстреляли партизаны.

Интересно, что даже в тексте, датированном 1931 годом, вышеприведенная характеристика Н. Бомбаччи сохранилась[141], что свидетельствует о явном отходе В. А. Деготя к этому времени от итальянских дел.

В.А. Деготь познакомился с А. Грамши через польского коммуниста Арона Визнера, который с осени 1913 года проживал в Италии и с января 1914 года состоял членом Итальянской социалистической партой. В.А. Деготю А. Визнера представил в начале 1920 года в Риме Н. Бомбаччи. С этого времени В. А. Деготь обрел надежного помощника. Когда в 1927 году у Арона Визнера возникли трудности со вступлением в Общество старых большевиков, Владимир Деготь в специальном заявлении охарактеризовал А. Визнера как «выдержанного большевика»[142]. Впрочем, помощь В. Деготя не принесла желаемого результата: А. Визнера так и не приняли в Общество старых большевиков, указав на «белое пятно» в его биографии с 1911 по 1917 год. Скорее всего, в этот период А. Визнер действительно был далек от политических баталий: приехав в Италию на лечение, он был вынужден задержаться из-за разразившейся Первой мировой войны. А. Визнер входил в генуэзскую секцию ИСП, но связи со своей родной социал-демократией Королевства Польского и Литвы не поддерживал, а работал в частных коммерческих учреждениях.

С одобрения Арона Визнера В. Деготь и С. Соколовская составили от имени Коминтерна декларацию, которая была оглашена Н. Бомбаччи на съезде социалистов в Болонье в октябре 1919 года[143]. Позже, несмотря на противодействие Дж. Серратй, эта декларация была напечатана в «Аванти!». Предварительно она обсуждалась в ЦК партии, который и санкционировал ее публикацию.

В середине марта 1920 года В. А. Деготь приехал во Францию. Устроился в Вокрессоне под Парижем, тогда это была дачная местность, и занялся активизацией агитационно-пропагандистской работы сторонников присоединения к Коммунистическому интернационалу. В частности, дал деньги на издание «Бюллетэн коммюнист», а также в сотрудничестве с Полем Вайян-Кутюрье, Раймоном Лефевром и Марселем Вержа принял участие в подготовке выпуска газеты «Пролетэр». Выезжал в Россию на Второй конгресс Коминтерна, но прибыл уже к завершению его. Марсель Боди заблуждался, когда писал в мемуарах, что виделся с В. А. Деготем «ежедневно, в течение всего периода работы II Конгресса»[144]. Ошибка французского

сотрудника аппарата Коминтерна психологически легко объяснима: большинство делегатов тогда еще не разъехалось, и это запечатлелось в памяти Марселя Боди. Верно, однако, что ему пришлось выдать В. А. Деготю нечто вроде характеристики, которую тот попросил, чтобы отвести от себя обвинения в присвоении денег Коминтерна в момент захвата Одессы деникинцами. Соответствующий документ за подписью М. Боди, датированный 17 ноября 1921 года, хранится в РГАСПИ[145]. Дело рассматривалось Центральной контрольной комиссией РКП(б), и В. А. Деготь был оправдан.

После бесед с Г. Зиновьевым и В. Лениным (1 октября 1920 года), а также трехнедельного отпуска наш герой вернулся на нелегальную работу в Италию. В середине апреля 1921 года В. А. Деготь принял решение «на два или три месяца» отправиться во Францию. Причиной, судя по всему, стали обрушившиеся на французскую группу коминтерновцев репрессии: арест А. Е. Абрамовича, задержание И. П. Степанова и Р. Вуйовича, отъезд С. Соколовской в Россию[146]. «Там никого нет», — сообщал в письме Григорию Зиновьеву В.А. Деготь[147]. Процитированный документ опровергает более позднее утверждение В. А. Деготя о том, что он отправился во Францию, руководствуясь полученной «директивой»[148]. Возможно, так он хотел снять ответственность за провал своей миссии.

Покидая Италию, В. А. Деготь договорился сохранить связь со ставшим к этому времени уже полномочным представителем РСФСР в Италии В. В. Воровским, дабы через него информировать о событиях Исполком Коминтерна. 2 мая под видом коммерсанта со множеством рекомендаций от крупных «финансистов» В. А. Деготь выехал в Ниццу, где, как ему казалось, легче, чем в Париже, будет получить разрешение на проживание во Франции. В. А. Деготя сопровождал секретарь — француженка Селин Катель, в прошлом учительница и сотрудница Комитета III Интернационала.

Парочка остановилась в гостинице и в ожидании вида на жительство для В. А. Деготя начала осматривать достопримечательности Ниццы и ее окрестностей. Среди прочего посетили и Монте-Карло, где в знаменитом казино наблюдали за игрой в рулетку.

Однако 7 мая В. А. Деготь вместе со своим секретарем были арестованы. Об этом событии русскоязычных читателей проинформировала выходившая в Париже газета Владимира Бурцева «Общее дело». Тут же пустившись в инсинуации, она добавила в комментарии, что В. Деготь «занимал разные мелкие посты при большевистском правительстве. В 1919 году он

занимал какой-то пост на Симбирском фронте, где он отличился тем, что подвел под расстрел целый ряд рабочих»[149].

С. Катель скоро отпустили, а В. А. Деготь находился в заключении в местной тюрьме 3,5 месяца. Лишь 18 августа он вышел из камеры и вскоре был выслан из страны в немецкий город Майнц.

Так закончилась деятельность Владимира Деготя в качестве коминтерновского эмиссара. В том же году вернулся после работы в Италии Даниил Ридель. Позже он опять возвратился в эту страну, но уже в качестве первого секретаря советского полпредства. В 1926 году Д. С. Риделя перевели на аналогичную должность в Грецию[150]. Тяжелые испытания выпали на долю Михая Бужора. 18 марта 1920 года он был арестован румынской полицией, а затем приговорен военным судом к бессрочной каторге. В 1933 году М. Бужора выпустили по амнистии из тюрьмы, и он даже смог в 1936 году посетить Советский Союз, но в начале 1938 года его вновь посадили за решетку. В общей сложности 17 лет мыкался М. Бужор по тюрьмам, окончательно выйдя на свободу только благодаря Советской армии 23 августа 1944 года.

Длительное заключение сказалось на психике румынского революционера. Во время пребывания в составе делегации в Москве в 1947 году он упорно искал своих старых знакомых, включая Христиана Раковского. При посещении Музея революции М. Бужор «возмущался тем, что теперь там не освещается роль Троцкого в революции… Несмотря на неоднократные напоминания и предупреждения со стороны Магеру и нашей, — писал представитель ВОКС, — он ушел в универсальный магазин за 2 часа до приема делегации т. Сталиным и опоздал на прием, хотя знал час, когда был намечен прием»[151]. Умер Михай Бужор 17 июня 1964 года.

В апреле 1922 года В. А. Деготь был мобилизован ЦК РКП(б) в числе 150 москвичей на работу в провинцию. Его выдвинули на должность председателя Профсоюзного совета Иваново-Вознесенской губернии и одновременно ответственного редактора местного журнала «Труд». Тогда же он стал членом редколлегии губернской газеты «Рабочий край». Тяжело первоначально переживавший свое увольнение из Коминтерна В. А. Деготь на новом месте вскоре пообвыкся и с головой погрузился в новые заботы. В августе его в «Красном Манчестере» навестил член ЦК ФКП Шарль Раппопорт, сделавший в местном театре доклад о коммунистическом движении в Западной Европе[152]. Осенью в Иваново-Вознесенск приезжал новый представитель ИКП при ИККИ Антонио Грамши.

Пытаясь решать многочисленные материальные проблемы ивановских трудящихся, В. А. Деготь в то же время не забывал и о духовной пище для народа. В частности, живой интерес у него вызвал репертуар местного летнего театра, где, как он писал, «ставятся большею частью содержательно-художественные пьесы», но появляются и «вещи, которые подходят скорее к парижскому кабачку, где шампанское разливают рекой господа буржуа». Имелась в виду пьеса «Узкие башмачки», где «в продолжение всего акта одна «из хорошеньких актрис» подымает выше и выше свою ножку…».

Моралист Владимир Деготь, выразив свое возмущение в отношении подобных сцен, напрямую заявил, что «партийные, советские, профессиональные и др[угие] органы» могут «при такой постановке» отказать театру в «материальной и моральной» поддержке[153].

Строгость морали сочеталась у В. А. Деготя с мягкостью сердца: 26 октября 1923 года Иваново-Вознесенский губернский комитет контроля поставил ему на вид за то, что бывшему фабриканту Бурылину была предоставлена командировка на курорт.

В февральском номере журнала «Труд» за 1923 год В. Деготем была опубликована передовица, в которой он предостерегал от развязываемых европейской буржуазией военных авантюр, нацеленных как на подавление революционного движения собственного пролетариата, так и на уничтожение советской власти в России. «В общем события развертываются грандиозные. Порохом уже запахло, и война чувствуется. Начались мобилизации в целом ряде стран: в Чехословакии, Норвегии, Венгрии, Румынии. Буржуазия готовится к решительным выступлениям.

Наша «добрая» соседка Польша в лице своего министра иностранных дел Скржинского открыто заявила, что она будет делать все, что ей прикажет Франция, т. е. она может провокационно, как и в 20-м году, броситься на нас или на Германию — с целью задушить в крови рабочих пролетарскую революцию»[154], — уверял В. А. Деготь. Почему он наряду с Россией упомянул Германию? Потому что в этой стране была самая сильная и активная зарубежная компартия, действовавшая к тому же в обстановке всеобщего брожения, вызванного оккупацией в январе французскими войсками Рурской области.

В июле 1923 года в Россию к В. Деготю приехала Селин Катель. Она стала его второй женой, вступила в РКП(б) и начала работать в Иваново-Вознесенске учительницей французского языка. Позже, когда супруга перевели в Москву, ее устроили в

Отдел переводов ИККИ. С 1931 года С. Катель занимала должность контрольного редактора Издательства иностранных рабочих в СССР. Это издательство подчинялось непосредственно Исполкому Коминтерна и занимаюсь выпуском произведений классиков марксизма и оригинальной литературы на иностранных языках[155].

С марта 1924 года В. А. Деготь — заместитель Председателя Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), руководитель его агитационно-пропагандистского отдела. В. А. Деготь избирался делегатом на III конгресс Профинтерна, проходивший в июле 1924 года в Москве[156].

По инициативе В. А. Деготя в Иваново-Вознесенске на площади напротив здания Дворца Советов был установлен один из первых памятников В.И. Ленину, а сама площадь переименована в площадь В. И. Ленина.

В 1926–1927 гг. В. А. Деготь учился в Коммунистической академии. Это было время ожесточенной борьбы партийного руководства во. главе с И. В. Сталиным и Н. И. Бухариным с троцкистско-зиновьевской Оппозицией В. А. Деготь, сочувствуя оппозиционерам, в числе «40» старых большевиков подписал так называемое «буферное», или «вдовье», письмо в ЦК ВКП(б) от 20 июля 1927 года[157].

Его авторами были Варсеника Джавадовна Каспарова, Григорий Львович Шкловский и Николай Николаевич Овсянников.

В. Каспарова — жена умершего в Швейцарии члена Заграничного бюро ЦК РСДРП Владислава Минасовича Каспарова (1884–1917) — родилась в 1888 году в городе Шуше и вступила в партию большевиков в 1904 году. В годы Гражданской войны она была политработником Красной армии, одно время являясь секретарем И. Сталина, а в ноябре 1920 года перешла на работу в аппарат Международного женского секретариата ИККИ, возглавив в сентябре 1923 года его Восточный отдел.

Г. Шкловский родился в 1875 году и состоял в партии с 1898 года. На XIV съезде партии в 1925 году его избрали в ЦКК. В 1918–1925 гг. он являлся сотрудником НКИД: сначала советником советской миссии в Шбейцарии, затем Генеральным консулом РСФСР в Гамбурге. В 1926 году — активно поддерживал так называемую ведцингскую оппозицию в компартии Германии, получившую свое название от одного из кварталов Берлина. Ее руководители Ганс Вебер, Макс Ризе, Вильгельм Кёттер вскоре были исключены из КПГ. «Кликушеством» назвал в октябре 1927 года позицию Г. Шкловского секретарь партколлегии ЦКК Емельян Ярославский[158].

Н. Овсянников (лит. псевдоним Н. Оков) родился в 1884 году в дворянской семье, а в партию большевиков вступил в 1903 году в Таганской тюрьме[159]. Активно участвовал в вооруженном восстании в Москве и Подмосковье в октябре 1917 года. С 1922 года занимал руководящие посты в Верховном суде РСФСР, а затем в СССР.

Уже после исключения сторонников Л. Троцкого и Г. Зиновьева на XV съезде из партии, в декабре 1927 года, В. А. Деготь уверял, что поставил свою подпись под документом, лишь стремясь «содействовать единству партии». Однако анализ «письма 40» свидетельствует, что В. А. Деготь лукавил.

В. Каспарова, Г. Шкловский и Н. Овсянников «с глубокой тревогой» отмечали «вызываемый неправильностью режима рост пассивности даже в рабочей части партии». Развивая эту мысль, они писали: «Дискуссия на XIV съезде свалилась для партии как снег на голову. Сама партия в этой дискуссии участия не принимала. Не было дискуссии в партии и после съезда. Партии были предложены съездовские решения, в подготовке которых она не могла принять участия и должна была поэтому без всякой критики их подтвердить… Чрезвычайно вредное влияние на партию имели наши методы борьбы с оппозицией, путем дискредитирования ее вождей. Тут было проявлено явное излишество. Мы забыли при этом, что, дискредитируя их, мы дискредитировали ближайших помощников Владимира Ильича — тех, кого партия в течение десятков лет считала в числе своих вождей, верила им, ловила каждое слово их, как слово учеников Ленина; мы дискредитировали также того, кто был одним из главных руководителей Октября, кто по поручению партии стоял во главе победоносной Красной Армии в самые тяжелые годы гражданской борьбы».

Далее авторы письма обращались к китайским событиям, прямо заявляя, что сомневаются «в правильности руководства партии и Коминтерна в Китае». Они, по существу, солидаризовались с позицией Л. Троцкого и Г. Зиновьева по данному вопросу: «Тревожные сомнения представителей оппозиции, опасавшихся неизбежного и близкого предательства Чан Кайши, многие из нас считали, полагаясь на решительный и успокоительный тон «Правды», — неосновательными. Поэтому переворот Чан Кайши и неожиданная для многих измена национальной буржуазии глубоко потрясли партийную толщу и посеяли бесчисленные сомнения и вопросы». Наконец, группа «40» в своем письме недвусмысленно осудила репрессии сталинско-бухаринского, руководства в отношении левой оппозиции: «Трезвый анализ международного и внутреннего

положения заставляет прийти к выводу, что партийное руководство было ослаблено тем, что оно было лишено тт. Зиновьева, Каменева, Троцкого, Радека, Пятакова, Преображенского, Серебрякова, Ив[ана] Н. Смирнова, Крестинского, Раковского и др[угих]. Многие из нас в свое время, как сторонники большинства, голосовали за выведение Зиновьева и Троцкого из политбюро. Партия произвела опыт — обновила руководство. Ныне, подытоживая опыт истекшего года, мы приходим к выводу: наше решение было неудачным и вредным…»

Письмо кончалось словами: «За единство ленинской партии! Против раскола, против откола!»

Таким образом, авторы письма и другие «подписанты» фактически возлагали основную тяжесть вины за тяжелую обстановку в партии не на левую оппозицию, а на партруководство. Кроме того, они оправдывали поведение и брали под защиту не только Г. Зиновьева и Л. Каменева, но и Л. Троцкого, а также лидеров группы «демократического централизма» («децистов»). Этого, разумеется, И. Сталин ни простить, ни забыть не мог.

Наиболее активно из авторской тройки общавшаяся с оппозиционерами В. Каспарова будет исключена из партии уже XV съездом, 5 января 1928 года — уволена из аппарата ИККИ. Впрочем, и без «вдовьего» письма участь Каспаровой была предопределена: она первая стала утверждать, что Сталин являлся агентом царской охранки. Документальных подтверждений тому до сих пор не обнаружено, однако доподлинно известно, что Сталину донесли, кто распространяет опасный слух. Первоначально сосланная в Минск, В. Д. Каспарова была затем переведена в Краснококшайск, а позже в Курган. После того как она подписала в 1935 году покаянное заявление, ей позволили вернуться в Москву, но ненадолго. 20 июля 1936 года В.Д. Каспарова была арестована и осуждена на 10 лет заключения. 11 сентября 1941 года ее в числе других заключенных расстреляли в тюрьме города Орла.

По сравнению с В. Д. Каспаровой дрейф Г. Л. Шкловского в сторону открытой оппозиции после сочинения цитированного выше письма был не столь прямолинеен. Однако и его в ноябре 1927 года сталинско-бухаринское большинство вывело из ЦКК ВКП(б), а заодно также из Общества старых большевиков. Именно Г. Л. Шкловский оказался первым, кто проинформировал Л. Б. Каменева о публикации троцкистами в листовке от 20 января 1929 года записи тайной беседы последнего с Н. И. Бухариным в момент июльского 1928 года пленума ЦК ВКП(б). В это время Г. Л. Шкловский уже работал в Химсиндикате. Позже его ввели в

правление Химимпорта, а в 1931 году перевели в Объединение научно-технических издательств. 14 ноября 1936 года Г. Л. Шкловский был осужден на 10 лет заключения, а 10 октября 1937 года по постановлению тройки УНКВД Ленинградской области — расстрелян[160].

Судьба Н. Н. Овсянникова после 1937 года неизвестна.

Кроме В. Деготя, подписи под «буферным» письмом поставили ветераны партии Клавдия Тимофеевна Свердлова-Новгородцева, Людмила Николаевна Сталь, Александр Ильич Финн.

В 1928–1930 годах В. А. Деготь работал исполняющим обязанности проректора Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В январе 1931 года В. Деготь становится членом коллегии, начальником управления кадров Народного комиссариата труда, а с декабря 1933 года — старшим помощником Прокурора РСФСР. На этом посту В. Деготь проработал до 27 июля 1937 года. В 1929–1931 годах он также являлся членом Президиума Центрального комитета МОПР, а с начала мая до 15 ноября 1932 года — заведовал французским сектором Международной ленинской школы (МЛШ).

22 июля 1937 года В. Деготя исключили из партии: ему припомнили «буферную платформу», а также попытки защитить ряд репрессированных лиц. 31 июля 1938 года его арестовали органы НКВД, обвинив во вхождении в 1934 году в «антисоветскую правотроцкистскую террористическую организацию» и в «подрывной деятельности» под ее руководством. Следователи НКВД утверждали, что в эту организацию В. А. Деготя вовлек народный комиссар юстиции РСФСР Н. В. Крыленко. Кроме показаний последнего, обвинение основывалось на показаниях арестованных по другим делам первого заместителя прокурора СССР Григория Моисеевича (он же Герш Мовшович) Леплевского, начальника авиации Главсевморпути Льва Павловича Малиновского, командира дивизии Алексея Александровича Глазкова и бывшего зиновьевца Павла Петровича Бурмистрова, работавшего до заключения в январе 1935 года в концлагерь заведующим организационно-массовым сектором «Ленпогрузсоюза». Все они были в 1937–1938 годах приговорены к расстрелу.

Ни в ходе следствия, ни в судебном заседании Владимир Деготь виновным себя не признал, категорически заявляя, что Н. В. Крыленко ни в какую организацию его не вербовал, антисоветских разговоров с ним не вел, а потому ничего плохого сказать о нем и не мог. Однако судебный вердикт был предрешен, и показания обвиняемого, поскольку речь не шла об открытом

процессе, значения не имели. 21 марта 1940 года Деготь был осужден на десять лет заключения с конфискацией имущества и поражением политических прав на пять лет. Освобожденный в 1944 году по состоянию здоровья, он через два месяца умер.

17 июня 1954 года сын В. А. Деготя Владимир направил Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву письмо с просьбой о посмертной реабилитации отца. Больше года тянулось разбирательство. Наконец, 5 ноября 1955 года Военная коллегия Верховного Суда СССР определила приговор от 21 марта 1940 года «в отношении Дегтя Владимира Александровича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем за отсутствием состава преступления прекратить».

ГЛАВА 5
«…Я работал добросовестно и небезрезультатно»

Абрам Яковлевич Гуральский, настоящая фамилия которого Хейфец, родился 10 апреля 1890 года в Риге — административном центре Лифляндской губернии (ныне столица Латвии). Его отец — мешанин из города Яновичи Витебской губернии и уезда был учителем в еврейской школе, он умер в 1918 году. Семья была многодетной, но с достатком, что позволило Абраму Хейфецу в 1902 году поступить в рижское коммерческое училище Миронова, которое он окончил в 1910 году. Уже в стенах училища А. Хейфец приобщился к революционному движению, вступив в 1904 году в возрасте 14 лет в еврейскую партию Бунд, а затем вместе с бундовской организацией — в Социал-демократическую партию Латышского края (СДЛК), являвшуюся автономной частью РСДРП.

В 1908 году он вошел в состав федерального комитета СДЛК и начал работать в его культурном центре. В том же году рижская организация Бунда была разгромлена полицией, а Хейфец впервые арестован, но вскоре выпущен. Удар был настолько сильным, что до марта 1909 года о Бунде в Риге ничего не было слышно. В сводках агентурных сведений о партии Бунд по городу Риге дважды появлялась запись: «В течение отчетного месяца деятельность организации не проявлялась». Только 6 марта, по сообщению секретного сотрудника № 14 Особого отдела губернского жандармского управления, на квартире доктора Милля во время приема больных состоялось заседание оставшихся на свободе местных бундовцев: Хейфеца, Осипа Разовского, Гера и других[161]. Обсуждался вопрос об организации денежной помощи арестованным. 12 марта рижские бундовцы собрались на новое заседание, на котором Хейфец доложил о положении дел, подчеркнув необходимость крайней осторожности в партийной работе. После этого собрания Бунд не подавал никаких признаков жизни аж до ноября, когда по инициативе Абрама Хейфеца и Абрама Дистенко под прикрытием секции легального культурно-просветительского общества «Вестник знания» была воссоздана рижская организация партии. Для налаживания пропагандистской работы была использована проводившаяся в то время избирательная кампания по выбору делегатов на съезд евреев Северо-Западной области в Ковно. Этот съезд в свою очередь должен был избрать делегатов на

всероссийский съезд в Петербурге, собираемый для выработки программы еврейских нужд. На собрании членов «Вестника знания» председательствующий Хейфец добился избрания делегатом на ковенекий съезд активиста Бунда Хаима Гельфанда, известного по кличке Литвяк. Он же составил ему наказ и провел его на собрании.

Ведущая роль Хейфеца в воссоздании рижского Бунда никем не оспаривалась, и поэтому закономерно, что он наряду с четырьмя другими лицами вошел в состав Исполнительной комиссии организации. Неделей позже, 24 октября, жандармское управление приняло решение установить за ним наружное наблюдение[162]. Филеры присвоили Хейфецу кличку Береговой, поскольку он жил в то время на Набережной улице в доме № 15/17. Сам же Хейфец в организации сначала просто именовался «Абрам», а позже стал пользоваться псевдонимом «Овсянка».

В план действий Исполнительной комиссии входила работа в профсоюзах жестянщиков, шапочников и портных, причем ставилась задача с целью проверки собственных сил подбить последних на забастовку. Предполагалось также выпустить воззвание на гектографе к утратившим связь с партией бундовцам. Камнем преткновения были денежные ресурсы. У бундовца Рафаила Дрейбина взяли в долг 50 рублей, но их требовалось погасите, да и сумма эта была явно недостаточной. Сначала собрать нужную сумму предполагали по подписным листам, тогда же Хейфец послал неизвестному адресату в Америку письмо с просьбой об оказании материальной помощи. Затем им было решено организовать 19 декабря в «общедоступном театре» на Спасо-Церковной улице с целью сбора средств спектакль, но мероприятие сорвалось.

Дело в том, что накануне, 14 декабря, герой нашего повествования заболел, и без него все дело остановилось. Абрам Хейфец не принимал никакого участия в деятельности рижского Бунда до середины февраля 1910 года. О причинах его столь длительного отсутствия в организации сначала ходили разные слухи: говорили, что он продолжает болеть, что уехал куда-то для поправки здоровья; были и такие, кто утверждал, что А. Хейфец просто охладел к партийной работе. Затем все прояснилось: сохранив контакты с эмиссарами Центрального комитета Бувда, А. Хейфец в то же время постарался свести к минимуму свою политическую деятельность, желая избежать неприятностей с полицией до сдачи выпускных экзаменов в коммерческом училище.

В итоге он поплатился своим местом в Исполнительной

комиссии. Обеспокоенные бездействием двух из пяти ее членов, рижские бундовцы организовали в январе перевыборы, найдя замену А. Хейфецу в лице некоего Глезера. Только в июне он снова вошел в состав Исполнительной комиссии[163].

В том же месяце А. Хейфец становится разъездным агентом Центрального комитета Бунда, что говорит о должной оценке партийным руководством его организаторских способностей и энергии. Он колесит по Литве и Белоруссии, посещая Вильно, Двинск, Витебск, Креславку. И повсюду за ним по пятам следуют филеры. Вот отрывок одного из донесений в Ригу начальника Витебского губернского жандармского управления от 29 июля 1910 года:

«Сообщаю, что 17 сего июля с поездом № 4 прибыл в Витебск под наблюдением Ваших филеров Абрам — Залман Янкелев Хейфец (кличка наблюдения «Береговой») и был принят в наблюдение филерами г. Витебска. На вокзале «Береговой» был встречен витебским мещанином Шоломом Израилевым Израелитом, вместе с которым он отправился на Шоссейную улицу. На этой улице Израелит отстал от «Берегового», а последний был проведен на Покровскую улицу…»[164]

В конце сентября в качестве делегата от Риги А. Хейфец отправился на VIII конференцию Бунда, состоявшуюся за границей, во Львове. Трудно сказать, как проявил он себя на конференции, где присутствовал 21 человек. Известно лишь, что он сделал сообщение о наличии провокации в рижской организации Бунда. Действительно, после арестов в сентябре и захвата нелегальной литературы бундовцы в Риге жили в атмосфере страха и подозрительности. Они догадывались о наличии в своих рядах секретного сотрудника царской охранки, но не подозревали, что их было несколько! Позже выяснилось, что одним из провокаторов был некто «Еэль-слесарь».

В автобиографии, написанной 31 марта 1935 года для отдела кадров аппарата Исполкома Коминтерна, А. Гуральский утверждал, что «в 1909–1910 гг. несколько раз арестовывался…»[165]. Материалы особого отдела Департамента полиции свидетельствуют: в эти годы он ни разу не был подвергнут аресту.

В конце августа 1910 года А. Хейфец поступил в Киевский коммерческий институт. Новый, 1911 год он встречал среди родных в Риге, а в ночь со 2 на 3 февраля в Киеве его второй раз в жизни арестовали. Одновременно были арестованы 18 человек по обвинению в принадлежности к киевскому городскому комитету Российской социал-демократической рабочей партии. Обыск у А. Хейфеца ничего не дал, и полиция находилась в затруднительном

положении. В мае с ходатайством об освобождении Абрама из-под стражи, «если окажется возможным», обратился его брат Илья Яковлевич Хейфец, инженер-технолог, проживавший в Москве. Илья Яковлевич утверждал, что пребывание Абрама в киевской Лукьяновской тюрьме «очень вредно отражается на его здоровье», а, «судя по письмам, он за собой никакой вины не чувствует»[166]. К делу был подключен также историк-франковед, член ЦК Конституционнодемократической партии, депутат Государственной думы Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918), сделавший соответствующий запрос в Министерство внутренних дел. В итоге по представлению киевского губернатора от 2 июня Особое совещание 26 июня 1911 года приняло решение выслать Абрама Хейфеца «в избранное им местожительство за исключением столиц, столичных и Киевской губернии на 2 года»[167]. А. Хейфец избрал местом ссылки родную Ригу, откуда его перевели в Вильно, через 4 месяца позволив выехать за границу.

В июне 1912 года А. Хейфец участвовал в работе 9-й конференции Бунда в Вене. В резолюциях конференции утверждалось, что Россия должна следовать эволюционным путем, а поэтому необходимо бороться за частичные уступки. Лозунг республики снимался, как призывающий к «непосредственной революции».

17 февраля 1913 года А. Хейфец был арестован в Лодзи, куда он приехал по заданию ЦК Бунда. Просидев в заключении в местной тюрьме до 1 августа 1913 года, Хейфец был переведен в одну из тюрем России, откуда был выпущен на свободу под залог ввиду болезни. Воспользовавшись снисхождением полиции, он тут же бежал за границу в Вену, где поступил учиться в университет, зарабатывая себе на жизнь трудом переписчика.

Продолжая участвовать в еврейском рабочем движении, Хейфец в 1914 году вступил в Австрийскую социал-демократическую партию. Однако началась Первая мировая война, и, опасаясь преследований со стороны австрийских властей, он бежал в Швейцарию, где продолжил учебу в Лозаннском университете на факультете социологии. В 1917 году А. Хейфец его окончит. Позже, работая в аппарате Коминтерна, в анкетах он неизменно подчеркивал, что имеет «высшее» образование.

В Швейцарии А. Хейфец принимал участие в движении левой молодежи, выезжал для ведения антивоенной работы среди матросов в Геную, но из-за преследований полиции вынужден был покинуть Италию и вернуться обратно в Швейцарию.

Пребывание в эмиграции позволило А. Хейфецу

познакомиться с некоторыми видными деятелями российской социал-демократии. В частности, весной 1916 года, во время Кинтальской конференции социал-демократов-интернационалистов, он установил контакт с Л. Троцким, который даже попытался наладить с ним союзнические отношения, от чего, однако, А. Хейфец уклонился. Благодаря антивоенной работе познакомился он и с Г. Зиновьевым.

Февральская революция 1917 года в России дала возможность А. Хейфецу вернуться на родину. В архиве находившегося в Цюрихе Центрального комитета по репатриации русских политэмигрантов из Швейцарии сохранилась записка неизвестному адресату без даты, в которой он сообщал, что находится вольной в санатории, но собирается в Россию[168]. В заведенной на А. Хейфеца Центральным комитетом карточке (№ 160) отмечено, что тот пожелал отправиться на родийу при первой возможности[169]. Швейцарская группа бундовцев насчитывала 42 человека, а вместе с членами семей — 59, поэтому для определения очередности отправления была проведена жеребьевка, в которой А. Хейфецу не повезло[170]. Лишь 12 мая 1917 года он в составе 257 человек в так называемом «втором пломбированном поезде» (в первом ранее уехал В. И. Ленин) отправился из Цюриха и 22 мая, проследовав через Германию, прибыл в Петроград. В том же поезде возвращался в Россию член социал-демократической группы «Наше слово» Д. З. Мануильский, знакомство с которым сыграло большую роль в судьбе А. Хейфеца.

По возвращении в Россию Хейфец входит в состав Временного совета Российской республики (Предпарламента), широкого совещательного органа, задуманного с целью установления постоянного контакта между Временным правительством и общественностью. В Бунде он возглавил так называемое интернационалистское течение, пытавшееся найти точки соприкосновения с большевиками. В руководстве бундовской организации Одессы, где осенью 1917 года оказался. А. Я. Хейфец, интернационалисты преобладали. В дни Октябрьской революции они выступили совместно с большевиками, войдя в состав ревкома.

Центральное руководство Бунда, напротив, восприняло весть о свержении Временного правительства большевиками крайне отрицательно. В резолюции ЦК Российской социал-демократической рабочей партии (объединенной), куда с августа на правах автономии входил Бунд, говорилось: «Захватив посредством военного заговора власть, большевики совершили насилие над волей демократии и узурпировали права народа…»

Как член президиума ревкома Одессы, к тому же поддержавший большевиков в конфликте Одесского совета с Украинской войсковой радой, Хейфец был привлечен ЦК Бунда к партийному суду[171]. Мы не знаем вердикта суда и поведения на нем нашего героя. Однако знаменательно, что вскоре, в декабре 1917 года, на состоявшемся в Петрограде VIII съезде Бунда А.Я. Хейфец стал членом Центрального комитета. Съезд единогласно решительно «осудил» Октябрьскую революцию и ее «утопические лозунги», потребовав коалиционного «социалистического» правительства. В партию тогда входило 30 тыс. членов.

На Украине Бунд сначала поддерживал власть Центральной рады, провозгласившей в январе 1918 года независимость Украины. Рада, однако, в апреле была разогнана немецкими оккупационными войсками и заменена марионеточным «правительством» гетмана Павло Скоропадского. С новой властью отношения у бундовцев не сложились. Результатом стал арест А.Я. Хейфеца как одного из лидеров левого крыла партии и тюремное заключение. По выходе из тюрьмы Хейфец был избран членом Президиума нелегального Киевского совета, в состав исполкома которого бундовцы вошли по тактическим соображениям еще в феврале — марте 1918 года. Председателем подпольного Киевского совета был уже тогда видный большевик Андрей Бубнов.

Во всех документах, относящихся к периоду работы в Коминтерне и позже, Хейфец (Гуральский) утверждал, что вступил в партию большевиков в конце 1918 года[172]. Указывал он и более точную дату — декабрь.

Бесспорно, с осени 1917 года А. Я. Хейфец был близок к большевикам, постоянно с ними контактируя. Однако называвшаяся им дата вступления в компартию вызывает сомнения.

М. Г. Рафес, как и А. Я. Хейфец, входивший в состав Центрального, комитета и Бюро Главного комитета Бунда Украины[173], а впоследствии также работавший в аппарате Киевского губернского Совета и Коминтерна, писал, что тот вошел в партию большевиков лишь во второй половине января 1919 года, в момент подготовки созыва петлюровцами так называемого Трудового конгресса[174]. Тогда уже было ясно, что дни правившей Украинской директории сочтены, что ее войска не могут сдержать напор атаковавшей Красной армии, передовые части которой вступили в Киев 5 февраля 1919 года. Л. Троцкий по существу был прав, когда писал, что Гуральский был среди тех, кто примкнул к большевизму «лишь после того, как в руках большевиков оказалась государственная власть»[175].

На состоявшемся 21 февраля первом легальном общем собрании киевских коммунистов А. Я. Хейфец избирается членом городского комитета КП(б)У, а позже — членом губкома компартии Украины[176]. Параллельно он становится заместителем председателя Киевского губернского исполнительного комитета Советов, членом Всеукраинского центрального исполнительного комитета (ВУЦИК). Его политические взгляды в этот период отличала бескомпромиссность, крайняя жесткость по отношению к своим вчерашним коллегам — меньшевикам. Выступая 30 марта от фракции большевиков на заседании Киевского совета рабочих депутатов, он заявил: «…В настоящий момент не может быть никаких уступок. Под знаменем соглашения сплачиваются все наши враги. Это есть политический подрыв органов советской власти, вредный тормоз всей ее деятельности. С этой точки зрения наша прямая неуклонная линия есть единственно правильная. При соглашении будет утеряна наша мощь, наша выдержка, наша политическая линия. Я говорю: да, будут кулацкие восстания, но мы не предадим всемирной революции, будем бороться с ними, не пойдем из-за этого на соглашение».

5 июля в киевской газете «Большевик» последний раз появилась заметка, в которой упоминался А. Хейфец, а в сентябре 1919 года Исполнительный комитет Коминтерна уже командирует его своим представителем в Германию. Так началась коминтерновская карьера А. Я. Хейфеца, перевоплотившегося с этого времени в Гуральского.

Вероятно, именно через Д. З. Мануильского А. Я. Гуральский устроился в аппарат Коминтерна. В качестве представителя РСФСР Д. З. Мануильский вместе с другими членами делегации летом и осенью 1918 года находился в Киеве, проживая в гостинице «Марсель». Будучи задержанными гетманскими властями, советские делегаты в конце концов были обменены на ряд заложников, оказавшихся в руках советскою правительства[177]. После возвращения в мае 1919 года из Франции Д. З. Мануильский работал в Киеве, в том числе председателем Политического комитета обороны города.

Нельзя не отметить, что А. Я. Хейфец-Гуральский покинул Украину в сложное для местных большевиков время. В Киеве была объявлена партмобилизация на фронт. 27 июня войска А. Деникина захватили Харьков. Развернули наступление петлюровцы. В этой связи вопрос о мотивах перехода А.Я. Хейфеца на работу в Коминтерн остается открытым.

Достоверная информация о начальном этапе коминтерновской карьеры Г уральского — крайне обрывочна.

Известно, что он был в Германии арестован и после двухмесячного заключения выслан из страны. 20 февраля 1920 года через Ригу А. Я. Гуральский вернулся в Россию. Впоследствии, когда А. Я. Гуральского обвинили в излишней болтливости во время пребывания в родном городе в 1920 году, он заявил, что такого не могло быть просто потому, что он был проездом в Риге раньше — в 1919 году[178].

После непродолжительного периода работы в городе Иваново-Вознесенске Гуральского в самом конце февраля 1921 года вновь направили в Германию. Под руководством секретаря и члена Малого бюро ИККИ Бела Куна вместе с Гуго Эберлейном и выходцем из Австро-Венгрии Манфредом Стерном (тем самым, кто позже воевал в Испании под псевдонимом Эмилио Клебер) он принял участие в восстании рабочих Мансфельда и Мерзебурга в марте 1921 года в Центральной Германии, последовавшем после стачки. Рядовым коммунистам А. Я. Гуральского представляли как «товарища Шмидта из Исполкома»[179]. В это время он разделял куновскую тактику провоцирования врага как средства разжигания революционного пожара. Проинформированные Г. Зиновьев и Н. Бухарин заняли двусмысленную позицию, предпочитая выжидать[180]. Тогда кто-то даже сочинил частушку:

Всем продажным тварям
Нож гильотины пожелаем.
Да, да, да,
Бела Кун прибыл сюда!

(Приводится в переводе автора книги)

Не менее агрессивно был настроен другой лидер восстания — исключенный из компартии Германии за анархизм Макс Гёльц. Его отряд численностью от 200 до 400 человек грабил банки (20 000 марок в Кредитном обществе), захватывал с целью выкупа промышленников и коммерсантов, взрывал помещения и поезда. В результате, как сообщали из Берлина Г. Чичерину, «в глазах консервативной части рабочих» движение сразу было скомпрометировано «участием двусмысленных элементов, нелепыми покушениями на общественные здания, произведенными по большей части рукою бывших боевиков»[181]. Выступления рабочих не переросли в общегерманское движение и были подавлены силой оружия. Макс Гёльц был схвачен и приговорен к пожизненным каторжным работам, а Бела Кун

бежал из Германии на самолете. Позже Макса Гёльца удалось вызволить из тюрьмы, он приехал в СССР, где в 1933 году и утонул, купаясь в реке.

А.Я. Гуральский возвращается в Россию, участвует в качестве делегата с совещательным голосом от Российской компартии в работе Третьего конгресса Коминтерна в июне — июле и… опять командируется в сентябре 1921 года как представитель ИККИ в Германию и страны Центральной Европы. В составе группы коминтерновцев-нелегалов он через Ригу проследовал до Штеттина. Под псевдонимом Август Кляйне в конце января 1923 года на лейпцигском съезде компартии Германии его ввели в состав Центрального комитета КПГ. Впрочем, сам А. Я. Гуральский позже как-то утверждал, что стал членом ЦК КПГ уже в 1920 году.

До убийства 24 июня 1922 года членами националистической террористической организации «Консул» министра иностранных дел Германии Вальтера Ратенау взаимодействие Кляйна-Гуральского с руководством КПГ не вызывало больших проблем. Написанные к прошедшему в Йене съезду партии совместно с Паулем Бетхером тезисы по вопросу применения коминтерновской тактики единого фронта были поддержаны почти всеми членами ЦК. С одобрением ими была воспринята и борьба А. Гуральского против «явно правого» уклона в партийных организациях Саксонии. Однако смерть В. Ратенау обострила ситуацию в стране, усилив в рабочем движении тягу к единству действий. Попытки ряда членов ЦК КПГ (Эрнста Мейера, Якоба Вальхера, Вальтера Штеккера, Курта Гейнриха) приглушить критику пологического курса руководства СДПГ были встречены в штыки А. Гуральским. В борьбе с новоявленными правыми он одержал победу, но лишь ценой ряда уступок и союза с лидерами левого крыла в КПГ Рут Фишер и Аркадием Масловым (так называемая берлинская оппозиция), критически относившимися к самой идее тактики единого фронта.

В Германии А. Я. Гуральский работал вместе с женой Кэте Поль. В действительности ее звали Лидия Абрамовна Рабинович. Начав свою политическую деятельность в Бунде, она в 1919 году вступила в РКП(б). До своего возвращения в мае 1924 года в СССР выполняла функции инструктора ЦК КПГ в различных районах Германии и даже была техническим секретарем политбюро ЦК КПГ. Плодом ее литературного творчества стала книга «Германия накануне Октября»[182], ставившая целью подготовить армию советских пропагандистов к приходу германской революции.

В конце ноября 1924 года К. Поль, проработав два месяца в секретариате И. Сталина, была с одобрения А.Я. Гуральского

командирована во Францию в аппарат ЦК ФКП для работы среди женщин. Высланная из страны 26 апреля 1926 года, она через некоторое время поступила на службу в московский аппарат Профинтерна. В 1928–1930 гг. К. Поль являлась членом Центрального совета Профинтерна.

По линии матери, Софьи Соломоновны Рабинович, К. Поль состояла в родстве с известным большевистским деятелем Григорием Сокольниковым, осужденным по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 30 января 1937 года к 10 годам заключения, а в 1939 году убитым сокамерниками. Однако хотя она и исключалась в 1937 году из ВКП(б), но в следующем году была восстановлена и сумела избежать репрессий. Родной брат К. Поль — Николай — был довольно известным поэтом-драматургом, работал под псевдонимом Адуев (1895–1950). В 1920-е годы он входил в *Литературный цех конструктивистов*, члены которого полагали, что поэтическое творчество есть процесс «конструирования», а не интуитивно-чувственного поиска. Захоронен Н. Адуев на Ваганьковском кладбище в Москве.

В конце 1922 года или в начале 1923 года А.Я. Гуральский и К. Поль разошлись. Их сын Георгий Абрамович Поль погиб на фронте в 1942 году.

С 1922 по 1926 год А. Я. Гуральский был женат на польской коммунистке Романе Езерской (наст. фам. Вольф), в период партдискуссии 1923 года сочувствовавшей позиции Льва Троцкого. Следствием стало ее увольнение из юридического отдела ГПУ и отправка на работу в Польшу, где она возглавила окружной комитет КПП. В 1926–1932 годах Р. Езерская находилась в заключении. Выйдя из тюрьмы, вернулась в СССР и поступила в Международную ленинскую школу. В 1934–1935 годах работала в Париже в составе польского секретариата при ЦК КП Франции, позже была референтом представительства КПП при ИККИ. 11 декабря 1937 года по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР Роману Езерскую расстреляли.

Август 1923 года. В Кремле под влиянием «немецких товарищей» пришли к выводу, что в Германии возникла революционная ситуация. Началась лихорадочная подготовка вооруженного выступления. Ставкой была судьба не только немецкой нации, но и социализма в Европе и России. Побывавшая на инструктаже в партруководстве перед отправкой в Германию журналистка Лариса Михайловна Рейснер записала в блокноте: «…Победа коммунизма в Германии означает его победу в Европе. Иначе для нас не разрешить и другое затруднение — о нашем внутреннем рынке, об аграрном мелком кредите. Если у Германии и нет денег — то за наше сырье она может дать свои

машины и фабрикаты. Союзные коммунистические державы будут жить на строго экономических] выгодах — а не на основе «свободной любви». Кроме того, Герм[ания] даст нам хороших организаторов более развитого хозяйства. Это ускорит наше развитие на 20 лет»[183].

В этот период А. Я. Гуральский играл одну из ключевых ролей: по его собственным словам, он был председателем общегерманского ревкома. Этот факт подтверждается показаниями Феликса Неймана на так называемом «процессе германской ЧК», состоявшемся в феврале — апреле 1925 года. Тот подробно рассказал о деятельности созданного компартией Германии Центрального революционного комитета, в котором самым активным был Кляйне. Известны имена и других членов ревкома: Фриц Геккерт, Иван Кац, Вильгельм Пик, Вернер Раков, Вальтер Ульбрихт, Гуго Эберлейн. Сам Ф. Нейман занимал в ревкоме пост секретаря[184]. Центральной фигурой на судебном процессе был советский военный инструктор, именовавшийся «генералом Скоблевским». На самом деле это был латыш Вальдемар Розе, которого позже обменяли на одного из арестованных в СССР германских агентов. В Москве он очередной раз сменил фамилию, став Крыловым.

12 октября в Саксонии и 16 октября в Тюрингии были образованы коалиционные правительства из коммунистов и левых социал-демократов. Однако если большевистское руководство предлагало использовать их немецким коммунистам лишь в качестве ширм для прикрытия собственных действий, то верхушка КПГ и самый влиятельный московский эмиссар в Германии Карл Радек вполне серьезно видели в земельных правительствах реальный инструмент готовящегося восстания против центральной власти. Это фатально предопределило исход событий.

В Берлине быстро поняли, откуда исходит опасность: уже 13 октября правительство Штреземана приняло указ о чрезвычайных полномочиях, на основании которого генерал Альфред Мюллер, главнокомандующий рейхсвером в Саксонии, приказал распустить формировавшиеся под эгидой местного правительства пролетарские сотни. Когда социал-демократический премьер-министр Саксонии Эрих Цейгнер ответил отказом, центральные власти с согласия руководства СДПГ объявили о введении рейхсвера в Саксонию. В Этой ситуации компартия Германии в воскресенье 21 октября на конференции в Хемнице, где ранее планировалось обсудить с левыми социал-демократами экономические проблемы, приняла решение предложить объявление всеобщей забастовки и призвание населения к борьбе

с рейхсвером. Коммунисты были настолько уверены в поддержке своего плана конференцией, что накануне с помощью курьеров разослали в окружные партийные организации директивы с датами выступления.

Но руководителей КПГ ожидало разочарование. Их партнеры по правительству категорично отвергли призыв к всеобщей забастовке. Увидев, что левые социал-демократы не настроены оказывать сопротивление рейхсверу, лидер КПГ Генрих Брандлер принял решение отказаться от восстания. Его поддержал Карл Радек, который лично убедил рвущихся в бой членов саксонского правительства Пауля Бетхера и Фрица Геккерта ничего не предпринимать. Против выступления был и второй по значимости представитель Москвы Г. Л. Пятаков. Революции не получилось. Ровно через месяц, осмелев, правительство запретило КПГ. И только 1 марта 1924 года запрет был снят. Следствием репрессий стало сокращение численности партии: с 267 000 членов в сентябре 1923 года до 121 000 в апреле 1924-го.

А. Я. Гуральский выразил категорическое несогласие с переменой курса. С ним солидаризовались Гуго Эберлейн, Рут Фишер. Даже когда рейхсвер подавил восстание в Гамбурге, Абрам Гуральский продолжал призывать к решительным действиям, за что и поплатился. Карл Радек «под собственную ответственность перед ЦК РКП» снял его «с немецкой работы». Переданное 1 ноября запиской решение не содержало объяснений. А. Я. Гуральскому следовало немедленно прервать свою деятельность, а остаток дня предлагалось «использовать для дачи письменного отчета о всей работе с 13 августа…». О дне отъезда в Москву К. Радек намеревался известить позже[185].

Накануне, 29 октября 1923 года, он из Берлина послал в политбюро ЦК РКП(б) и Исполком Коминтерна письмо, в котором, оправдывая изменение стратегии КП Германии и собственную позицию, обвинил партийное руководство, в частности Г. Брандлера, Г. Эберлейна и Кляйне, в революционном позерстве и неспособности заниматься практической подготовкой восстания. «Все, что рассказывал Брандлер о состоянии вооружения, есть сущий вздор. Если бы мы знали, что в партии ничего не подготовлено для восстания, то мы бы в сто раз больше говорили о подготовке, чем о сроке. Мы все срок понимали как средство форсирования подготовки. Но со сведениями о наших решениях приехал самый легкомысленный член ЦК Эберлейн и заявил на берлинской партийной] конференции, что партия перейдет в наступление в ближайшие дни, что входит в саксонское правительство для того, чтобы арестовать ген[ерала] Мюллера, что если центральное правительство ответит на это

походом на Саксонию, то мы немедленно отвечаем восстанием. В том же духе работал Кляйне, державший в своих руках аппарат влияния на хундертшафте» (т. е. на пролетарские сотни. — *М. П.*). Серьезной же подготовки не было и не могло быть. Не потому, что время не позволяло, а потому, что и названные выше оба тов[арища] и левая не понимают значения технической подготовки.

Они ведут политику «на авось» и приукрашивают ее утверждением, что оружие нельзя купить, что оно добывается в бою»[186], — утверждал кремлевский эмиссар.

Основания для такого обвинения были. Член Реввоенсовета СССР и начальник снабжения РККА Иосиф Уншлихт, посетивший с инспекционными целями Германию, писал в своем отчете 29 сентября 1923 года: «Реввоенсовет (т. е. ревком. — *М. П.*) пока существует на бумаге. Нет ни политич[еского], ни военного руководителя. Ни Брандлер, ни Вальтер (Ульбрихт? — *М. П.*) не работают, Гуральский — лишь отрывочно»[187].

Все, что мог сделать в ответ на решение Карла Радека А.Я. Гуральский, — это выразить свое недоумение «серьезностью наказания», усугубленного нежеланием его хоть как-то объяснить.

Свою позицию А. Я. Гуральский излагал на прошедшем 7—10 апреля 1924 года во Франкфурте съезде КПГ, где его уже не избрали в состав Центрального Комитета, а также на V конгрессе Коминтерна, проходившем в июне — июле того же года. Выступая под псевдонимом Кляйне в прениях по докладу Г. Зиновьева, он обрушился на К. Радека и Г. Брандлера. «Тов. Брандлер высказал следующее положение, а тов. Радек развил его: мы были слабы, партия была безоружна, нам грозило страшное поражение. Поэтому мы предложили отступление по последнему слову австрийской стратегии. Все это неверно. В октябре 1923 года положение было не таким, как его описывает сейчас тов. Брандлер… Отступление было ошибкой»[188], — заявил А.Я. Гуральский.

В сущности, это было сведение счетов с уже обреченными. С одобрения конгресса Карла Радека вывели из состава ИККИ, а еще раньше Г. Брандлер был отстранен от руководства партией.

Пятый конгресс как бы подвел черту под деятельностью А. Гуральского в Германии. Еще в феврале 1924 года Председатель ИККИ Г. Зиновьев, озабоченный разногласиями в руководстве компартии Франции по «русскому вопросу», спешно командировал его в Париж. Присутствовавший на Лионском съезде ФКП Генеральный секретарь Профинтерна Александр Лозовский (наст, имя и фам. Соломон Дридзо) сообщил, что возникшая в РКП(б) оппозиция во главе с Л. Троцким встретила

сочувствие у таких лидеров ФКП, как Пьер Монатт, Альфред Росмер, Борис Суварин. Самым активным был Борис Суварин, не только входивший в политбюро Руководящего комитета, но и являвшийся к тому же представителем ФКП при ИККИ, а также членом его Президиума и Секретариата.

Публично Б. Суварин провозглашал «активный нейтралитет», публикуя в руководимом им «Бюллетэн коммюнист» документы как сторонников большинства в РКП(б), так и оппозиции. Однако в Москве не сомневались, кому принадлежат его симпатии. «Суварин, по словам тов. Лозовского, продолжает вести злостную линию и превращает свой журнал «Бюллетень» во фракционный орган. Я прошу Вас устно сказать от моего имени Суварину, что, если это немедленно не прекратится, я вынужден буду просить его сделать публичное заявление в «Бюллетене» о том, что я перестаю быть сотрудником этого органа. Думаю, что к этому моему заявлению присоединится и ряд товарищей. Вообще Вам следует дать ему понять, что с этим вопросом ему шутить не приходится. Все это делайте пока неофициально»[189], — напутствовал своего эмиссара Г. Е. Зиновьев.

А.Я. Гуральский, выступив на Национальном совете ФКП, попытался доказать наличие связей между оппозиционерами в СССР и правым крылом в КПГ, что вызвало резкую ответную реакцию Б. Суварина. Он обвинил Гуральского в попытке перенести кризис в КПГ на французскую почву и в желании «внести разъединение в ряды партии»[190]. Однако последовавшее затем выступление другого эмиссара Коминтерна — Д. З. Мануильского заставило Б. Суварина перейти к обороне.

В своем письме в ИККИ от 9 марта 1924 года А. Я. Гуральский, уже покинув Париж, писал: «По-моему, пытаться еще спасать Бориса (Суварина. — *М. П.*) или держать его — большая ошибка. Он сам с собой покончил, он изолировал себя, он все время направо и налево разбрасывает замечания о России, граничащие с открытой контрреволюцией. За ним никто и ничто. Росмера надо спасти, но не задерживать его в ЦК, ибо он больше всех после Бориса портит отношения партии с конфедерацией труда…

Конкретные предложения я делаю следующие:

Сувариным пожертвовать и бюллетень у него отобрать с политической, а не технической мотивировкой;

Росмера спасти, но изолировать и политически бить;

Левую (расширенную с молодежью включительно) поддерживать и передать ей руководство партией. Генеральным секретарем будет Креме (еще, очевидно, до съезда). Трен, Креме, Сюзан Жиро, Мидоль (в тексте — Мизоль. — *М. П.*), Семар (в

тексте — Сеймар. — *М. П.*) — это лучшая группа в партии и по линии, и по способностям организовать революционную партию.

Кашена, Рено (в тексте — Рену) Жана и Вальяна связать с левой в работе и использовать серьезней и основательней, чем сейчас»[191].

Усилия эмиссаров ИККИ увенчались успехом. 18 марта 1924 года ЦК ФКП официально осудил оппозицию в РКП(б), а 25 марта в унисон с вышедшим постановлением ИККИ снял Б. Суварина с поста руководителя «Бюллетэн коммюнист».

В 1955 году, оказавшись в опале и требуя восстановления в КПСС, А. Я. Гуральский отмечал в качестве одной из своих заслуг активное участие в создании «руководства Тореза — Семара — Кашена» в ФКП в 1924–1925 гг. Процитированное выше письмо говорит о том, что это не совсем так. Не отметая Пьера Семара и Марселя Кашена, Гуральский делал ставку прежде всего на левую фракцию в ФКП, безоговорочно следовавшую курсом Председателя ИККИ Г. Зиновьева. Добавим, что вместе с Д. З. Мануильским он накануне Пятого конгресса Коминтерна настаивал на назначении на пост директора центрального органа ФКП газеты «Юманите» взамен Марселя Кашена швейцарского коммуниста Жюля Эмбер-Дро, что тот позже и засвидетельствовал в своих мемуарах. План был похоронен только вследствие вмешательства Г. Зиновьева и О. Куусинена, решивших оставить Ж. Эмбер-Дро в Москве.

Морис Торез не упоминается А. Я. Гуральским в письме вовсе, ибо тогда он был мало кому известен за пределами северных департаментов Франции. И все же не иначе как хлестаковщиной выглядят последующие байки А.Я. Гуральского о том, что он «извлек» Мориса Тореза «прямо из шахты»[192]: тот еще в 1920 году, призванный в армию, оставил профессию горняка, а с начала 1923 года навсегда распрощался с физическим трудом, превратившись в оплачиваемого партийного функционера[193].

Забегая вперед, скажем, что идея выдвижения М. Тореза пришла А. Я. Гуральскому только летом 1925 года. Но принципиальный подход к кадровому вопросу при этом не изменился. «Левая группа — лучшая из всех, — размышлял А.Я. Гуральский в письме, доставленном в Москву 11 июля, — но продолжать опираться только на нее было бы глубокой ошибкой… По-моему, надо несколько расширить и Политбюро реорганизовать. Тореза (с севера, рабочий углекоп, очень развился), Дезюсклада (организатор Парижа, крепкий рабочий, хорошо говорит, пишет, немного крут, любим массой, как и Торез) и Марти надо ввести в Политбюро. Центр тяжести надо переносить на рабочую группу, постепенно используя все лучшие

силы (и Сюзанну, и Альберта, и Жака, и Маселя, и Гастона)[194]. Альберт сейчас старается работать лучше и пока не глупит. Через некоторое время (развитие идет быстро, через м[есяцев] 6–8) ряд людей отпадет, а руководство пойдет без больших кризисов. Ряд товарищей согласен на введение 3-х, с другими еще не беседовал, думаю, что дело пойдет. Руководящие синдикалисты завтра вступят в партию, до сих пор шли переговоры с колебавшимися. В общем, в руководящей группе я хотел бы «мира и работы» и думаю на сем временно реорганизацию окончить и ситуацию окончательно пацифизировать». В июле указанные лица вошли в состав политбюро ЦК ФКП. Формально предложение ввести Мориса Тореза в высший руководящий орган партии было озвучено одним из секретарей ЦК ФКП Сюзанной Жиро[195].

По-разному сложились судьбы выдвиженцев А. Я. Гуральского. Клеман Дезюсклад почти незаметно вышел из компартии в 1928 году, а в 1943 году был расстрелян немцами. Морис Торез на три с половиной десятилетия стал генеральным секретарем ЦК ФКП. Наконец, Андре Марти, проработав в 1935–1943 гг. секретарем ИККИ, а с 1939 года — секретарем ЦК ФКП, был 25 декабря 1952 года исключен из партии по обвинению во фракционной деятельности — факт для историков общеизвестный. Тем более странным является утверждение недавно издавшего книгу В. И. Пятницкого о том, что избранный в секретариат ИККИ Анри (?!) Марти вместе с китайцем Ван Мином «вскоре порвали и с Коминтерном и со своими компартиями. Они не могли принять сталинской политики в коммунистическом движении»[196]. Кстати, китаец Ван Мин тоже не рвал с Коминтерном. Что же касается его отношений с компартией Китая, то они действительно были непростыми: оставаясь вплоть до 1969 года членом ЦК КПК, Ван Мин с 1956 года проживал в СССР в фактической эмиграции. Умер Ван Мин в 1974 году.

В апреле 1924 года А. Я. Гуральский был назначен официальным представителем ИККИ при Французской компартии, сменив на этом посту венгра Матиаса Ракоши. С присущей ему энергией он продолжил борьбу с «уклонистами» в ФКП.

30 мая 1924 года, накануне Национального совета ФКП, Гуральский под псевдонимом А. Кляйн опубликовал в «Бюллетэн коммюнист» большую статью, явно претендовавшую на роль директивной. Затронул он в ней и проблему внутрипартийных разногласий. *«Дискуссия в русской партии завершена,* — писал он. — *…Сегодня необходимо признать, что опасения русской оппозиции были необоснованными, что обсуждавшиеся в России*

проблемы не были столь серьезны, как она полагала, и что их большей частью удалось преодолеть… Французская партия должна запомнить этот урок, чтобы научиться оставаться твердой и спокойной, несмотря на трудности развития коммунистического движения и революционной борьбы… Национальный совет прочно скрепит блок тех, кто разделяет генеральную линию Партии; он потребует от всех подчинения дисциплине и, в частности, сделает предупреждение Суварину»[197] — заключил А.Я. Гуральский, предваряя события.

В июле Исполком Коминтерна по предложению специальной комиссии исключил Б. Суварина из партии.

А.Я. Гуральский в своем, послании ошибся: вместо Жана Креме Генеральным секретарем стал **Пьер Семар** (1887–1942). Ключевые позиции в партийном руководстве также вновь занял **Альбер Трэн** (1889–1971). Ранее, до лионского съезда ФКП (январь 1924 года), он вместе с Луи Селье исполнял обязанности Генерального секретаря. Вместе с ними Гуральский, переиначив свой псевдоним на французский манер — Опост Лёпети, энергично приступил к реализации лозунга «большевизации». Впрочем, в конспиративных целях он периодически использовал и другой псевдоним — Дюпон.

15 августа 1924 года А. Я. Гуральский писал Д. З. Мануильскому и секретарю ИККИ И.А. Пятницкому из Парижа: «Я прибыл сюда в мертвый сезон. Я должен был поторопить товарищей вернуться из деревни, чтобы начать работу. Пятый конгресс не создал проблем; Я принял участие в заседании комитета Северной федерации, на котором Ги Жеррам (секретарь федерации ФКП. — *М. П.*) сделал отчет. Все прошло очень хорошо, исключение Суварина было принято без протестов. Мы также приняли тезисы по отчету и разослали по стране. Мы организовали отчет 50 федераций (из 90), начиная с Парижской»[198]. Выдвинув ряд предложений по улучшению партийной работы, А. Я. Гуральский не преминул упомянуть и о собственных потребностях: «Я привез денег на месяц, с учетом всех возможных расходов. Я должен получать деньги ежемесячно на мои личные нужды и поездки. Может быть, вы мне их пришлете через Берлин»[199].

Конечно, не только содержимое собственного кошелька волновало в это время А. Я. Гуральского. Тремя днями позже, 18 августа, он отправил в Москву новое письмо, в котором проинформировал руководство Коминтерна о финансовом положении ФКП.

«…Я застал положение, которое без прикрас можно назвать катастрофическим, — писал он. — До 1 января 1925 года дефицит

партии составит 3 миллиона франков. Этот дефицит результат: 1) вздорожания бумаги (с 115 фр[анков] на 155 — кило); 2) создания аппарата накануне октября 23 г[ода], который продолжал (вероятно, «продолжает». — М. П.) существовать; 3) отсутствия бюджета, бесхозяйственности при росте задач и работ партии. Злоупотреблений никаких, но полная беззаботность и отсутствие административного ц финансового плана». Сообщив, что уже приняты меры для исправления положения, А. Я. Гуральский вновь поднял вопрос о собственных финансах: *«Из Берлина я еще ничего не получал, а мне с 1-го (сентября. — М. П.) нужны деньги на жизнь и разъезды, не хотел бы одалживать сейчас у партии»*[200]. Письмо завершалось требованием инструкций по вопросу выявленного дефицита ФКП.

В ответном послании от 1 сентября 1924 года секретариат ИККИ[201] *сообщил, что вопросы, поднятые А. Я. Гуральским, можно будет реально обсудить только через две или три недели, так как Председатель ИККИ Г. Зиновьев и являвшийся его заместителем Н. Бухарин в данный момент находятся вне Москвы. Можно, однако, не сомневаться, что Коминтерн разрешил финансовые затруднения ФКП, поскольку его Бюджетная комиссия на заседании 6 января 1925 года особо отметила, что «долги компартий — должны быть погашены»*[202].

Деятельность А. Я. Гуральского распространялась не только на территорию Франции. Письмом от 23 августа 1924 года Москва предложила ему «информироваться» о ситуации в Италии, а также «взять под свое наблюдение и Бельгию и постараться побывать в ней». Реакция последовала незамедлительно: уже 9 сентября Абрам Гуральский сообщал в ИККИ: «Сегодня я имел продолжительную беседу с редактором Л'Унита, вернувшимся со съезда кооперации. Одновременно я прочитал ряд материалов по итальянским делам, положение мне рисуется крайне серьезным. У партии никакой ясной линии нет. Она ограничивается социологическим анализом, из которого вытекает, что 1) фашизм падет, 2) что оппозиция победит, 3) что установится буржуазно-реформистское правительство». Посетовав, что итальянские коммунисты «преувеличивают революционные способности реформистов, Гуральский вполне в духе коминтерновских догматов отмечал: «Партия не имеет мужества защищать лозунг рабоче-крестьянского блока и рабоче-крестьянского правительства. Она склонна поддерживать лозунг учредительного собрания, и товарищ задавал мне даже вопрос, почему это недопустимо».

В письме Д. Мануильскому, относящемуся уже ко второй половине сентября, наш герой сообщал, что «ввиду всяких

газетных сведений о заострении положения в Италии» ему вместе с руководством ФКП пришлось послать туда на 6 дней в качестве эмиссара журналиста Габриэля Пери. «По возвращении Пери туда поедет на четыре недели Креме, так как он по условиям здоровья еще нуждается в месяце мягких климатических условий. Он толковый человек и сможет и информировать, и отчасти влиять», — добавлял А. Я. Гуральский. В этом же письме он уведомлял, что едет «в Брюссель по делам углекопов и партии. Потом на Север (Франции. — *М. П.*). Только к сере дине недели вернусь…»[203]. Вскоре последовало новое послание в Москву: «Пери приехал из Италии. Он в общем согласен с линией, которую я Вам развивал. Доклад он перешлет Вам. Христоф (т. е. Жюль Эмбер-Дро. — *М. П.*) поддерживает линию Грамши, которую я считаю совершенно неправильной и опасной». О своей деятельности в Бельгии А. Я. Гуральский отчитывался в письме Григорию Зиновьеву от 15 ноября 1924 года. Он информировал о взаимоотношениях компартии Бельгии и профсоюзов, о тактике по отношению к левым социалистам, не забыв поинтересоваться «мнением на сей счет руководства ИККИ»[204].

5 декабря 1924 года с полного согласия А. Гураского из компартии Франции были изгнаны отказавшиеся порвать с Л. Троцким Пьер Монатг и Альфред Росмер, получившие ярлык «правых уклонистов». Надо сказать, что последние сами умудрились настроить против себя большинство коммунистов, опубликовав в форме брошюры вместе с также членом ЦК ФКП Виктором Делягардом открытое письмо к членам партии. Письмо вызвало негодование многих как рядовых коммунистов, так и партийных функционеров, которым воспользовалось руководство. Масла в огонь добавило перехваченное письмо Б. Суварина Альфреду Росмеру, посланное им из Москвы. В роли почтальона неудачно выступил бывший лидер «рабочей оппозиции» в РКП(б) Александр Шляпников, назначенный советником в советское полпредство в Париже. Не выступая открыто в 1923–1927 годах на стороне того или иного течения в коммунистическом движении, группа А. Шляпникова активно контактировала с различными оппозиционерами, нащупывая возможных союзников как в СССР, так и за рубежом.

Письмо содержало «рецепт» укрепления позиций Л. Троцкого в РКП(б). «Спасением, таким образом, был бы крупный кризис, представляющий угрозу для революции: тогда бы вся партия обратилась к Троцкому как единственно способному разобраться в ситуации и уверенно в ней ориентироваться; Т. создан для героических периодов, а не для рутинного и прозаического времени, когда требуется работа в кулуарах»[205]. А. Я.

Гуральский следующим образом 8 декабря прокомментировал этот пассаж из послания Суварина: «Борис, боящийся, что Л[ев] Давидович] умрет раньше, чем русское крестьянство будет «зрело» для бонапартистского переворота, и дающий указания, как соответственно этой задаче разлагать французскую партию, — это не слишком преувеличенная характеристика ненависти правой к Коминтерну».

А. Трен предложил исключить тройку решением политбюро, однако А. Гуральский настоял, чтобы это было сделано на партийной конференции. «…Если часть ЦК солидаризуется с ними (т. е. с оппозиционерами. — *М. П.*) — получится кризис, которого в действительности нет, кроме того — надо их сей разбить поглубже, чем только исключение», — аргументировал А. Гуральский свое предложение. В. Делягард, П. Монатт, А. Росмер были исключены почти единогласно при двух воздержавшихся делегатах, не имевших информации о мнении своих организаций.

В качестве анонимного «делегата от Исполкома Коминтерна» А.Я. Гуральский выступал на четвертом съезде ФКП в январе 1925 года в Клиши. Встреченный пением Интернационала, он посвятил большую часть своего выступления итогам борьбы с оппозиционерами в ФКП, связав их с успехами «большевизации»[206].

Лоренцо Ванини, посетивший съезд в Клиши, писал 27 января 1925 года в письме Г. Е. Зиновьеву: *«Громадное впечатление произвела речь представителя Коминтерна. Говорил он просто, убедительно и с жаром…»* В конце письма И. Степанов дал оценку деятельности А. Я. Гуральского: *«В заключение два слова о представителе Коминтерна. Без преувеличения надо сказать, что он совершил и совершает колоссальную работу. Его активность громадная. Почти половина делегатов его лично знают и приходили с ним совещаться. В Политбюро и в ЦК всегда внимательно прислушиваются к его предложениям. Все им восхищаются. С другой стороны, однако, он принужден работать в тяжелых условиях. За мое пребывание он каждый вечер имел другую квартиру. В смысле документации дела его скверные. Документация у него случайная. А запросы и требования политруководства валятся к нему со всех сторон»*[207].

В избранный съездом новый состав Центрального Комитета среди прочих впервые вошел и Андре Марти. Сделать это представителю ИККИ удалось не без давления. «…Надо будет втянуть в ЦК ряд новых людей, — делился своими соображениями А. Гуральский в письме, отправленном в ИККИ еще 14 декабря 1924 года. — Я — за Марти в ЦК, некоторые руководящие товарищи сомневаются в связи с его анархистскими

выходками».

Свою оценку значения съезда в Клиши А. Я. Гуральский дал в третьем номере за 1925 год журнала «Коммунистический Интернационал». «Прошлогодний кризис изжит Французской компартией. Она вышла из него с большей, чем когда бы то ни было, сплоченностью, силой и влиянием на рабочие массы — в особенности в Парижской области. Кризис этот, как теперь понятно каждому, был кризисом роста»[208], — утверждал он. В новом органе ФКП «Кайе дю большевисм», сменившем в конце 1924 года «Бюллетэн коммюнист», стали появляться передовицы, подписанные инициалами О. Л.

А. Я. Гуральский стремился обеспечить координацию деятельности различных коминтерновских органов во Франции. В одном из писем он писал в Москву: «Я просил бы, когда присылают ряд тов[арищей], сообщать, для чего они приехали, они здесь неизбежно будут толкаться в противном случае без дела и отымать у всех время. Для какой работы Harry[209], для какой — молодой константинополец, в чье распоряжение и т. д. Сейчас беспорядок в этом отношении полнейший». Но как можно было добиться слаженных действий, когда даже на высших этажах коминтерновской иерархии хватало неразберихи и несогласованности. Двумя неделями позже А. Я. Гуральский писал «Михаилу» (И. Пятницкому) в ИККИ: «Дорогой товарищ, в ответ на Ваше письмо насчет приезжих товарищей: есть один товарищ, о приезде которого, кажется, и Вы не знаете, меня еще не оповестили о его приезде, он, по-видимому, от молодежи (т, е. от КИМа. — *М. П.*)».

А вот шифровка Григория Зиновьева, отправленная Дюпону в самом конце января 1925 года. Она приоткрывает закулисье взаимоотношений коммунистов с французскими социалистами: «Мне сообщили, что Верфейль, Морис Морен и другие серьезно хотят создать левое крыло в Социалистической партии и обращаются за нашей помощью. По-моему, к этому следует отнестись серьезно. Сообщите мне ваше мнение»[210]. Особую пикантность этому документу придает тот факт, что Рауль Верфейль 19 октября 1922 года был исключен из компартии за деятельность, несовместимую с коммунистическими принципами.

Деньги действительно стали выделяться, и причем регулярно. Согласно документам, забытым членом политбюро ФКП Жоржем Марраном в октябре 1927 года в парижском такси, Жан Морен по кличке Морис ежемесячно получал от компартии на издание своей газеты «Этансель сосьялист» 4500 франков. Однако сам Ж. Морен всегда отрицал свою финансовую зависимость от коммунистов.

Абраму Гуральскому в Париже приходилось заниматься и внутрипартийными делами российских коммунистов. Весной 1925 года живший в России американский журналист Макс Истмен опубликовал книгу «После смерти Ленина», в которой поведал о многих тайнах Кремля, в том числе и об обстоятельствах появления последних статей В. И. Ленина, его «Письма к съезду», именовавшегося в партийных кулуарах «завещанием». Лев Троцкий изображался Истменом как один из немногих искренних лидеров российской революции, ставший жертвой интриг вчерашних соратников. Книга вызвала запросы руководителей ряда компартий, включая французскую, к Троцкому, интересовавшихся тем, насколько изложенное соответствует действительности, и спровоцировала новый раунд борьбы в большевистском политбюро.

Видимо, выполняя соответствующее задание Коминтерна, А. Я. Гуральский собирал информацию об обстоятельствах появления книги. В одном из своих июльских писем за 1925 год он сообщал: «Насчет Истмена. Он был когда-то знаком с Джоном Ридом и был в одной из американских групп, Потом он ушел из партии, он поэт, человек богемы с двусмысленными связями. Он муж сестры Крыленко, которая работает в Париже и работала в Лондоне. Отсюда связь с кругами миссии, знание и полузнание ряда вещей о партиях и т. д.». Позже Абрам Гуральский передал, что исключенные из ФКП «правые уклонисты» предлагали перевести книгу М. Истмена на французский язык бывшей сотруднице «Юманите» Алиез Галлен («образованный и верный коммунизму товарищ, несмотря на уклоны»), но после того, как та отказалась, за дело взялся сам Альфред Росмер.

Итогом инцидента стало публичное осуждение Л. Троцким сначала в заграничной прессе, а затем в журнале «Большевик» книги Макса Истмена, квалифицированной как «клевета». Таким образом, И. Сталин одержал еще одну победу над своим соперником. Торжествуя, он не без основания заметил: «Троцкий на брюхе подполз к партии».

Кто знает, может быть, знакомство с Максом Истменом и стало истинной причиной расстрела в 1938 году после 20-минутного (!) судебного разбирательства прокурора РСФСР, а позже народного комиссара юстиции РСФСР Николая Васильевича Крыленко? Формально же основанием для ареста стала справка заместителя начальника 1-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР Якова Наумовича Матусова, подготовленная по письменному указанию Н. И. Ежова на оснований показаний арестованного 27 января 1937 года Евгения Брониславовича Пашуканиса[211]. Н. И. Ежов предусмотрительно уведомил, что

акция согласована с ЦК ВКП(б). А беспартийная сестра наркома Елена Крыленко, отработав секретарем советского. посольства в Париже, отказалась вернуться в Москву, став невозвращенкой. Позже она вступила в активную переписку с Л. Троцким. Видимо, был все-таки у заместителя председателя Госполитуправления при НКВД РСФСР Генриха Ягоды сыскной нюх, подвигнувший его написать 18 июня 1922 года докладную записку И. В. Сталину с предложением исключить Е. В. Крыленко из состава делегации на Гаагскую конференцию. И не случайно вскоре он стал вторым заместителем председателя ОГПУ, а позже главой НКВД СССР.

Абрам Гуральский немедленно отреагировал на дошедшие до Франции слухи о возникновении в РКП(б) разногласий между Г. Зиновьевым и И. Сталиным, направив 9 июля 1925 года в Москву послание, в котором так обрисовал настроения различных фракций французского правящего класса: *«Круги, связанные с германской индустрией, группируются вокруг «Матэн», явно выступая за антисоветский пакт, ведут травлю против СССР, пуская в ход все английские выдумки. Вся масса крупной буржуазии и ее наиболее серьезные органы колеблются, боятся идти с Гинденбургом, опасаются попасть в английскую кабалу и берут очень осторожный тон в последние дни. Характерна статья в «Тан» по поводу кризиса в РКП, инспирированная, по-видимому, «хорошо осведомленными людьми», в которой основной тон: РКП становится национальной партией, даже «Сталин за перерождение партии», Коминтерн будет сдан, словом, «большевики способны эволюционировать».* Что ж, предположение французской газеты сбылось, хотя и не так быстро, как этого ей хотелось…

Через две недели А. Я. Гуральский был арестован французской полицией. Накануне он послал очередное заявление в ЦК РКП(б) и Президиум ИККИ с просьбой отозвать его в СССР ввиду того, что он с 1919 года находится на заграничной работе. Был ли ответ — неизвестно.

Сохранилось письмо А. Я. Гуральского, переданное им по дороге в тюрьму, в котором он неряшливым почерком с претензией на беллетристику описал первые дни своего заключения в полицейском участке:*«В грязной, этапной камере полицейского депо нас было пять человек. Камера была тесная, на пять человек — три кровати, повернуться негде было; клозет открытый, как будто нарочно вымазанный всевозможными испражнениями, дуло со всех сторон, а воздух, несмотря на это, был тяжелый, смрадный, душный. После двух бессонных ночей в полиции ломили суставы, ноги подкашивались, камера как бы ползла в тумане — все почти арестованные были избиты при аресте. И как-то не верилось, что в пятнадцати минутах ходьбы*

от этого дома зажигаются тысячи веселых огней нарядных парижских бульваров и идет та беспечная, шумная, показная жизнь, которую подчас и серьезные люди принимают за настоящую жизнь Парижа. В этапной камере каждый жил своим делом, своими допросами, своими горестями, объединяло всех острое чувство голода и недовольство существующими порядками. И как разнообразно было народонаселение: молодой, но уже знакомый всему Парижу артист лучших кабаре дал объявление в газетах, что устраивает большое представление, собрал большие деньги, промотался, стал продавать имущество, пытался выплатить деньги, но было уже поздно, его арестовали…»

Дав характеристику остальным своим случайным сокамерникам, А.Я. Гуральский заключал:*«Бельгийский безработный, обедневший артист, французский рабочий, негр и коммунист — чем не смычка, символическая смычка в вонючей, изолгавшейся и износившейся тюрьме французской демократии. Надвигалась тоскливая ночь первых тюремных дней, Смрадная вонь перемежалась со стонами людей, страдавших бессонницей от усталости, болезней, грязи и вшей. А вдали раздавалось: «Имя, отчество, фамилия, куда идешь, откуда родом, что сделал». Итак изо дня в день одно и то же».*

Руководство ФКП и новый представитель ИККИ в Париже без труда через адвокатов наладили связь с Гуральским. Свои записки на волю он подписывал новым псевдонимом — Яков.

Первоначально А. Гуральский утверждал, что является гражданином Чехословакии, но после устроенной французской полицией проверки сознался, что имеет советское гражданство.

А. Я. Гуральского приговорили к четырем месяцам заключения, но фактически ему пришлось отсидеть в тюрьме почти 5 месяцев. Затем последовала высылка за пределы Франции. 30 ноября 1925 года с паспортом на имя Сергея Ефимовича Максимовского он отбыл на пароходе через Марсель в СССР.

А. Я. Гуральский приехал в Москву в декабре 1925 года, в предпоследние дни заседаний XIV съезда РКП(б), и сразу же включился во фракционную борьбу на стороне «ленинградской оппозиции». Не помогла даже душеспасительная беседа с работавшим в это время секретарем ЦК РКП(б) А. С. Бубновым. Лидеры оппозиции — Г. Зиновьев и Л. Каменев — наряду с требованием ужесточения политики в отношении развивающихся «капиталистических элементов» в экономике настаивали также на смещении И. Сталина с поста генерального секретаря ЦК партии, как неспособного обеспечить коллективность руководства. Хотя на съезде оппозиция потерпела сокрушительное поражение, это

не охладило А. Я. Гуральского. По договоренности с Г. Зиновьевым, продолжавшим пока оставаться главой Коминтерна, он вместе с секретарем ИККИМ Воиславом Вуйовичем (братом Радомира и Грегора) 3 января 1926 года предложил американке Гертруде Гесслер, сотруднице «Ленинградской правды» и члену французской компартии, отправиться в Европу с целью установить контакт с руководителями ряда партий и убедить их подождать высказывать солидарность с новым большинством в большевистском руководстве. Оппозиционеры наивно рассчитывали, что в скором времени ситуация изменится в их пользу. Почему А. Я. Гуральский обратился именно к Г. Гесслер? Дело в том, что ранее она состояла в аппарате Отдела печати, а затем Колониального бюро ИККИ — А. Я. Гуральский знал ее по работе во Франции и даже дал рекомендацию для вступления в ФКП. Из беседы за чашкой чая был сделан вывод, что Г. Гесслер не без сочувствия относится к идеям «ленинградской оппозиции», к тому же как иностранке и не члену РКП(б) ей легко было покинуть пределы Советского Союза.

8 января А. Я. Гуральский взял назад свое предложение, исходя из тактических соображений лидеров фракции. Однако Г. Гесслер уже успела все рассказать своему сожителю Манабендре Нат Рою, который проинформировал о произошедшем Н. Бухарина и побудил ее обратиться с заявлением в Секретариат ИККИ. «Мне было предложено поехать за границу со следующим поручением от имени оппозиции и русской партии, — сообщала Гертруда Гесслер. — Я должна [была] ехать в Берлин, Париж и, может быть, в Рим повидаться с определенными руководящими партийными товарищами, чтобы побудить их пока что не занимать определенной позиции в отношении партдискуссии в России. Я должна [была] им сообщить, что положение в России совсем еще не выяснено, что в течение короткого времени настроение в партии совершенно изменится и подастся влево, и что по крайней мере в течение 2-х месяцев большие заграничные партии не должны высказываться за ЦК русской партии.

В Германии я должна была повидать Эверта[212] и сказать ему, что если германская партия пойдет направо, то Шолем воспользуется случаем расколоть партию, образовать левую партию и Даже Новый Интернационал, а потом, когда настроение в русской партии снова пойдет влево, у Коминтерна окажется в руках никчемная правая брандлерианская партия.

В Париже действовать было бы труднее, так как никто не знает, какую позицию отдельные фракции в партии занимают в этом вопросе. Я могла бы повидать Сюзанну Жиро, но если бы я, к примеру, обратилась к Дорио, то должна была разговор начать с

какого-нибудь колониального дела (Гуральский знал, что мне уже приходилось иметь дело с Дорио по одному колониальному вопросу) и тогда только, между прочим, в общем разговоре ему сообщить, что я слышала, что Гуральский и Вуйович твердо стоят за Зиновьевым, и после этого попытаться установить, какова позиция Дорио. Но в конечном счете было решено, чтобы я действовала через русского товарища (женщину), работающую в Париже[213], которую я знаю. Я спросила, знает ли Гуральский, какова позиция этого товарища в данном вопросе, и он ответил: «Меня и Вуйовича она не выдаст, независимо от ее политической позиции».

В мою миссию входило также посещение одного из руководителей СЖТУ (т. е. прокоммунистического профсоюзного центра УВКТ. — *М. П.*), но имя и другие указания политического характера мне были сообщены в другом разговоре незадолго перед отъездом (в Ленинград. — *М. П.*). После разговора на русском языке между этими двумя товарищами было решено, что в Рим не надо будет ехать, разве что надежные французские товарищи сочтут это необходимым. Я должна была всем сообщить, что оппозиция сидит пленником в России и лишена возможности связываться с заграницей. Мне было с первого момента ясно, что здесь речь идет об опасной фракционной борьбе в интернациональном масштабе…» — утверждала Г. Гесслер.

Возникло «дело Вуйовича — Гуральского», которое разбирала специальная комиссия в составе И. Пятницкого, А. Лозовского и Д. Мануильского. 2 февраля в Секретариате Г. Зиновьева состоялось заседание Делегации ВКП(б) в ИККИ, на котором был заслушан их доклад[214]. В ходе разбирательства А. Гуральский обвинил Г. Гесслер в провокации, но вынужден был признать факт разработки им фракционного плана. При этом он отрицал какую-либо причастность Г. Зиновьева к задуманной акции. Десятилетие спустя он так изложил произошедшее: «Я комиссии заявил, что делал это один, тогда как фактически делал это с согласия Зиновьева. В 1929 г. я заявил тт. Пятницкому и Мануильскому, что тогда обманул комиссию, но не хочу обмана дальше. Но в то время Зиновьев очень волновался по этому поводу, и я его успокоил, что возьму все на себя»[215].

Комиссия предложила вынести В. Вуйовичу и А. Я. Гуральскому строгий выговор, а последнего, кроме того, «ввиду особо активной роли… в этой фракционной попытке», рекомендовала снять с работы в Коминтерне. «Мягкость» постановления мотивировалась «Необходимостью избегнуть осложнений в работе Коминтерна и скорейшей ликвидацией

внутрипартийным путем отголосков дискуссии, имевшей место на XIV партсъезде». Г. Зиновьев и Л. Каменев при голосовании резолюции воздержались. Справедливости ради надо добавить, что на состоявшемся 14–23 июля 1926 года объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), после того как В.В. Куйбышев огласил «дело Вуйовича — Гуральского», Г. Зиновьев в своем выступлении взял последних фактически под защиту.

11 февраля Политбюро ЦК ВКП(б), а чуть позже Секретариат ИККИ утвердили принятое решение.

А что же Гертруда Гесслер? В августе 1926 года она уехала в США, где с помощью мужа — видного американского коммуниста Вильяма Вайнстоуна (1897–1985) сделала неплохую партийную карьеру.

В марте А. Я. Гуральского определили в Институт Маркса и Энгельса на должность заведующего отделением права[216]. Здесь он продолжил свою фракционную деятельность: вошел в руководящий центр зиновьевской организации, участвовал в работе нелегальных кружков. В мае 1927 года он, как и Воислав Вуйович, подписал знаменитое «Заявление 83-х»[217] в ЦК ВКП(б).

Выступив от имени **объединенной левой оппозиции** и официально именуя себя «большевиками-ленинцами», авторы «Заявления» подвергли критике основные направления как внешней, так и внутренней политики ВКП(б). Позабыв совсем недавние времена, когда сторонников Л. Троцкого именовали «правоуклонистами», они обвинили партийное руководство в опасном для судеб революции сползании «вправо». По их мнению, причиной успеха переворота Чан Кайши в апреле 1927 года стали неверные установки ВКП(б) и Коминтерна китайским коммунистам, направленные на «умиротворение» националистической партии Гоминьдан. Серьезнейшей ошибкой считали они и сотрудничество советских профсоюзов с Генеральным советом британских профсоюзов в Англо-русском комитете. Это сотрудничество, согласно авторам документа, облегчило английской буржуазии возможность сбить забастовочную волну в стране.

«Между неправильной линией в китайском вопросе и неправильной линией в вопросе об Англо-русском комитете есть-теснейшая внутренняя связь, — утверждали лидеры объединенной оппозиции. — Та же линия проходит ныне по всей политике Коминтерна. В Германии исключаются из партии сотни левых пролетариев-передовиков только за то, что они солидарны с русской оппозицией. Правые элементы во всех партиях получают все больший перевес. Грубейшие правые ошибки (в Германии, Польше, Франции и пр.) остаются безнаказанными.

Малейший голос критики «слева» влечет к отсечению. Авторитет ВКП и Октябрьской революции используется, таким образом для сдвига коммунистических партий вправо от ленинской линии. Все это, вместе взятое, лишает Коминтерн возможности по-ленински подготовить и провести борьбу против войны».

В области внутренней политики наряду с признанием достижения «серьезных успехов» оппозиция указывала на выявившиеся «большие трудности», которые, по ее мнению, затушевывались партийным большинством с помощью «мелкобуржуазной «теории социализма в одной стране», не имеющей ничего общего с марксизмом, с ленинизмом». Эти трудности заключались в ухудшении материального положения пролетариата и росте «враждебных пролетарской диктатуре сил: кулака, нэпмана, бюрократа». Особенно беспокоила оппозицию быстрая дифференциация крестьянства, сопровождающаяся ослаблением политических позиций сельской бедноты. Безусловным требованием оппозиции было изменение внутрипартийного режима, направленное на «оживление внутрипартийной демократии» и активизацию «низовых партийных масс».

Альянс Г. Зиновьева с Л. Троцким был встречен Абрамом Гуральским без энтузиазма. Он считал его политической ошибкой. Вечером 7 ноября 1927 года, после провала организованных оппозицией контрдемонстраций в Москве и Ленинграде, А. Гуральский предложил Г. Зиновьеву порвать с Л. Троцким. Но события приняли уже необратимый характер.

2—19 декабря 1927, года состоялся XV съезд ВКПб). Одним из важнейших вопросов, рассматривавшихся на нем, было внутрипартийное положение. 3 декабря, оценив состав и настроения делегатов съезда, 121 оппозиционер во главе с Л. Троцким, Г. Зиновьевым и Л. Каменевым выступили с заявлением, в котором во имя «высшего принципа эпохи диктатуры пролетариата» — «единства партии» дали обязательство подчиниться любым решениям XV съезда. Среди подписавших заявление был и Гуральский. Однако этот маневр не принес желаемых результатов. Съезд объявил принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б). Делегаты не только утвердили произведенное накануне ЦК ВКП(б) исключение лидеров оппозиции из партии, но и дополнительно исключили большую группу оппозиционеров, в том числе и А. Я. Гуральского.

В начале 1928 года Г. Зиновьева и Л. Каменева сослали в город Калугу. А. Я. Гуральский ездил к ним из Москвы с

информацией о политической ситуации. Вскоре его самого сослали в город Фрунзе (ныне Бишкек), где устроили заместителем заведующего Главполитпросветом Киргизской АССР.

Период ссылки оказался переломным для А. Я. Гуральского. Осознав бесперспективность борьбы против сталинской верхушки, он приступил к «корректировке» собственной позиции. В посланном в конце марта — начале апреля письме Л. Каменеву Гуральский писал: «Я думаю, что в самом основном мы в прошлом не были правы. А этим основным является точная оценка сил и их взаимоотношений. Мы прикрасили троцкизм, слишком охаяли сталинизм, не учли правильно настроения пролетариата, прикрасили Рут и Макса, преувеличили опасность «измены» со стороны центра, даже в китайском вопросе, где были проделаны грубые ошибки, мы поторопились их объявить «классовым уклоном», что по совести говоря, неверно…»[218]. В следующем письме, датированном 14 апреля 1928 года, А.Я. Гуральский развил свои «соображения о прошлом, настоящем и будущем», по существу, скатившись на точку зрения сторонников И. Сталина. «Если подумать, придется прийти к выводу, что серьезные заострения в той партии, которой необходимо возглавить диктатуру пролетариата на данной ступени международных отношений при неизбежном росте классовой борьбы внутри страны, недопустимы, — писал он. — Оппозиционные возможности в ней крайне ограничены. Если партия не будет впереди масс, а будет вплоть до верхушки отражать неизбежно заостряющуюся классовую борьбу в Республике, положение станет угрожающим. Если было бы верно утверждение, что каждая из существующих групп в партии непосредственно и прямо отражает интересы определенных классовых групп в стране, — то надо было бы сказать, что прав Троцкий. У нас все переродилось, нет больше большевистской партии и т. д., необходимо иметь свою группу, отражающую интересы пролетариата, и драться во второй революции. Встать на такую точку зрения — значит подвергнуть ленинизм полнейшей ревизии». И дальше: «Блок с Троцким — серьезная историческая ошибка. В нашу переходную эпоху возрождение троцкизма и неолюксембургианства в Коминтерне и в Союзе — заложено исторически. Это теперь уже вполне ясно (даже Ломинадзе и другие отразили все это); Лев и даже Карл могут при этом остаться очень своеобразными индивидуальными фигурами и еще не раз стоять во главе величайших движений, но дела это не меняет. Лев, как течение, окажется, пожалуй, гораздо правее Рыкова. Разве Бец, Яцеков, часть вузовцев, Суварин, Кац и

т. д. и т. д. случайные явления. Их теория близко подошла к меньшевизму, а ведь она самая устойчивая, последовательная база фракции левых. Многие отойдут, а они останутся и будут продолжать свое дело. Многие видные троцкисты образуют правый привесок к правым группировкам, а все эти хорошие слова «о левой» и т. д. очень немногого, конечно, стоят. Во Франции — группа Троцкого во всяком случае — основная опасность для партии, в Германии — неолюксембургианство — может оказаться наиболее опасным — все это отражение левого меньшевизма в нашей среде. Во всяком случае ни одна группа не осталась на прежних позициях»[219].

В конце мая 1928 года, то есть на исходе установленного XV съездом шестимесячного срока, в течение которого исключенным оппозиционерам запрещалось ходатайствовать о новом вступлении в партию, А. Я. Гуральский подал заявление об отходе от оппозиции с просьбой восстановить его «в правах члена ВКП(б)»[220]. Накануне, по согласованию с властями, он перебрался в Ташкент, получив должность председателя кафедры социологии в местном Коммунистическом университете. Думается, что именно в это время он был завербован органами госбезопасности в качестве негласного агента.

Порывая идеологически с «ленинградской оппозицией», Гуральский в то же время не желал рвать личные связи с ее лидерами. Выступая на партийном собрании 1 февраля 1935 года, он уверял, что, находясь в ссылке, выступал со статьями против Г. Зиновьева в ташкентской газете «Правда Востока». **То была заведомая ложь.** А. Я. Гуральский опубликовал в этой газете две статьи: одну — большую с резкой критикой Л. Троцкого и его международных поклонников «включая Бориса Суварина и Макса Истмена, которых он в полном соответствии с установками XV съезда квалифицировал как «оппортунистов наизнанку» с «чертами международного меньшевизма», другую — по поводу 40-летнего юбилея Первомая. В них Г. Зиновьев ни прямо, ни косвенно не упоминается, как, впрочем, и кто-либо из его сторонников[221].

22 июня 1928 года Центральная контрольная комиссия ВКП(б) восстановила А. Я. Гуральского в партии, что позволило ему вернуться в Москву. Согласно записям секретаря Л. Б. Каменева Филиппа Петровича (Пинхусовича) Швальбе, А. Я. Гуральский был на квартире у Л. Б. Каменева во время его знаменитой нелегальной встречи с Н. И. Бухариным, состоявшейся 11 июля в период работы пленума ЦК ВКП(б)[222]. Известно, что именно Ф. Швальбе сделал копию стенограммы состоявшейся беседы и показал ее своему брату Михаилу,

который, в свою очередь, ознакомил с документом троцкистов М. С. Югова и А. А. Константинова. Всесоюзный троцкистский центр в Москве опубликовал запись разговора Л. Б. Каменева с Н. И. Бухариным в виде листовки под заголовком: «Партию с завязанными глазами ведут к новой катастрофе». Запись Ф. Швальбе о Гуральском датирована 8 января 1929 года, когда уже от Андрея Константинова было получено известие, что листовка готовится к печати. Поэтому не исключено, что, «наводя тень на плетень», она должна была послужить чем-то вроде алиби для встревоженных зиновьевцев. Еще одна вызывающая размышления деталь: Ф. Швальбе после ссылки в Минусинске в июне 1933 года вернулся в Москву и в 1934 году был восстановлен в ВКП(б). В отличие от многих сложивших голову зиновьевцев, он в декабре 1950 года был жив и даже заведовал цехом фабрики ширпотреба… Михаил Швальбе пережил XX съезд КПСС.

В середине августа 1929 года А. Я. Гуральский вернулся на работу в аппарат Коминтерна: его определили в Среднеевропейский лендерсекретариат, вскоре отправив вместе с австрийцем Фрицем Глаубауфом в Берлин. Однако эта командировка в столицу Германии неожиданно была прервана: Гуральского опознал на улице какой-то полицейский агент, в связи с чем пришлось спешно в тот же день возвращаться в Москву. Дело в том, что Гуральский обладал довольно своеобразной внешностью. Он был пронзительно черноглазым, сутулым, но «особенно выделялись его пальцы, короткие, жирные, заросшие каким-то темным пухом, с когтями. Фриц Глаубауф даже совершенно серьезно требовал, чтобы он носил перчатки. К этим его внешним качествам вполне была уместна характеристика, которую Осип Мандельштам дал другому деятелю того же периода: «его толстые пальцы как черви жирны». Как сосиски, сальные, противные, эти пальцы запоминались с первого же раза»[223].

В декабре того же года А. Я. Гуральский уехал представителем ИККИ в Южную Америку, где под псевдонимом Рустико проработал до февраля 1934 года. За границу он отправился вместе с тем же Ф. Глаубауфом, а также новой женой Надеждой Яковлевной Тульчинской (псевдоним — Инесс), шифровальщицей Отдела международной связи Коминтерна.

Особой славы наш герой в Америке себе не снискал; 30 сентября 1930 года Латиноамериканский лендерсекретариат так отозвался на его послания: «Ваши письма при крайней трудности и нерегулярности связей являются со времени вашего приезда почти единственным и, во всяком случае, основным источником информации о положении и работе партий в странах континента.

Между тем на основании ваших писем при всем желании и всех усилиях невозможно составить себе сколько-нибудь отчетливое представление о состоянии и деятельности партий и в еще меньшей мере об общем политическом положении стран.

В письмах отсутствует всякий план, нет никакой системы. По воле вдохновения они с легкостью перескакивают с одного вопроса на другой, возвращаются назад, вновь обрываются. Получается капризный переплет, причудливая мозаика.

Но ни один вопрос не освещен со всей необходимой обстоятельностью, глубиной. Для иллюстрации можно бы было взять любой из вопросов, которые вы затрагиваете в письмах, чтобы убедиться в обоснованности и справедливости этих упреков. Многих же вопросов вы и совсем не затрагиваете. При частом длительном и почти полном отсутствии каких-либо иных документов, от вас исходящих, мы лишены бываем возможности судить о делах ваших стран с необходимой степенью уверенности и устойчивости.

Ваши письма дают основания скорее для кое-каких догадок и более или менее произвольных настроений, чем для обоснованных выводов. В них больше намеков, чем точных, проверенных сведений. Это — небрежно набросанные импрессионистские эскизы, а не типы картин, событий; они показывают, и то в очень небольшой мере, видимость вещей, а не их скрытую сущность.

Ваши письма — алгебраические знаки и формулы, арифметические же, конкретные, числовые подстановки приходится производить здесь, тогда как это невозможно.

Должно же быть наоборот: там у вас на месте действий заполнять живым содержанием обобщенные формулы, экстракт международного опыта. Но именно вот этого — полноты и точности фактов, событий и обязательно законов их движения и развития, как они имеют место в вашей живой действительности, — именно этого недостает в ваших письмах.

Для наших партий в Латинской Америке как раз и характерна именно эта черта: попугайское повторение бесчисленное количество раз общих лозунгов и целей движения, применяемых в любой стране; неумение связать эти лозунги и цели с особенностями рабочего и вообще революционного движения своих стран и сделать их реальными…»

В одной из поздних справок об А. Я. Гуральском сообщалось, что «хотя он и выступал против некоторых троцкистов тех стран (Южной Америки. — *М. П.*), он в то же время запутывал компартии вредными дискуссиями сектантского толка…». Сам же Гуральский считал своим наибольшим успехом вовлечение в

коммунистическое движение известного бразильского радикала Луиса Карлоса Престеса. Уже в Москве, на 3-й конференции компартий стран Южной и Карибской Америки в октябре 1934 года, он сказал: «Престес создан из самого лучшего, что имеет революция в прошлом, если бы я был бразильцем, то я был бы в колонне Престеса»[224].

Возвратившегося А.Я. Гуральского руководство Коминтерна встретило настороженно. Хотя он и получил должность инструктора в Латиноамериканском секретариате ИККИ, однако серьезных поручений ему не давали. В резолюции по отчетному докладу А. Я. Гуральского, вынесенному на утверждение Политкомиссии ИККИ, отмечалось, что «в результате его работы в состоянии важнейших КП Южной Америки имеются значительные сдвиги в сторону их пролетаризации (в частности, крупные результаты в деле пролетаризации их руководства), установления классово-независимой пролетарской политической линии, формирования новых, молодых кадров, общего повышения активности партий и организации КП Перу и Парагвая». В то же время Латиноамериканский лендерсекретариат отмечал «недостаточные результаты в области организационного укрепления КП, очень значительное отставание в развитии работы {Южноамериканского. — *М. П.*) Бюро и партий в области революционного профдвижения, которая была улучшена только в самое последнее время, и недостаточная концентрация работы по оказанию помощи КП Бразилии, имеющей крупное значение в развитии революционного движения в Южной и Карибской Америке»[225]. Озабоченный сложившейся вокруг своей персоны ситуацией, А. Я. Гуральский в июле обратился к Иосифу Пятницкому с письменной жалобой, в которой, утверждал, что не имеет определенной работы и его не допускают на заседания аппарата ИККИ.

После убийства С. М. Кирова положение еще более ухудшилось. Поскольку Сталин объявил Зиновьева идейным вдохновителем убийцы, все бывшие зиновьевцы стали рассматриваться как потенциальные террористы. Дважды на партийных собраниях Гуральский был вынужден каяться в своих мнимых и реальных грехах, за контакты с бывшими троцкистами и зиновьевцами ему был объявлен выговор с предупреждением, наконец, 7 августа 1935 года А. Я. Гуральского уволили из аппарата ИККИ.

После возвращения из ссылки в Москву Гуральский действительно продолжал встречаться с Г. Зиновьевым и Л. Каменевым, а также общаться с такими видными в прошлом оппозиционерами, как Анатолий Исаевич Анишев, Регина

Будзинская (жена Воислава Вуйовича), Владимир Федорович Кожуро.

Однако не исключено, что делал он это с благословения органов госбезопасности.

По распоряжению ЦК ВКП(б) А.Я. Гуральский был вынужден оставить свою квартиру в доме 4/7[226] по улице Коминтерна (!) и отправиться в город Куйбышев (ныне — Самара) на должность заведующего сектором в краевое плановое управление. Недолго проработал А. Я. Гуральский в этом городе: 26 августа 1936 года он был как «бывший, оставшийся неискренним троцкист» (!!) второй раз исключен из партии, а затем арестован. Показания против него дали Моисей Ильич Лурье[227] и Григорий Львович Шкловский. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 27 августа 1937 года «за контрреволюционную троцкистскую деятельность» (!!!) А. Я. Гуральского осудили на восемь лет заключения. Видимо, в НКВД пришли к выводу, что тот не прилагает в качестве агента должных усилий для раскрытия «врагов народа», а грань между троцкистами и зиновьевцами в официальной пропаганде к этому времени окончательно стерлась. «Установлено, — сообщали впоследствии из компетентных органов, — что Хейфец-Гуральский до своего первого ареста в 1936 году, являясь агентом органов МГБ по Москве, о зиновьевцах ничего не дал. Сообщал отдельные факты общего характера о расстрелянном террористе Моисее Лурье, Петермейере[228], Степанове. Скрыл от органов МГБ связи и свою нелегальную троцкистско-зиновьевскую деятельность за границей».

А. Я. Гуральский сидел в заключении, когда его выдвиженец Андре Марти, ставший уже одним из секретарей ИККИ, написал Г. Димитрову докладную записку, посвященную распространению в компартиях латиноамериканских стран «установок троцкистского происхождения». К ним А. Марти относил курс на первоочередное развертывание «аграрной и антиимпериалистической революции под гегемонией пролетариата и на основе советов рабочих и крестьян»; борьбу на «ближайшем» этапе за «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства»; пропаганду организации «советских районов во внутренних областях Бразилии»; отрицание факта вмешательства империализма в политическую жизнь стран Латинской Америки; взгляд на мелкую буржуазию, и тем более на латиноамериканскую буржуазию, как на «изначально» и интегрально реакционные классы, без учета их дифференциации[229]. В качестве источников распространения «идеологической ереси» А. Марти прямо указал

на А. Я. Гуральского и другого репрессированного коминтерновского аппаратчика — **Георгия Борисовича Синани (наст. фам. Скалов)**. Его не смутило, что в начале 1930-х гг. эти идеи являлись составными элементами официального курса Коминтерна.

Перспектива длительного заключения явно не устраивала Гуральского. Выход был найден — он принял предложенные органами безопасности «правила игры». 22 мая 1938 года решением Я. Н. Матусова, произведенного к этому времени в начальники 1-го отделения 4-го отдела НКВД СССР, дело на А. Я. Гуральского «по оперативным соображениям» было прекращено, предыдущее постановление Особого совещания при НКВД СССР отменено, а сам он освобожден из-под стражи с целью дальнейшего использования в качестве негласного агента органов госбезопасности.

Насколько ревностно принялся старый коминтерновец за дело, можно судить по его собственным данным позже показаниям. *«За время моей многолетней работы с органами,* — писал А. Я. Гуральский, — *я разоблачил большое количество троцкистов, зиновьевцев, правых и буржуазных националистов. К ним в первую очередь следует отнести таких матерых врагов Советского государства, как Петермейер, Бела Кун, Погани (Пеппер), Пятницкий, Любченко, Хвыля, Чубарь, Хатаевич (последние четверо буржуазные украинские националисты), Дитрих, Эберлейн, Шубриков, Горлянд, Бордиш, Либер, группа Бреслара (на Украине)*[230]*, Южный (террорист), Гринько, Лурье, Деготь, Кожуро, Синани и его группу. Я принимал участие в разработке не одной сотни троцкистов и зиновьевцев».*

Как видим, в списке тех, на кого дал «компромат» А. Я. Гуральский, оказались даже заместитель председателя Совнаркома и СТО СССР в 1934–1938 гг., член политбюро ЦК ВКП(б) с 1935 года Влас Яковлевич Чубарь, член ЦК ВКП(б) с 1930 года, второй секретарь ЦК КП(б) Украины с 1933 года Мендель Маркович Хатаевич, а также кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 года, председатель СНК УССР в 1934–1937 гг. Панас Петрович Любченко. А Владимир Петрович Шубриков (1895–1937), будучи в 1928 году ответственным, секретарем Киргизского областного комитета ВКП(б), дал А. Я. Гуральскому положительную характеристику, особо отметив, что тот, «работая на должности зам. зав. Главполитпросветом КирАССР, активно и честно проводил линию партии».

«Украинский националист (!) М. М. Хатаевич был арестован по прямому указанию Сталина в кабинете его помощника А. Н. Поскребышева лично заместителем начальника Секретно-

политического отдела ГУГБ НКВД СССР З. Н. Глебовым. Истинная причина ареста — требование созыва чрезвычайного съезда партии. Вместе с В. П. Шубриковым он «удостоился чести» быть упомянутым на октябрьском 1937 года пленуме ЦК ВКП(б) в оглашенном «вождем» списке «врагов народа и иностранных шпионов». Оба были расстреляны. Панас Любченко предпочел застрелиться.

Надо отметить, что сотрудничество А. Я. Гуральского с НКВД для людей, близких к аппарату Коминтерна, не было тайной. В. М. Турок-Попов, работавший в Международном аграрном институте, за минуту до представления своей супруге К. А. Антоновой А. Гуральского сказал: «Это очень интересный человек, но будь с ним осторожна, он агент НКВД»[231].

13 сентября 1938 года А. Я. Гуральский направил в ИККИ письмо на имя Д. З. Мануильского. В нем, сообщив о своем аресте в Куйбышеве и последующем освобождении с «прекращением дела», попросил «содействия» в получении работы[232].

А. Я. Гуральского устроили на преподавательскую работу на исторический факультет Московского государственного университета, в мае 1939 года — восстановили в партии. Он стал читать спецкурс по истории Франции. Порой неряшливо одетый, говоривший с сильным еврейским акцентом, А. Я. Гуральский, по свидетельству одного из выпускников истфака, вызывал у студентов чуть ли не восторг, так как читал лекции неординарно, для того времени неортодоксально, при этом запросто называя Зиновьева (расстрелянного «врага народа»!) по имени — Гришей. Вряд ли кто из его учеников догадывался, почему он мог себе такое позволить.

21 апреля 1941 года на кафедре новой истории состоялась защита А. Я. Гуральским диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тема: «История Франции в 1919–1924 гг.». Не обошлось без штампов и ссылок на «гениальные» труды И. В. Сталина, которого, впрочем, А. Я. Гуральский цитировал по тогдашним понятиям достаточно умеренно.

В 1942 году Гуральский перешел в штат Института истории Академии наук СССР, где занялся изучением истоков нацизма. Опубликованные им в тот период статьи были не без пропагандистских перехлестов, но все же не порывали с научностью[233].

Однако большую часть времени А. Я. Гуральский занимался другими делами. Сначала по заданию органов госбезопасности его послали в Елабужский лагерь немецких военнопленных, где под видом переводчика Гонсалеса ему пришлось заняться

оперативной работой. Здесь он стал участником скандала, имевшего самые серьезные последствия. На связи у Гуральского был некий агент «Браун», который исключительно из корыстных побуждений, желая улучшить материальное положение, «лепил дела» На своих сотоварищей по плену и работников администрации. По его информации получалось, что в лагере сформировалась «шпионская группа». Уверовавший в эту легенду Гуральский представил материал, на основании которого были арестованы семь военнопленных и четыре советских гражданина: Войдя в раж, Гуральский во время допроса медсестры Розовой стал ее нецензурно оскорблять, угрозами требуя дать соответствуЬщие информаций «Брауна» показания. И тут произошел сбой: у начальника оперативного отделения Елабужского лагеря Ливанова зародились сомнения, и для разбора дела он запросил сотрудника 2-го Управления НКГБ СССР Шлютера, вместе с которым и раскрыл фальсификацию. Позже, желая оправдаться, А. Я. Гуральский представлял свое участие в оперативной работе исключительно в виде передающей инстанции, лишенной какой-либо инициативы. «…В Особый отдел лагеря я передавал все те данные, которые я получал от агентуры, причем в том виде, в каком они мне преподносились, — писал он. — Эти данные я не анализировал, достоверность их не проверял, так как этим должен был и, надо полагать, занимался особый отдел, имевшийся в лагере». Версия, рассчитанная на простаков. Конечно, А. Я. Гуральский-Гонсалес играл не первую скрипку, но, стремясь показать себя, явно был чрезвычайно активен. Доказательством тому служит его участие в допросе советской медсестры.

А. Я. Гуральского перевели в Суздальский, а затем в Красногорский лагерь, предназначенные для высшего командного состава вермахта. По заданию Главного политуправления Красной армии Гуральский немаловажную роль сыграл в создании национального комитета «Свободная Германия», провозгласившего своей целью борьбу за освобождение немецкого народа от фашизма. Под именем «профессора Арнольда» он принял участие в «распропагандировавши» плененного под Сталинградом в 1943 году генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса. Сдавшийся вместе с Ф. Паулюсом полковник Вильгельм Адам охарактеризовал в своих мемуарах «профессора Арнольда» как «умственно высокоразвитого человека, опытного, любезного собеседника, прекрасно владеющего немецким языком»[234]. Работа Гуральского среди военнопленных продолжалась и после капитуляции Германии, вплоть до 1948 года.

После войны А.Я. Гуральский счел возможным сменить

тематику научных исследований. В результате появилась обширная статья о французском фашизме и событиях февраля 1934 года в Париже. Свое намерение «написать работу о Франции» Гуральский высказал в частном письме еще 8 ноября 1942 года[235]. Параллельно шла подготовка докторской диссертации…

Ветры «холодной войны» повлекли за собой ужесточение сталинского режима. 15 февраля 1945 года возникает «ленинградское дело», конец 1950 года ознаменовался первыми арестами по «делу врачей». Одновременно арестовывают всех уцелевших бывших партийных оппозиционеров. Не забыли и обА. Я. Гуральском. 26 января 1948 года секретарь Президиума АН СССР Н. Г. Бруевич обратился к секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову с докладной запиской, в которой сообщал, что в связи с проходящей в Академии наук аттестацией он поставил вопрос об увольнении из Института истории ряда старших научных сотрудников, в том числе и А. Я. Гуральского. Криминал заключался в 14-летнем пребывании А. Я. Гуральского в рядах Бунда. Несмотря на противодействие академика и вице-президента АН СССР В. П. Волгина, А. Я. Гуральский был изгнан из Института истории АН СССР[236].

Два года, существуя случайными литературными заработками, он пытается убедить власти в своей полной лояльности, но безуспешно. 22 ноября 1950 года А. Я. Гуральского арестовывают, а 19 марта 1952 года Особое совещание при Министерстве госбезопасности СССР приговаривает его к 10 годам заключения с конфискацией имущества.

В 1952 году арестовали и осудили на 25 лет заключения племянника А. Я. Гуральского Хейфеца Григория Мевделевича (с 1920 года — Марковича) (1899–1984), в 1924–1929 гг. работавшего на Отдел международной связи Коминтерна. При этом форма льно он до 1928 года находился в штате Народного комиссариата иностранных дел. Есть основания полагать, что упоминавшийся в одном из писем А. Я. Гуральского «молодой константинополец» и есть Григорий Хейфец. В последние годы он числился ответственным секретарем Еврейского антифашистского комитета, на деле являясь кадровым сотрудником Министерства госбезопасности в звании подполковника. В опубликованных известным советским разведчиком Павлом Судоплатовым мемуарах Г. Хейфец упоминается неоднократно[237]. И не случайно: он сыграл существенную роль в атомном шпионаже против США. Однако далеко не все из изложенного П. Судоплатовым соответствует

действительности. Многое этот ветеран НКВД за давностью лет запамятовал, сказалось, думается, и его вынужденное длительное симулирование сумасшествия. Вопреки тому, что писал Д. Судоплатов, отец Григория Хейфеца не был организатором компартии США и никогда не работал в Коминтерне. Большую часть жизни он прожил в Риге, проработав 25 лет наборщиком, и лишь в 1915 году переехал с семьей в город Богородск Московской губернии. В партию большевиков он вступил только в 1920 году, перейдя в нее из Бунда. Очевидно, отца Г. Хейфеца Судоплатов спутал с дядей, чья биография также была искажена.

Срок наказания А. Я. Гуральский отбывал в Иркутской области в Озерлаге (он же Особый лагерь № 7), расположенном рядом с городом Тайшетом. Находившийся вместе с ним в заключении Платон Набоков[238] так в своем стихотворении описал жизнь в этом лагере:

Подъем. Проверка. Рдеют своды.
На винторез равняя шаг,
Ползем на труд, рабы Свободы,
В мешках, в мокше, под лай собак.
Ту — кто кого! Прости, лесина,
Что станешь пайкой для меня,
Что, завалив, губой лосиной
Обгладываю зеленя.
Красна — сосна! Пойдешь на шпалы,
Терпеть придется пересуд.
Скрипеть под рельсом… А шакалы
На смену — свежих привезут.
Бьет рельс на съем. Собаководы
Выводят в сумраке собак.
Спешим, как в рай, враги Свободы,
В свой зарешеченный барак.

(Рабы свободы. Озерлаг, 1952 г.)

После смерти Сталина Гуральский обратился в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС с просьбой о восстановлении его в партии. Однако эта просьба не была удовлетворена. КПК при ЦК КПСС, рассмотрев 26 августа 1955 года заявление Гуральского, не нашел «оснований к восстановлению его членом КПСС». Не помогла и ответная жалоба, посланная в КПК 26 сентября. Точно так же осталось безрезультатным обращение А.

Я. Гуральского в Прокуратуру СССР с требованием реабилитации. Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР 23 июня 1956 года отклонила протест Генерального прокурора СССР по делу А. Я. Хейфеца-Гуральского. Решение мотивировалось тем, что, во-первых, Гуральский в 1926 году вступил в «контрреволюционную зиновьевскую организацию» и «состоял в руководящем центре этой организации», а во-вторых, выполняя впоследствии задания органов госбезопасности, «допускал провокацию и дезинформацию и путем фальсификации фактов добился незаконного ареста ряда лиц, обвинив их в шпионской деятельности против СССР, и, участвуя в 1941–1942 гг. на допросах арестованных, понуждал их к даче вымышленных показаний».

15 января 1958 года А. Я. Гуральский, как инвалид, все-таки добился досрочного освобождения из заключения. Умер он летом 1960 года от инфаркта. На кремации присутствовали вдова и человек пять родственников. От Института всеобщей истории Академии наук СССР пришли трое, в том числе секретарь партийного комитета Г. Н. Севостьянов. Так, почти незаметно ушел из мира человек, жизнь которого теснейшим образом сплелась с важнейшими событиями XX века.

ГЛАВА 6
«…Хочу на нелегальную работу (партии) за границу, подготовляю себя все время»

Борис Данилович Михайлов родился в древнем русском городе Пскове 15 июля 1895 года в семье мелкого железнодорожного служащего. С 15 лет, изгнанный из дома за насмешки над религией отцом-фанатиком, он был вынужден добывать средства к существованию репетиторством. Еще учеником гимназии вступил в марксистский кружок, выпускавший нелегально журнал на гектографе. В 1911 году в 8-м классе Борис Михайлов был впервые арестован Псковским жандармским управлением, но через три недели выпущен[239].

Поступив на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, Б. Михайлов активно включился в социал-демократическое движение. Кроме студенческой фракции, работал в Александро-Невском районе и на Выборгской стороне Петербурга. За выступление на студенческой сходке получил высылку в Вологодскую губернию, замененную высылкой за границу. Приговор был изменен из-за обнаружившейся у Бориса Михайлова острой формы туберкулеза, едва не приковавшей его к постели. Местом поселения был избран город Инстербург в Восточной Пруссии. Деньги на проживание и лечение дала родная старшая сестра Агнесса.

Накануне празднования 300-летия царствующего Дома Романовых Николай II объявил амнистию, которая позволила Б. Михайлову в конце 1913 года вернуться в Россию. Так как ему было запрещено проживать в университетских, портовых и промышленных городах (так называемые «57 пунктов»), он поселился на небольшой станции в Шлиссельбургском уезде Петербургской губернии. Эта достаточно распространенная среди осужденных «за политику» уловка давала возможность часто ездить в столицу.

В Петербурге Борис Михайлов возобновил агитационную работу в рабочих кружках на Выборгской стороне, сочетая ее с сочинением различных листовок под руководством литературного бюро петербургского комитета большевиков. В эти годы он сотрудничал с такими известными партдеятелями, как Л. Н. Старк, С. Я. Багдатьев (наст. фам. Багдатьян), С. И. Сырцов, Ф. Ф. Раскольников. В октябре 1913 года его приняли в партию большевиков[240]. Наряду с политической деятельностью Борис

Михайлов продолжил учебу в Петербургском университете. Еще до ареста он параллельно с естественным отделением стал посещать юридический факультет. Теперь же, не имея возможности постоянно жить в Петербурге и принимать участие в практических лабораторных занятиях, ему пришлось бросить естественные науки, сконцентрировавшись на юриспруденции.

По не очень ясной причине Борис Михайлов отказался сдавать государственные экзамены, обязательные для присуждения университетского диплома, и получил лишь выпускное свидетельство, означавшее, что он только прослушал курс юридических дисциплин.

В 1916 году у Б. Д. Михайлова обострился туберкулез, и он отправился на лечение в Крым. Деньги на жизнь пришлось зарабатывать самыми различными способами: уроками, переводами (к этому времени он выучил четыре иностранных языка), чертежами, работами по статистике. Его дважды призывали на военную службу, но оба раза после медицинского обследования освобождали по болезни.

Свержение царской власти в феврале 1917 года он встретил в Москве, стал работать в юридическом отделе Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, а также в большевистской газете «Социал-демократ», где писал заметки, верстал.

В автобиографии, датированной 1924 годом, Борис Михайлов утверждал, что был делегатом VI съезда РСДРП(б), по окончании которого остался в Петрограде. Подтверждений тому ни в архивах, ни в мемуарах участников найти не удалось. А вот тот факт, что он активно участвовал в Октябрьском восстании: захватывал типографии, военный телеграф, занимался дневным выпуском «Правды», — известен. В редакции «Правды» он проработал до апреля 1918 года. Затем, после краткосрочного пребывания в должности комиссара Петроградского телеграфного агентства, Б. Д. Михайлова перевели в Москву, где он приступил к работе в качестве редактора журнала «Вестник жизни» и секретаря газеты «Правда».

22 июля белочехи после двухдневных боев заняли Казань. Создалась критическая ситуация: захвати они расположенный у станции Свияжск, в 50 км от Казани, мост через Волгу — и дорога на Москву была бы открыта. С целью добиться перелома в ставший передним краем обороны Свияжск 10 августа спешно прибыл народный комиссар по военным и морским делам, председатель Высшего военного совета Л. Д. Троцкий. Вскоре в Свияжске оказался и добровольцем вступивший в Красную армию Б. Д. Михайлов. Л. Д. Троцкий направил его с целью разведки в тыл противнику.

Вот как описала в своей книге этот эпизод Лариса Рейснер: *«Борис Данилович Михайлов приехал несколько позже, кажется, уже из Москвы, вообще из центра. Приехал в городском пальто, с тем светлым и легко меняющимся выражением лица, которое бывает у людей, попавших на вольный воздух из тюрьмы или большого города.*

Через несколько часов бешеный хмель Свияжска овладел им совершенно. Переодетый, он отправился в глубокую разведку в сторону белой Казани, вернулся через три дня, усталый, с обветренным лицом и покрытый неизбежными вшами. И, кроме того, — цельный»[241].

Впоследствии Б. Д. Михайлов был комиссаром десантного отряда, командиром и комиссаром левобережного участка Волги, комиссаром разведки, комиссаром штаба и членом Реввоенсовета (РВС) 5-й армии. Б. Д. Михайлов избирался делегатом с решающим голосом на VIII съезд РКП(б), проходивший в марте 1919 года. Одним из вопросов, дискутировавшихся на съезде, было «военное положение и военная политика». Делегатам были представлены тезисы Владимира Михайловича Смирнова, ратовавшего за выборность командиров и расширение прав армейских партячеек, вплоть до передачи им руководства боевыми действиями, и тезисы Л. Д. Троцкого, выражавшего официальную точку зрения ЦК. Б. Д. Михайлов участвовал в работе военной секции съезда, поддержав, как и многие другие выступавшие, тезисы В. М. Смирнова. Таким образом, он был среди тех, кто солидаризовался с лидером так называемой «военной оппозиции» в партии, впоследствии наряду с Т. Сапроновым возглавившим оппозиционное течение «демократического централизма». В итоге тезисы Л. Д. Троцкого получили в секции лишь 19 голосов, а В.М. Смирнова — 37[242]. В знак протеста делегаты, стоявшие на позиции ЦК, даже покинули заседание. Только после того, как на закрытом заседании съезда с развернутой речью выступил В. И. Ленин, большинством голосов (174 против 95) делегаты проголосовали за тезисы ЦК РКП(б).

Возможно, Б. Д. Михайлов поддержал на съезде В. М. Смирнова по чисто личным соображениям: оба в это время являлись членами Реввоенсовета 5-й армии (командующий Ж. К. Блюмберг, начальник штаба П. И. Ермолин).

В 1919–1920 гг. Б. Д. Михайлов последовательно являлся членом РВС 9-й армии Южного фронта, 10-й и 11-й армий Юго-Восточного фронта, причем в 11-ю армию Борис Михайлов перешел по собственной просьбе, санкционированной Г. К. Орджоникидзе[243].

В книге той же Ларисы Рейснер есть еще одно упоминание о

Борисе Михайлове, относящееся на сей раз к осени 1919 года. После неудачной попытки штурма Царицына созывается совещание для обсуждения дальнейших действий: *«Ночью кают-компанию убирают букетами из красной осенней рябины, стол залит светом, и собеседники, смыв с высоких сапог грязь окопов или масло машин, спокойно совещаются о завтрашнем дне.*

Случай расположил их так: слева быстрые глаза, бас и жесткая воля Шорина. Рядом с ним его штаб-офицер, мягкий и подробный человек, никого не способный стеснить, как походная карта, старательно сложенная и повешенная через плечо.

Дальше профиль, неправильный и бледный, выгнутый, как сабля, с чуть косыми глазами и смутно улыбающимся ртом, словом, один из тех, которые могут позировать художнику для тонкого и выносливого бога мести в казацкой папахе. Бесшумная походка, легкий запах духов, которые он любит, как девушка, и на черной рубашке красный орден — это и есть Кажанов, ставший почти легендой начальник десантных отрядов Волжской флотилии.

Голландцы, достигшие совершенства в групповом портрете, любили изобразить в центре картины, среди всех этих господ в черном платье и крахмальных белых воротничках, одну сосредоченную и тонкую физиономию какого-нибудь славного молодого врача, вооруженного скальпелем, скептика и атеиста, стоящего к зрителю вполоборота со своим белым лбом и насмешливой улыбкой.

В кожаной куртке и с кончиком «Известий», торчащим из кармана, эта фигура в наше время называется — «член Реввоенсовета Михайлов»…

В этот вечер за чаем собеседники начали спор о героизме. Тема странная среди людей, давно привыкших к войне и в большинстве награжденных всеми возможными знаками отличия.

Скептик в кожаной куртке, помешивая ложечкой в своем стакане, спокойно отрицал все признаки романтики в деле революции, ставшей для него ремеслом».

Как видим, облик Бориса Михайлова к описываемому времени претерпел существенные изменения, трансформировавшись в стандартный образ военного комиссара.

Как член РВС 11-й армии и начальник ее политотдела Б. Д. Михайлов вошел в состав организованного в Баку так называемого Иранбюро коммунистических организаций, призванного координировать действия партийных и государственных органов по советизации Гилянской провинции Ирана[244].

Попытка создания очага советской власти на севере Ирана

была предпринята сразу же после изгнания 18 мая 1920 года морским десантом под руководством Ф. Ф. Раскольникова англичан из каспийского порта Энзели, где они охраняли остатки деникинского флота. Советскую социалистическую персидскую республику, провозглашенную в ночь с 4 на 5 июня, возглавил лидер местных националистов Мирза Кучук-хан, который уже не первый год вел партизанскую войну в горах. Воспринимавший советских эмиссаров более чем настороженно, он скрепя сердце согласился сменить чисто антианглийские лозунги на призыв к социальной революции. В состав Революционного военного совета при правительстве были включены русские коммунисты И. К. Кожанов и Б. Л. Абуков, которым 8 июня политбюро ЦК РКП(б) разрешило перейти в подданство Персии[245].

Кроме Б. Д. Михайлова, в Иранбюро вошли от Кавказского краевого комитета РКП(б) Буду Мдивани, от ЦК Азербайджанской компартии Нариман Нариманов, Анастас Микоян и Виссарион Ломинадзе, от ЦК Иранской компартии Илиханов и Д. Буниятзаде. Все они были настроены весьма решительно, требуя эскалации советского участия в гилянских делах. Судя по докладу, посланному 21 июля 1920 года из Баку в Реввоенсовет Кавказского фронта, Борис Михайлов был аналогичного мнения. Признавая, что «персидское революционное движение… не затронуло еще широких народных масс», он считал возможным вовлечь их в борьбу «лишь» посредством «продвижения по территории крестьянской Персии персидской Красной Армии», для чего настаивал на отправке в Персию советской «воинской части»[246].

Вскоре Б. Д. Михайлов надолго заболел малярией и отошел от персидских дел, а советская республика в Гйляне конвульсировала до ноября 1921 года[247].

Поправив здоровье, Б. Д. Михайлов 15 декабря 1920 года принял участие в совещании Кавказского бюро РКП(б), единогласно принявшем решение о вторжении в меньшевистскую Грузию. Оно состоялось в феврале 1921 года, когда части Красной армии перешли границу с целью оказания помощи вспыхнувшему в районе города Шулавери восстанию. 25 февраля в Тифлисе был поднят красный флаг, а правительство Ноя Жордания эвакуировалось в Батум, чтобы оттуда на французском пароходе в сопровождении итальянского миноносца отправиться в Париж.

Военную службу Б. Д. Михайлов завершил в апреле 1921 года на посту члена РВС Туркестанского фронта. Из-за нового приступа малярии и обострения туберкулеза ему предоставили отпуск, а в июне 1921 года перевели на дипломатическую работу. Сначала он был послан генеральным консулом в турецкий город

Карс, но вскоре переведен в Анкару, где в качестве первого секретаря, а потом советника проработал 6 месяцев. По собственной просьбе вернулся в Россию и весной 1922 года был назначен по предложению ЦК РКП(б) секретарем Союзного Совета Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. 22 апреля кандидатура Б. Д. Михайлова была формально утверждена Союзным Советом[248].

Новый пост Б. Д. Михайлов воспринял без энтузиазма. Заполняя в марте 1922 года партийную анкету, он заявил напрямую: «На свою теперешнюю работу (секретарь Союзного Совета) смотрю как на временную, хочу на нелегальную работу (партии) за границу, подготовляю себя все время». И действительно, охотно публикуя в ведущей закавказской газете «Заря Востока» статьи по вопросам теории коммунизма и межимпериалистических противоречий, он старательно обходил молчанием «по должности» касавшуюся его проблему: национальный вопрос в Закавказье и строительство федеративного государства. К тому же, судя по прессе, Б. Д. Михайлов часто передоверял право подписи принимаемых Союзным Советом распоряжений своему заместителю В. Орлову-Малахову. Поэтому неудивительно, что уже в марте 1923 года его переместили на партийную работу, избрав вторым секретарем Закавказского краевого комитета РКП(б). Но и на этом посту Б. Д. Михайлов не задержался и снова перешел в аппарат Народного комиссариата иностранных дел, став сначала секретарем, а затем советником советской миссии в Риме.

Секретарь ИККИ швейцарец Жюль Эмбер-Дро, посланный в январе 1924 года в Италию с заданием изолировать сторонников Амадео Бордиги в компартии и укрепить влияние Антонио Грамши, в своих мемуарах упоминал о встречах с Михайловым, отвечавшим, видимо, в миссии за контакты с итальянскими коммунистами. Поскольку отношения между последним и руководством партии оставляли желать лучшего, Ж. Эмбер-Дро попытался их смягчить, выступив в роли посредника[249].

В аппарат Коминтерна Б. Д. Михайлов пришел по постановлению политбюро ЦК РКП(б) от 19 июня 1924 года, то есть в дни, когда в Москве проходил Пятый конгресс Коминтерна. Вместе с ним в распоряжение ИККИ были откомандированы такие известные партийцы, как Б. М. Волин, П. М. Керженцев, Д. З. Мануильский, Г. Н. Мельничанский, М. П. Павлович (Вельтман), Ф. Ф. Петров (Раскольников), В. Г. Сорин, поляки В. Богуцкий, Ю. Лещинский, а также бывший бундовец М. Г. Рафес[250]. Проработав 1,5 месяца заместителем заведующего Агитпропом, Б. Д. Михайлов был послан под псевдонимом Вильямс в Вену

представителем Исполкома Коминтерна при коммунистических партиях Балканских стран[251], объединившихся в так называемую Балканскую коммунистическую федерацию (БКФ) на базе существовавшей с июля 1915 года Балканской социалистической федерации. В переписке с Москвой балканское представительство ИККИ скромно именовалось «Компания Смит». Деятельность Вильямса в Вене заслужила одобрение руководства, о чем свидетельствует направленное ему письмо от 29 октября 1924 года. В нем Вильямса информировали о создании по постановлению Секретариата ИККИ комиссии для рассмотрения важнейших балканских вопросов и заверяли, что в ходе ее работы «существенные расхождения с Вами едва ли обнаружатся»[252].

Одним из результатов пребывания Вильямса в Вене стало его знакомство с уже довольно видным тогда болгарским коммунистом Георгием Димитровым, пользовавшимся псевдонимом Виктор. Позже их дороги вновь пересекутся.

В середине января 1925 года Б. Д. Михайлов, поменяв старый псевдоним на Бруно, приехал в Прагу, где в качестве представителя Исполкома Коминтерна развернул борьбу с течением «правых» в компартии Чехословакии. На II съезде КПЧ, состоявшемся 31 октября — 4 ноября 1924 года, им был нанесен чувствительный удар: под давлением прибывшего Д. З. Мануильского, практиковавшего метод шантажа, представители левого меньшинства получили больше мест в Центральном Комитете, чем «правые» (18 против 14). Однако последние все же сохранили сильные позиции и не собирались сдаваться. Самой активной среди «правых» была группа Йозефа Бубника (1897–1957), совмещавшего посты председателя Пражской организации КПЧ и члена Центральной контрольной комиссии партии.

Отправке Б. Д. Михайлова в Прагу предшествовал обмен мнениями на заседании политбюро ЦК ВКП(б). В адресованной Н.И. Бухарину записке Г. Е. Зиновьев делился своими соображениями: «В Чехословакию, я думаю, надо послать троих:

1) Бруно (Михайлов). Все же он всех там знает и будет очень полезен;

2) Стэна[253];

3) через пару недель — Семара. Мануильский по едет после — поближе к съезду.

Слабовато, но лучших нет. Согласен ли ты? Надо опросить т. Сталина.

Г. Зиновьев».

Н. И. Бухарин ответил: «Я согласен. Но предупреждаю: Стэн очень умный парень, хороший «аналитик», но не фракционный

борец, не организатор».

«Михайлов — архи-драчун. Пожалуй, будет хороший «синтез», — отреагировал Г.Е. Зиновьев.

Итог обсуждения подвёл И.В. Сталин: «Я согласен на тройку (Семар, Стэн, Бруно) с непременным условием отправить Мануильского немедля. Все дело будет зависеть от того, как будет поставлено дело теперь, в самом начале (в начальной стадии) борьбы. От этого будет зависеть конец, увенчание дела к съезду. Поставить же дело сумеет только Мануильский.

Сталин»[254].

То ли в последний момент И. В. Сталин переменил мнение, убедившись в весомости доводов Г. Е. Зиновьева, то ли Председатель ИККИ решил проигнорировать мнение генсека, но Д. З. Мануильский посетил Чехословакию лишь в мае. Задержался и Ян Стэн, так что Б. Д. Михайлову пришлось действовать самостоятельно.

Первые послания Бруно из Праги призывали Москву к осторожности и терпению. «В общем «левая» довольно слаба в ЦК, — сообщал он в письме от 20 января. — «Правая» работу не саботирует, но, несомненно, потихоньку пытается вести свою фракционную работу. Но эту работу они сейчас не форсируют: будучи политически побиты на последнем съезде, они не выступают открыто, а ведут тактику выжидания: левые, мол, скомпрометируют себя и провалятся сами… Общее впечатление: ЦК не очень-то работоспособен при нынешнем соотношении сил. Но менять это соотношение в пользу левых сейчас опасно, нельзя, пока они путем долгой систематической работы не побьют правые тенденции в толще компартии, завоюют доверие в чешских областях»[255]. Ситуация осложнялась тем, что «правые» пользовались негласной поддержкой ряда членов политбюро и оргбюро ЦК КПЧ. Им сочувствовал и фактический лидер партии, член Президиума ИККИ Богумир Шмераль (1880–1941).

Вскоре, однако, тон писем Бруно резко изменился: он получил информацию о том, что «группа Бубника, несмотря на несогласие Шмераля и других, уже подготовляет раскол. В этой (т. е. пражской. — *М. П.*) организации ЦК сделано мало: есть лишь решение о посылке на каждое заседание каждой ячейки представителя «ЦК, но это не полностью проводится из-за недостатка и разъездов людей. Если удастся поймать Бубника или кого-либо из его ближайших сторонников на такой работе — надо будет устроить громкий скандал и выставить его. Было бы хорошо разделаться с этой группой, отделив ее от остальных правых, и разбить ее в отдельности»[256], — сделал вывод Бруно.

В письме от 4 февраля он уточнил информацию и высказал дополнительные соображения по вопросу об исключении Бубника из КПЧ. «В ЦК поступали письма (я прилагаю Их копии) о выступлениях двух Членов ЦКК — **Бубника и Шварца** на партсобраниях, — сообщал Бруно, — первый выступал с явно клеветническими вещами по адресу ЦК молодежи и ЦК партии, второй использовал (до представления в ЦКК Или ЦК) материал одной партревизии для фракционного выступления против ЦК. Политбюро решило: назначить комиссию для расследования этих выступлений; до окончательного решения комиссии «суспендировать» обоих как членов КК, т. е. оставить их на текущей работе, но предложить им не выступать на собраниях в качестве членов КК. Решение было принято единогласно…

Если комиссия полностью подтвердит материал о Бубнике — его придется снять из КК. О нем есть также сведения, что во время конференции окружных секретарей Бубник устроил фракционное совещание, на котором было 8—10 секретарей, с письменным порядком дня, где значились не только вопросы: «отношение к ЦК и возможность самостоятельной работы», но и вопросы: «наше отношение к государству Чехословакии» и «наши задачи в период до социальной революции». Самая постановка таких вопросов уже говорит о серьезном и опасном оппортунистическом уклоне. Если удастся ЦК получить данные, которые могли бы ясно доказать перед партийной массой подобные вещи, то встанет вопрос об исключении Бубника. Мое мнение: отсечь эту крайне правую группу было бы полезно, ибо: 1) люди вроде Бубника — конченые люди для партии; 2) вероятно, что они сейчас сами организационно подготовляют раскол, и 3) отколоть от остальных правых и побить в одиночку ослабило бы всю правую. Но сделать это можно лишь; 1) когда факты и материалы, доказывающие антипартийную работу Бубника или его ближайших сторонников, будут ясно доказывать широкой партийной массе их антипартийность и 2) когда эти факты и материалы будут столь доказательны, что остальные правые (Шмераль, Муна[257] и др.) не решатся открыто выступать в защиту Бубника»[258].

Секретариат пражской организации КПЧ большинством голосов постановил не выполнять решение политбюро о временном «суспендировании» Й. Бубника. В ответ политбюро ЦК КП Чехословакии 16 февраля созвало делегатское собрание пражской организации коммунистов, на котором выступил и Бруно. 250 голосами против 6 была принята резолюция, осуждающая Й. Бубника и выражающая ему политическое недоверие.

На другой день, когда в политбюро решался вопрос о снятии Й. Бубника с поста председателя пражской организации КПЧ, активный член фракции «левых» Йозеф Гакен огласил имевшиеся в его распоряжении сведения об организованном «правыми» фракционном собрании. Практически одновременно от секретаря партийной организации в Таборе в ЦК поступило письмо с подробностями на эту тему. Речь шла о недвусмысленной подготовке Й. Бубником раскола в КПЧ и разрыве, если «нужно», с Москвой. Присутствовавшие на заседании политбюро «правые» и сочувствовавшие им растерялись. Б. Шмераль не нашел ничего лучшего, как заявить, что из-за накопившейся в последнее время усталости он не в состоянии ориентироваться в рассматриваемых вопросах, а потому просит при любых голосованиях на политбюро считать его воздержавшимся. Затем он покинул заседание.

На следующий день, 18 февраля, в отсутствие уехавшего за город Б. Шмераля политбюро продолжило обсуждение фракционной деятельности Й. Бубника, частично признавшего после первоначального запирательства справедливость выдвинутых против него обвинений. Он подтвердил факт раскольнических разговоров с секретарем парторганизации города Табора и свои попытки организовать фракционное собрание, которое якобы так и не состоялось. Когда дело дошло до голосования, А. Муна внезапно исчез из зала заседания. Однако такого рода трюки уже не могли спасти Й. Бубника — он был исключен из партии.

Тотчас по получении известия Президиум Исполкома Коминтерна обратился «к членам пражской организации компартии с призывом объединиться вокруг Центрального комитета и дать решительный отпор всяким попыткам оппортунистических элементов подготовить и организовать раскол в компартии». Текст завершался словами: «Людям, тянущим партию к социал-демократии, нарушающим все постановления международных конгрессов, не место в рядах компартии». Обращение было написано лично Г. Е. Зиновьевым, педантично зафиксировавшим время окончания работы над документом: «20 февраля 1925 года, 17 ч[асов] 30 м[инут]»[259].

Изгнанный из КПЧ Й. Бубник попытался взять реванш, напечатав и разослав по почте открытое письмо ко всем членам партии. Под его воздействием собрание ответственных партработников города Брюнна (ныне город Брно) большинством в 21 голос против 17 при 3 воздержавшихся приняло резолюцию, где выразило свое несогласие с решением политбюро. Предварительно эта резолюция была одобрена подавляющим большинством членов секретариата брюннской организации КПЧ.

Ситуация была настолько серьезной, что пришлось вновь напрямую вмешаться председателю ИККИ. Он обратился к брюннским коммунистам с заявлением, в котором, выразив свое изумление новостью о том, что часть брюннских руководителей «в трудный и ответственный для партии момент не только колеблется, но чуть ли не поддерживает изменника Бубника», призвал сплотиться вокруг большевистского ядра КПЧ[260].

V расширенный пленум ИККИ, проходивший в марте — апреле 1925 года, вновь квалифицировал деятельность Й. Бубника как «политическую измену», одобрив решение ЦК КП Чехословакии о его исключении. Он предложил «Центральному Комитету чехословацкой компартии в течение 4 месяцев подготовить и созвать очередной съезд партии, который должен окончательно ликвидировать элементы кризиса в ней». Причины активизации «правых» ИККИ усмотрел в решении партии вывести массы на улицы, а также в живучести социал-демократических предрассудков и национальных противоречий в партийных рядах.

Приехавший на пленум Б. Шмераль попытался сначала отстоять свою позицию, за что был подвергнут И. Сталиным и Г. Зиновьевым жесткой критике. В выступлении 30 марта Сталин не без оснований заявил, что «тов. Шмераль боится борьбы с правыми. Он вообще боится всякой борьбы внутри партии, опасаясь осложнений и раскола. Но он не хочет понять, что партия может развиваться лишь путем противоречий, путем внутренней борьбы с некоммунистическими элементами и, прежде всего, правыми течениями… Большевизация чехословацкой партии не может пройти без борьбы и внутренних столкновений. Она не может протекать гладко и чинно, как мечтает об этом т. Шмераль».

Речь И. Сталина завершилась поистине лицемерным пассажем: «Говорят против механических методов в партии, против исключения из партии и проч[ее]. Я не поклонник метода репрессий. Я думаю, что идейная борьба и идейная победа над правыми является решающим моментом. Но я против того, чтобы репрессии были исключены из нашего арсенала»[261].

Пройдет совсем немного времени, и все убедятся, какой на самом деле аргумент в политической борьбе генеральный секретарь ЦК РКП(б) считает «решающим»: тюрьму и пулю в затылок в подвалах НКВД.

В итоге Б. Шмераль бесславно капитулировал, превратившись из сочувствующего «правым» в скрупулезно выполняющего указания Москвы ортодокса. «Я увидел, что Зиновьев и Сталин действительно хотят честного блока со мною, и теперь, когда мне ясно, что Коминтерн вновь доверчиво начал относиться ко мне, я

могу активно работать»[262], — заявил он, вернувшись в Прагу.

Исключенный Й. Бубник стал издавать ежедневную газету «Глас правды», на страницах которой 23 мая опубликовал призыв к созданию партии «независимых коммунистов». Эта партия просуществовала всего несколько месяцев и была распущена. В конце 1925 года Й. Бубник вступил в социал-демократическую партию, пройдя, таким образом, маршрут подавляющего числа «ренегатов». В самом деле, отказываясь от ориентации на Москву и провозглашая самостоятельность, еретики от коммунизма немедленно превращались в худосочных сектантов, что не соответствовало их амбициям. Лишь немногие были способны найти оригинальный, соблазнительный для масс лозунг, большинству оставалось искать сближения с традиционными антикоммунистическими силами.

После завершения своей миссии в Праге Б. Д. Михайлов, вопреки мнению Д. З. Мануильского, предлагавшего отправить его на работу в Лондон, был внезапно командирован в Голландию. Побывавший здесь в середине мая на съезде КП Голландии Жюль Эмбер-Дро счел ситуацию крайне опасной, на грани раскола, о чем и сообщил в Москву.

В Страну тюльпанов, очаровавшую Б. Д. Михайлова, он приехал, минуя пять стран, в июле. К этому времени положение еще более ухудшилось: голландская компартия фактически распалась на три группы. Сформировавшаяся на базе так называемого Национального рабочего секретариата (NAS) фракция «левых» не желала иметь ничего общего с «правыми», во главе с Давидом Вайнкопом и В. Равенстейном, а те, в свою очередь, отказывались подчиняться решениям Центрального комитета, ядро которого заняло центристские позиции. Негативно оценивая дезорганизаторскую деятельность «левых» и особенно «правых», Б. Д. Михайлов тем не менее счел необходимым подвергнуть критике и «центр». «ЦК… слабоват по своему составу. Большинство ЦК могло бы быть составлено лучше, опытнее и работоспособнее. В частности, совершенно непонятно, как в роли секретаря партии и главного редактора могла всплыть такая фигура, как А. Винц, весьма молодой и весьма неустойчивый товарищ, без политической подготовки и политической линии. При всех своих деловых недостатках он весьма подвержен чисто случайным, личным влияниям справа и часто идет вразрез и наперекор линии большинства ЦК в угоду правым противникам нынешнего ЦК», — утверждал он в письме от 21 июля.

Пребывание Б. Д. Михайлова в Голландии, однако, оказалось недолгим. Уже 15 августа в связи с арестом Абрама Гуральского

ему передали указание из Москвы заменить последнего на посту представителя Исполкома Коминтерна при Французской компартии. Все же Б. Д. Михайлов успея принять участие в создании при ЦК компартии Голландии колониальной комиссии, несколько раз выступить на съезде голландских комсомольцев, обсудить вместе с членами ЦК и осудить как правоуклонистскую резолюцию секции Эйнланолен амстердамской партийной организации.

Здесь в качестве прекрасного образца коминтерновского жаргона стоит воспроизвести отрывок из письма Вильямса с информацией об обстоятельствах ареста официального делегата Исполкома Коммунистического интернационала молодежи (ИККИМ), посланного на съезд голландского комсомола: «Как Вы знаете, представитель молодежи, бывший там на конгрессе, захворал. Хотя костюма (т. е. паспорта. — *М. П.*) при нем не было обнаружено, он почему-то дал сведения о себе, соответствующие меркам костюма. Я предупредил об этом мастерскую костюма (Марина), чтобы он принял меры, гарантирующие в случае запроса положительный ответ с места происхождения костюма».

Как и А. Я. Гуральский во Франции, Борис Михайлов вынужден был заняться анализом реакции местных коммунистов на публикацию книги Макса Истмена «После смерти Ленина». Переданная в Москву информация могла обнадежить кремлевский триумвират: левое крыло партии Л. Троцкому хотя и симпатизировало, однако не настолько, чтобы стать под его знамена. «В вопросе о троцкизме группа (т. е. левые. — *М. П.*) занимает не совсем ясную позицию: личные симпатии к Троцкому среди этих товарищей значительны, и это, главным образом, и определяет их колебания. По вопросу о книге Истмена «Т[ро]цкий»[263] из этой группы отзываются весьма резко, как о «грязной и контрреволюционной сатире», отношение Троцкого к этой книге считают «непонятным»; полагают, что книгу надо заклеймить, но Троцкого в связи с его заявлением по поводу этой книги «не трогать», публично «очень осторожно» можно коснуться позиции, занятой Троцким в связи с появлением книги Истмена. Опасность откола или раскола в РКП или КИ товарищи считают «нереальной», полагают, что если бы Троцкий и попытался откол или раскол создать, ему это не удастся; об отколах от КИ не может быть и речи, и все они резко выступают против всяких отколов»[264].

22 августа, меняя автомобиль на поезд, чтобы замести следы от преследовавшей его полиции, Б. Д. Михайлов прибыл в Париж.

Надо сказать, что еще в июле А. Я. Гуральский, настаивавший перед ИККИ на своем возвращении в СССР, предложил заменить

его Вильямсом и согласовал эту кандидатуру с политбюро ЦК ФКП.

Свои послания из Франции Б. Д. Михайлов подписывал псевдонимом Ральф. В качестве удостоверяющего личность документа использовался уже бывший в употреблении фальшивый паспорт коминтерновца Матиаса Ракоши. Когда М. Ракоши арестовала венгерская полиция, Б. Д. Михайлов, обеспокоенный, обратился за информацией в Москву. «Запросите, пожалуйста, Марина — не провален ли костюм, который он дал мне и который я сейчас здесь ношу, ибо это — бывший костюм Ракоши, по которому он жил в Венгрии до последнего расширенного] пленума. Если есть сомнения насчет верности костюма— телеграфните», — писал Ральф.

На первых порах Б. Д. Михайлов очень рассчитывал сохранить контакты с голландскими коммунистами. С просьбой разрешить ему переписываться с членами ЦК КП Голландии и давать им «в пределах получаемой информации» различные советы он обратился уже в первом своем письме из Парижа в Москву. Видимо, ИККИ удовлетворил просьбу Б. Д. Михайлова, поскольку тот в своем письме от 11 сентября выражал беспокойство по поводу отсутствия реакции Москвы на политическую линию еще в конце мая обновленного ЦК КП Голландии. Он настаивал на публичной поддержке Коминтерном нового голландского руководства и сообщал, что делегация потерпевших поражение голландских «правых» во главе с выведенным из состава политбюро и ЦК Давидом Вайнкопом прибыла в Париж, где, «по слухам», завязала переговоры с группой Росмера и Монатта. И хотя председатель ИККИ Григорий Зиновьев по линии ОМС'а послал ему указание «официально» повидаться с Д. Вайнкопом, голландская тема позже исчезает из донесений Вильямса.

Много времени у нового представителя ИККИ во Франции занимали мероприятия по вызволению А. Я. Гуральского из тюрьмы. Он подыскал надежных адвокатов, наладил переписку с арестованным. Выяснилось, что полиция прекрасно осведомлена о деятельности последнего во Франции и лишь из-за боязни международных осложнений тянет с расследованием и не решается предать дело огласке. «…При допросах в охранке ему давали понять, что прекрасно знают, кто он такой и чем занимается: цитировали все его фамилии и клички, даты его приезда — отъезда в марте к Вам (т. е. в Москву. — *М. П.*), обратного приезда; указывались адреса и даты заседаний, на которых он бывал и даже — по некоторым] вопросам — какую точку зрения на каком именно заседании он защищал, — сообщал

в ИККИ о деле Гуральского Ральф, — словом, информированность полиции весьма обстоятельная. Ясно, что в ближайшем окружении руководящих товарищей, среди, например], друзей кого-либо из членов ЦК имеется провокатор». В сложившейся ситуации Б. Д. Михайлов предлагал развернуть в прессе кампанию за освобождение А. Я. Гуральского из тюрьмы, хотя бы на поруки, как неизвестно за что арестованного коммуниста. Сам А. Я. Гуральский и политбюро ФКП возражали, опасаясь негативного результата. Ценой большого нажима победил Б. Д. Михайлов, настоявший также на привлечении Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и советского посольства. Впрочем, посол Леонид Борисович Красин наотрез отказался «в какой бы то ни было форме, даже в частных разговорах» помочь делу.

По информации Ральфа, Абрам Гуральский очень переживал по поводу «моральной кампании», якобы развернувшейся против него в ФКП, иначе говоря, против слухов, что он будто был арестован «во время кутежа в грязной компании». Сплетня исходила от сотрудницы МОПР Мадлены Кер, которую Ральф охарактеризовал как «взбалмошную бабу», заметив, что предприняты меры для выяснения, «откуда она это взяла». От себя добавим, что Мадлена Кер была супругой в недавнем прошлом одного из секретарей Руководящего комитета ФКП Антуана Кера (наст, фам. Кейм), оставившего свой пост из-за принадлежности к масонской ложе.

Когда Гуральский вышел из тюрьмы, Ральф обеспечил его отправку домой.

Ознакомившись с положением, Б. Д. Михайлов предложил систему мер по организационному укреплению ФКП. Он считал необходимым: «1) Превратить секретариат в орган, выполняющий решения П. Б. и контролирующий их выполнение другими органами, и установить ответственность за непроведение решений партии. Исполнительного органа у П. Бюро сейчас фактически нет, его решения на 50 % остаются на бумаге. 2) Усилить работу Оргбюро, ограничивающуюся сейчас лишь мелкими, формальными вопросами. 3) Усилить связь партии с парижским районом. 4) Оживить работу ячеек, давая для этой работы политический] материал, до сих пор застревавший на пути из ЦК в парижский район. 5) Толкнуть работу инструкторскую и по воспитанию кадров…»

Вскоре, однако, главной проблемой, оказавшейся в центре внимания Ральфа, стали отношения внутри руководства партии. 11 сентября 1925 года он писал в Москву: «Взаимоотношения внутри политбюро последнее время осложнились в связи с

позицией, занятой Альбером Т[реном]. Продолжая настаивать на всех своих принципиальных ошибках, совершенных им в его тезисах о марокканской войне, Трен переходит в оппозицию по отношению к руководящей группе с Союз[анной] Жиро во главе и по ряду организационных и тактических вопросов. В его постоянных резких нападках на организационные недочеты в работе П. Б., в его попытках создавать на каждом практическом] вопросе «разногласия»… во всем его поведении в П. Бюро чувствуются попытки сгруппировать вокруг себя товарищей иных политоттенков на почве совместной критики организационной] и практической] работы ЦК. Монм[уссо] и Шассень (Жака[265] нет в Париже) начинают осторожно поддакивать Альберу и его нападкам на руководство.

Чтобы предупредить опасную группировку вокруг Тр[эна], с его ошибочной политической] позицией в вопросе о войне, других «недовольных» элементов, сплачиваем и усиливаем группу рабочих в П. Б. — Торез и др[угие] понимают опасность разброда; выписали из провинции Креме (он в июле был послан налаживать партработу на юге Франции. — *М. П.*), постарались сгладить недоразумения, создавшиеся между ним и Сюзанн Ж[иро]; Креме провели председателем] синдикальной комиссии ЦК…»

Как видим, сплочение руководства ФКП мыслилось Ральфу вполне по-ленински: посредством укрепления пролетарской прослойки. Но, несмотря на принятые меры, положение не выправилось. В послании от 19 сентября среди прочего мы находим и такие строки: «…В П. Б. нет нужной спайки; Трэн продолжает свою тактику мелочных нападок на П. Б. по всякому поводу, подчеркивая малейшие расхождения во мнениях особыми письменными декларациями…»

Письмо Ральфа с обвинениями в адрес А. Трэна чрезвычайно встревожило Григория Зиновьева. 19 сентября 1925 года он послал в Париж в поддержку своего давнего протеже телеграмму со следующей установкой: «Трэна советую не дразнить. Его политошибка исправлена. В остальном он нужный человек. Передайте ему от меня просьбу и совет не обострять положения. Если есть разногласия, пусть мне напишет и с согласия ЦК приедет сюда (т. е. в Москву. — М.П.). Конференцию, по-моему, лучше не откладывать. Если предстоят серьезные разногласия, добейтесь предварительного приезда сюда двух человек. На расширенный Исполком нужно прислать делегацию побольше, чтобы были рабочие, но обязательно также и Трэн. Повторяю: успокойте и не отталкивайте Трэна»[266].

Реагируя на указания Г. Зиновьева, Б. Д. Михайлов уже в письме от 2 октября несколько сместил акценты, анализируя

ситуацию в ФКП: «…Руководство партией сужено до крайних размеров. В особенности за короткий период расхождений с Трэном и отсутствия Дорио, фактическое руководство сосредоточилось исключительно в группе Сюзанн Ж[иро] — Кадо — Торез — Дезюсклад. Руководящая этой группой Сюзанн Ж[иро] при всех своих больших политических] способностях, не обладает одной — способностью спаивать, сплачивать т[овари]щей на основе известной политической] линии. Она резко отталкивает всех, кто не вполне бывает солидарен с нею по отдельным мелким вопросам тактики и подхода. Так, от руководящей группы был отброшен Креме — очень дельный, очень ценный работник; ошибку с его фактическим удалением из П. Б. до сих пор не удается поправить, ибо он озлобился и упорно сторонится т[овари]щей из П. Б.; М. Кашен превращен в мишень насмешек и издевательств, такой работник, как Л. Селье, при всех его недостатках совершенно отстранен от сколько-нибудь заметной роли в партии; к Монмуссо и его группе вместо терпеливого и тактичного втягивания их в работу, практикуется третирование их как каких-то «коммунистов второго сорта», они, можно сказать, только «терпятся» в руководящих органах партии».

Таким образом, теперь Б. Д. Михайлов утверждал, что за разлад на партийном Олимпе отвечает не только «солдафон» А. Трэн, но и С. Жиро с ее авторитарными замашками. В процитированном выше пассаже примечательна и констатация возросшей роли Мориса Тореза, в отличие от многих вполне ладившего с Сюзанной Жиро.

Недовольство у Б. Д. Михайлова вызывала организационная работа в партии, которая оказалась «сконцентрирована в руках такого мертвого человека, как Соваж, работающего формально, бюрократичного, раздражающего местные организации… Соваж недавно формулировал на П. Б. такой взгляд на роль пленумов ЦК: пленумы — это «школа ленинизма» для рядовых членов ЦК, которые, мол, приходят туда, чтобы «мы» их обучали». Поскольку Франсуа Соваж являлся гражданским мужем С. Жиро, Б. Д. Михайлов дипломатично предлагал подыскать «лучшего, чем Соваж, руководителя, дав Соважу руководство каким-нибудь крупным провинциальным районом». Ситуация осложнялась тем, что занимавший пост генерального секретаря ЦК Пьер Семар находился в Германии. Выход Ральф видел в проведении до января 1926 года партийной конференции, которая бы наряду с организационно-структурными изменениями в руководстве решила вопрос «о секретариате и роли в нем Сюзанны Ж[иро], привлечение к нему Семара и в связи с этим о редакции Humanitè…».

Атмосфера взаимных подозрений и интриг подогревалась просочившимися во Францию слухами о появлении в РКП(б) новой, так называемой «ленинградской оппозиции» с Г. Зиновьевым во главе. Когда Ральф в своем письме от 4 ноября проинформировал об этих слухах Дмитрия Мануильского, реакция последовала незамедлительно. Письмо с подачи И. Пятницкого стало предметом обсуждения на политбюро ЦК РКП(б), которое в итоге поручило Г. Зиновьеву передать Ральфу, что «по вопросу о руководстве ИККИ разногласий в русском ЦК нет», а «споры по чисто русским вопросам не выходили за пределы обычных споров в любой партийной коллегии…». Более того, большевистское руководство утверждало, что «предстоящий XIV съезд партии лишний раз покажет, что ленинцы имеют единый фронт по всем сколько-нибудь серьезным вопросам»[267]. Прошедший в декабре съезд, как известно, полностью опроверг этот тезис, продемонстрировав, всю глубину раскола в РКП(б).

1—2 декабря состоялась национальная конференция ФКП. В ее резолюциях была признана необходимость изменения методов руководства и углубления партийной демократии. Нелегально прибывший во Францию во второй половине ноября Д. З. Мануильский[268] почти в точности реализовал на практике предложения Ральфа. Трэн и Жиро остались в политбюро, но были выведены из секретариата, который отныне должен был состоять из четырех человек: П. Семара, Ж. Маррана, Ж. Креме и Ж. Дорио. В прошлом все они были рабочими. Пьер Семар сохранил за собой пост генерального секретаря ЦК ФКП, а редакция «Юманите» была реорганизована[269].

Другим предметом внимания Ральфа была деятельность группы Фернана Лорио. Она «катилась в оппозицию еще в начале 1925 года в результате консолидации противников большевизации ФКП. Ф. Лорио и его единомышленники утверждали, что компартия все более удаляется от «масс», что ее руководство пресекает исходящую от рядовых членов критику, что методы большевизаций ослабляют позиции ФКП среди избирателей. И надо сказать, что основания для такой критики были. Объективным отражением «недугов» ФКП стало ее ослабление: если в конце 1924 — начале 1925 года партия насчитывала примерно 60 тысяч членов (было выдано 66 293 партбилета), то в конце 1925 года численность партии сократилась до 50 тысяч человек[270].

В феврале 80 активистов компартии подписали письмо с протестом против политики руководства, 11 мая аналогичное письмо подписали уже 130 человек. Поднятые оппозицией вопросы обсуждались 18 августа на заседании Центрального

комитета, на котором Фернан Лорио зачитал от имени своей группы декларацию.

Исполком Коминтерна тоже отреагировал на возникновение оппозиционной группы, предложив Ральфу встретиться с Ф. Лорио. В своем письме от 11 сентября Б. Д. Михайлов писал: «Телеграмму о Лорио получили. Он в отпуску в деревне; вызвали его в Париж для переговоров. О дальнейшем сообщу». Вскоре действительно состоялась беседа Ральфа с Ф. Лорио, на которой последнему было предложено отправиться для объяснений вместе с еще одним представителем оппозиции в Москву. Однако Ф. Лорио отклонил сделанное предложение, мотивируя необходимостью формирования специальной делегации оппозиции. Резюмируя итоги переговоров, Ральф писал 9 октября: «Впечатление мое таково: группа слаба, политические ее позиции, четко выявленные в их последних тезисах, бить легко, партия их осудит». Вероятно, сам Ф. Лорио мыслил иначе, поскольку продолжил фракционную деятельность. Накануне Национальной конференции ФКП, 25 октября 1925 года, оппозиционеры направили в ЦК так называемое «письмо 250-ти», в котором суммировали свои прежние обвинения против партруководства[271]. Среди подписавших был и будущий политический секретарь Мориса Тореза, член ЦК ФКП в 1937–1964 годы Жорж Коньо[272]. Выступая на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна 20 февраля 1926 года, Г. Зиновьев охарактеризовал группу Лорио как «возвращение на позиции социал-демократии»[273]. В том же году Ф. Лорио покинул ФКП.

31 декабря 1925 года Вильямс сделал на заседании расширенного политбюро ЦК ФКП доклад об итогах XIV съезда ВКП(б), 8 января 1926 года он повторил его перед членами ЦК ФКП. С аналогичным докладом в это же время перед членами ЦК КП Германии выступил В. Ломинадзе. Председатель ИККИ Григорий Зиновьев усмотрел в этих выступлениях попытку победивших на съезде фракций И. В. Сталина и Н. И. Бухарина подорвать его позиции в Коминтерне[274]. Под его давлением 12 января 1926 года Делегация ВКП(б) в ИККИ приняла решение обратиться с письмом ко всем секциям Коминтерна о нежелательности перенесения дискуссии в ВКП(б) в другие компартии. А Вильямс 13 января уже присутствовал вместе с П. Семаром, А. Трэном, Ж. Креме, Ж. Дорио и часто исполнявшим обязанности члена политбюро ФКП Альфредом Костом на заседании французской комиссии ИККИ в Москве[275].

В феврале представитель Коммунистической партии Испании обратился в Париже к Б. Д. Михайлову с просьбой оказать его партии денежную помощь в размере 60 000 франков для

содействия свержению оппозиционными военными диктатора Примо де Ривера. Подозревая, видимо, испанских коммунистов в желании под авантюрным предлогом заполучить деньги Коминтерна, Б. Д. Михайлов отказался обсуждать вопрос, а позже на заседании французской комиссии Шестого расширенного пленума Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта) изложил его в нелестной для КП Испании форме. Возник скандал, который разбирался в Интернациональной контрольной комиссии Исполкома Коминтерна, а затем в Центральной контрольной комиссии ВКП(б)[276].

Во время работы пленума Г. Е. Зиновьев подал заявление с просьбой освободить его от обязанностей Председателя ИККИ, которое, однако, на заседании бюро делегации ВКП(б) в ИККИ было отклонено[277]. Поводом к отставке послужила статья И. В. Сталина «Вопросы ленинизма», которую возглавлявший агитационно-пропагандистский отдел ИККИ Бела Кун якобы по собственной инициативе, «без согласия автора» поместил в еженедельнике «Инпрекорр», а затем велел раздавать на пленуме. В результате Б. Куна отстранили от руководства коминтерновским агитпропом и отправили в Берлин, ще он уже «по указанию компетентных партийных организаций»[278] вел кампанию против Председателя ИККИ. Пройдет два года, и Бела Кун переметнется на сторону опального Г. Е. Зиновьева — на свою погибель.

Вскоре после убийства С. М. Кирова в ИККИ из НКВД поступила информация о том, что 1929 год Б. Кун встречал на квартире Л. Каменева в обществе Г. Зиновьева и его приближенных. Б. Куну пришлось неуклюже оправдываться, объясняя все своей, беспечностью. Однако уже через пару месяцев сидевший во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке бывший секретарь Г. Е. Зиновьева Гринберг проболтался подсадному агенту об «антипартийных настроениях» Бела Куна и его истинном отношении к лидеру «ленинградской оппозиции». Он доверительно сообщил, что где-то в 1932 году на одной из вечеринок в присутствии венгерских коммунистов Людвига Мадьяра и Евгения Варги Бела Кун и легендарный советский военачальник В.К. Блюхер «вели контрреволюционную клеветническую критику политики ВКП(б) и ее руководства». Гринберг не подозревал, что еще 30 июня 1930 года Ф. Швальбе в своих показаниях указал на него как связного между Б. Куном и Г. Зиновьевым. Посыпались доносы и от «прозревших» коллег из аппарата ИККИ. Арестованный сотрудниками НКВД 28 июня 1937 года, Бела Кун был расстрелян 29 августа 1938 года.

В апреле того же года в Париж прибыл новый официальный

представитель ИККИ Давид Петровский (он же Максимович), а Вильямса отправили в Вену, там должен был состояться готовившийся в условиях нелегальности III съезд КП Югославии. Делегаты на этот съезд, несколько раз переносившийся из-за фракционных раздоров и полицейских репрессий, были избраны еще в декабре прошлого года.

По пути Вильямс остановился в Берлине, чтобы согласно указанию встретиться с проезжавшим представителем компартии Аргентины, кандидатом в члены Президиума ИККИ Викторио Кодовильей. Накануне было принято решение о командировке Б. Д. Михайлова в Южную Америку, и В. Кодовилье была уготована роль инструктора.

Сразу же после беседы последний послал руководству КПА письмо, в котором поделился своими впечатлениями о Вильямсе. Он сообщил, что московскому эмиссару надлежит помочь «в подготовке южноамериканского конгресса, уже откладывавшегося много раз, и в то же время наблюдать за работой наших партий. Таким образом, — продолжал Кодовилья, — речь вдет не о цензоре, а о сотруднике. Не надо забывать это, учитывая опыт прошлого. Я беседовал с ним по широкому кругу наших вопросов, и мы полностью сошлись во мнении… Этот товарищ произвел на меня чрезвычайно благоприятное впечатление. Я полагаю, что на этот раз нам достался полезный сотрудник; с другой стороны, речь идет о достаточно уважаемом в Москве человеке, который выполнял ответственные задания во многих странах»[279].

В письме секретарю Южноамериканского секретариата (бюро) Коминтерна Хосе Пенелону, посланном 25 апреля 1926 года уже из Москвы, В. Кодовилья уточнил, что он имел в виду под «прошлым опытом»: деятельность предыдущего представителя ИККИ в Южной Америке Михаила Алексеевича Комин-Александровского, оставившего о себе дурную память[280]. Опасаясь «повторения пройденного», представитель КПА в разговоре с Г. Зиновьевым коснулся и назначения Вильямса. «Я ему сказал, что нашей партии достаточно представителей типа Александровского, который, вместо того чтобы сотрудничать с нами в политической работе, ей мешал, и мы надеемся, что Вильямс не будет заниматься тем же. Зиновьев мне сказал, что у него нет сомнений относительно способностей Вильямса, поскольку он уже выполнил ряд важных заданий, но, учитывая предшествующие события, он не удивится, если тот пустится плести интриги по русскому вопросу», — информировал В. Кодовилья.

В свете последующих событий любопытна рекомендация, которую дал В. Кодовилья Хосе Пенелону на случай

возникновения конфликта с представителем ИККИ: не поддаваться, продолжая придерживаться собственной линии, но обязательно проинформировав о ситуации руководство Коминтерна[281]. Таким образом, В. Кодовилья заранее, независимо от сути вероятных разногласий, утверждал правоту аргентинской стороны!

Как видно из письма, Г. Зиновьев продолжал считать Бориса Михайлова не то сталинским агентом, не то ловким карьеристом. В этой связи встает вопрос о мотивах отправки Вильямса в далекую Южную Америку. Не исключено, что он сам напросился в командировку. По натуре Вильямс был легким на подъем человеком, склонным к постоянной встрече с неизвестным. В письме Ф.Ф. Раскольникову (работавшему в Коминтерне под псевдонимом Петров) от 24 июля 1925 года есть такие строки: «… Я приобретаю все большую тренировку в области пожирания пространства, что весьма полезно для тех далеких путешествий, о которых мы с Вами в свое время говорили и о которых — пользуюсь случаем Вам это подтвердить — я не забыл думать; всегда готов к ним». Но возможно, что «латиноамериканская страница» в биографии Б. Д. Михайлова появилась благодаря Григорию Зиновьеву.

Сменив паспорт и получив под расписку 1900 долларов от заведующего берлинским пунктом ОМС Александра Абрамова, Вильямс 15 апреля прибыл в Вену. Здесь он пришел к заключению, что, несмотря на требование Президиума ИККИ созвать съезд «немедленно», югославские коммунисты смогут его провести не раньше 15 мая. КПЮ, численность которой не превышала 3 тысяч человек, тогда переживала не лучшие времена: в партии не было единства по важнейшим вопросам, а номинальный генеральный секретарь Триша Кацлерович (1879–1964) уже 8 месяцев как отошел от политической деятельности.

Не желая впустую тратить время, Б. Д. Михайлов с санкции Москвы на пять дней уехал в Швейцарию. Цель поездки состояла в приобретении нового фальшивого паспорта, необходимого для заокеанского путешествия.

Дело в том, что Ж. Эмбер-Дро сумел убедить Б. Д. Михайлова в чудесном свойстве швейцарского паспорта: его владельцу не требовалось визы для посещения стран Нового Света. Уже в Париже обнаружилось, что это совсем не так, и Михайлову пришлось потратить немало времени на хождение в консульства и французское Министерство юстиции. Не обошлось и без взятки (8 долларов!!!) чиновнику аргентинского консульства, в обмен закрывшему глаза на отсутствие необходимых справок.

Съезд КПЮ открылся 17 мая. Вильямс и болгарин Велев (под

своей настоящей фамилией Исааков Нахим он в 1928–1929 годах будет работать в Париже, пока его не вышлют из страны, представителем МОПР) оказали существенное воздействие на подготовку принятых документов и примирение ранее враждовавших фракций. Крайне тактично подошли кремлевские эмиссары к формированию руководящих органов партии. «В своих выступлениях и до, и во время выборов мы заявляли, что в вопросе о составе ЦК мы не хотим и не будем оказывать никакого давления на съезд, — писал позже Б. Д. Михайлов, — связывание авторитета Коминтерна с кандидатурой того или иного товарища представлялось нам рискованным и даже опасным, в особенности в атмосфере еще не улегшейся фракционной вражды. Поэтому на Конгрессе мы, подчеркивая нежелание «давить» на волю съезда, ограничились указанием основных принципов, на основе которых, по нашему мнению, должно быть создано новое руководство партии. В качестве этих принципов мы указывали на: 1) необходимость создания руководства, твердо стоящего на линии, намеченной ИККИ, и политической платформы, разработанной и конкретизированной съездом, без тенденций возврата к былой фракционности; 2) необходимость в целях усиления связи руководства с местами и объединения политической работы партии во всей стране — введения в ЦК и ПБ работников крупнейших областных организаций».

Главой секретариата ЦК КПЮ был избран представитель фракции «меньшинства» Сима Маркович. Кроме него, в секретариат вошли Радомир Вуйович, Джуро Салай и с правом совещательного голоса Райко Йованович. Представителем КПЮ в секретариате Балканской коммунистической федерации был единогласно утвержден Бошко Бошкович. 23 мая Вильямсом и Велевым Иосифу Пятницкому была отправлена телеграмма, где были следующие слова: «Съезд КП Югославии благополучно закончился, результаты отличные».

Б. Д. Михайлов Присутствовал на проходившем в Лилле в июне 1926 года V съезде ФКП, на котором в качестве официального представителя Исполкома Коминтерна с речью выступил Жюль Эмбер-Дро. В своем письме жене швейцарский коммунист, ссылаясь на мнение некоторых «товарищей», утверждал, что Вильямс выполняет во Франции фракционное задание И. В. Сталина[282].

По итогам съезда было избрано новое партийное руководство, в которое по требованию Ж. Эмбер-Дро не вошла Сюзанна Жиро, а Альбер Трэн был низведен до простого члена ЦК. На этой мере он настаивал еще в декабре 1923 года! Появились в политбюро и новые фигуры: профсоюзный активист

Жюльен Ракамон и Альфред Бернар — оба профсоюзные активисты.

Дальнейшие судьбы А. Трэна и С. Жиро сложились непросто. Оба стали активными сторонниками опального Г. Зиновьева и участвовали в 1927 году в нелегальной конференции левооппозиционных групп в Германии, где наряду с немцами, бельгийцем и чехословаком от Советской России присутствовал Георгий Сафаров. На конференции в принципе была достигнута договоренность о создании в подходящее время нового Коммунистического интернационала, однако решение из тактических соображений предлагалось сохранить в тайне. Публично к созданию нового мирового коммунистического объединения призвал лишь в 1933 году Л. Троцкий.

Альбера Трэна за заявление от 3 августа 1927 года, в котором осуждалась политика Коминтерна в Китае, политбюро по горячим следам попыталось вывести из ЦК, но потерпело поражение. Задуманное удалось лишь 9 ноября, после дошедших до Парижа известий об организованных оппозицией в Москве по случаю октябрьского юбилея контрдемонстраций. 31 января 1928 года А. Трэна вместе с Сюзанной Жиро, Анри Барре и Маргаритой Фосскав за поддержку левой оппозиции в ВКП(б) Национальная конференция, обвинив в «троцкизме» (уже было не до деталей), исключила из партии. Вскоре, однако, С. Жиро капитулировала, написав покаянное заявление. В 1930 году ее восстановили в ФКП, что позволило ей получить работу в коммунистическом муниципалитете города Витри. Впрочем, подозрения у коминтерновского руководства оставались. В 1936 году в Париж прибыла сотрудница ИККИ Фанни Езерская (не путать с Романой Езерской), которая, между прочим, в марте 1921 года работала в Германии под руководством А. Я. Гуральского. В качестве одного из заданий ей было поручено проверить Сюзанну Жиро на наличие связей с «троцкистами». В случае обнаружения таковых С. Жиро следовало тотчас снова исключить из ФКП. Но все на этот раз обошлось.

В годы нацистской оккупации С. Жиро участвовала в движении Сопротивления, в 1946–1958 годах была сенатором. В 1967 году советское правительство наградило ее орденом Красного Знамени. Умерла С. Жиро в сентябре 1973 года на 91-м году жизни.

Что касается Альбера Трэна, то он осудил капитуляцию С. Жиро, вступив в непримиримо настроенный *Комитет выправления коммунизма*[283]. Но затем он также обратился с прошением разрешить ему вновь войти в ФКП. Эта просьба была ИККИ отвергнута, и Альбер Трэн спустя некоторое время вступил

в СФИО. Скончался он 25 октября 1971 года в Париже.

Изменения в руководстве ФКП произошли уже в отсутствие Б. Д. Михайлова, отбывшего 25 июня с новым заданием в Аргентину. Через три недели с паспортом на имя Эмиля Шолена из Женевы и пачкой рекомендательных писем от различных фирм Михайлов сошел с трапа парохода в Буэнос-Айресе. Накануне он договорился с Москвой, что будет поддерживать связь через адресатов в Берлине, Вене и Париже. Свои письма и телеграммы из Америки он подписывал псевдонимом Раймонд. Вскоре после прибытия Михайлов совершил поездку с инспекционными целями в Уругвай, результатом которой стал подробный доклад об экономическом и политическом положении в стране и ситуации в Коммунистической партии Уругвая.

В приложенном к докладу письме он информировал ИККИ о неправильной тактике руководства компартии по отношению к депутату-коммунисту в Конгрессе Уругвая Селестино Мибелли, ставшему «уклонистом». ЦК КП Уругвая, вместо того чтобы сделать акцент на политической стороне вопроса, по мнению Б. Д. Михайлова, обрушился на Мибелли с пустяковыми придирками, обвиняя его в грехах, имевших место «3, 4 и даже 5 лет тому назад (вроде обвинения в том, что Мибелли в 1921 году (!) пробыл в Буэнос-Айресе столько-то дней и ни разу не зашел к аргентинским товарищам)». Не сочло нужным КПУ и вовремя проинформировать размещавшийся в Буэнос-Айресе Южно-американский секретариат ИККИ о своем решении созвать расширенное заседание ЦК для обсуждения данного вопроса. Однако расхождения Михайлова с уругвайскими руководителями не носили принципиального характера: он также полагал необходимым применить к С. Мибелли самые жесткие санкции. Мибелли был исключен из КП Уругвая.

Связь ИККИ с Латинской Америкой была в 1920-е годы крайне эпизодической. Только в ноябре Б. Д. Михайлов наконец-то получил первое письмо из Москвы[284]. В этой ситуации у представителя Коминтерна не было иного выбора, как полагаться при решении разнообразных вопросов исключительно на собственное политическое чутье и опыт.

12 августа Б. Д. Михайлов сообщал об увеличени дефицита в бюджете центрального органа КП Аргентины «Интернасиональ» до 2120 песо (примерно 870 американских долларов) в месяц. Кроме того, обнаружилось, что газета задолжала жалованье своим сотрудникам в размере 8237 песо. В связи с этим в ЦК партии «довольно неожиданно» был поставлен вопрос о превращении издания из ежедневного в еженедельное. Представитель ИККИ выступил против, употребив все свое красноречие, но потерпел

поражение. Члены ЦК пришли к выводу, что быстро развернуть кампанию в поддержку газеты невозможно, а на вопрос, почему о необходимых мерах не подумали раньше, один из партийных руководителей ответил: «Кое-что делали, но главным образом надеялись на помощь Москвы».

«Интернасиональ» начал выходить еженедельно с двумя страницами на итальянском языке, предназначенными для иммигрантов.

В письме, датированном 28 августа 1926 года, Михайлов анализировал деятельность Южноамериканского секретариата (бюро) Коминтерна. Отметив, что функционирование данного бюро сводится, по существу, к пропагандистской и информационной работе его секретаря — члена ИККИ Х. Ф. Пенелона (1890–1954), поскольку в качестве структурного подразделения он просто не существовал, Михайлов, исправляя положение, предложил расширить бюро за счет представителей от южноамериканских компартий, сформировать из части его членов Южноамериканское бюро Профинтерна, перевести в Аргентину руководство Антиимпериалистической лиги, а также усилить состав редакции местного журнала «Корреспонденсия судамерикана»[285].

Деятельность Вильямса не ограничивалась исключительно вопросами южноамериканского коммунистического движения. Письмо от 5 ноября 1926 года недвусмысленно свидетельствует о том, что он не забывал выполнять и просьбы Иностранного отдела ОГПУ. «Я узнал, — писал Б. Д. Михайлов, — что у Берта Кенворта (т. е. КП Аргентины. — *М. П.*) есть связи (симпатизирующие люди) в одной иностранной компании, занятой насаждением каучуковых плантаций на только что купленной у местного правительства территории. Я помню, что одно из «соседних учреждений» (где сидит Тр[илисс]ер) ранее интересовалось вопросом — как достать семена каучукового дерева для посадки его в прикаспийской полосе. Спросите «соседей», интересует ли их еще этот вопрос; если да, то местные тов[ари]щи полагают, что эти семена можно здесь достать «частным порядком»; люди, у которых можно получить семена, — специалисты, знающие, как можно семена переправить (что особенно трудно ввиду своеобразных особенностей их прорастания)».

Чем кончилась эта попытка экономического шпионажа неизвестно, однако очевидно, что советские разведывательные органы имели самые смутные представления об условиях произрастания каучуконосов — иначе бы они не планировали их культивировать в засушливых Прикаспийских степях.

Кроме вышеуказанных стран, Б. Д. Михайлов в 1926 году как

представитель ИККИ посетил Чили.

18 августа он писал И. Пятницкому («Михаилу»): «Моя поездка к Лапулоу (т. е. Чили. — *М. П.*) задержалась по ряду причин: 1) Необходимо было здесь довести до конца работу по подготовке Б[уэнос]-А[йресской] конференции. 2) Прямое жел[езно]дор[ожное] сообщение все еще прервано (дорога завалена снегом). 3) Я очень плохо переношу гнилую, холодную, сырую южноамериканскую зиму и каждый третий день лежу в постели с высокой температурой; болит грудь и горло; ехать в таком состоянии с перспективой путешествия на ослах по снежным Кордильерам — значит рисковать свалиться окончательно. 4) Есть затруднения с костюмом (т. е. с паспортом. — *М. П.*). Снабдить меня платком (т. е. визой. — *М. П.*) в учреждении Лапулоу отказались без соответствующего удостоверения из учреждения Франсуа (т. е. Швейцарии. — *М. П.*). Представиться туда я не рискнул, памятуя историю с моим костюмом в учреждении Франсуа у Гибсона (т. е. ЦК партии. — *М. П.*). На днях еду на пару дней в другой город, чтобы попытаться там получить непосредственно от людей Лапулоу все необходимое. Если это выйдет, выеду тотчас же по окончании конференции…»

Так оно и случилось. Конференция партийной организации Буэнос-Айреса завершилась 29 августа, а на следующий день Б.Д. Михайлов сел в поезд, направившийся к чилийской границе. 1 сентября он уже был в Вальпараисо, в конце месяца — в Сантьяго. Чилийская «экспедиция» завершилась в конце октября. Ее результатами Б. Д. Михайлов был доволен: ему удалось подготовить съезд КП Чили, состоявшийся, правда, в его отсутствие в январе.

Отказавшись по неизвестной причине от вояжа в Бразилию, Б. Д. Михайлов весной 1927 года запросился домой. Проинформировав в мае руководство о наличии «серьезных разногласий» в Центральном комитете компартии Аргентины и появлении в этой связи «нелегальной» группы Х. Пенелона, конфликтующей с группой Родольфо Гиольди и Педро Ромо, он тут же предложил нормализовать ситуацию «с помощью Москвы», для чего попросил разрешить ему вернуться на родину. «Прошел уже почти ГОД моей работы в Южной Америке. Связь с Вами слаба. Много[е] объяснить можно только в личном докладе. Я надеюсь, что после этого длинного периода НЕОБХОДИМЫ мой доклад в Москве, участие в обсуждении там моих вопросов, в особенности когда положение создается нелегкое и необходимо не откладывать разрешения этих вопросов»[286], — добавил он.

Письмо Б. Д. Михайлова с просьбой вернуться в Москву было

подкреплено телеграммой секретаря ЦК КП Аргентины П. Ромо. Полученная в Москве 13 июня, она положила начало конфликту, в котором центральной фигурой оказался представитель Коминтерна. Вот ее содержание: «Учитывая общее положение, которое требует принятия немедленных мер по Аргентине, Вильямс просит разрешения приехать в Москву. Мы предлагаем отправить также Гиольди. Причина оппозиция. Пришлите средства на поездку.

Ромо»[287].

Как видим, ничего нового, кроме предложения отправить дополнительно в Москву сторонника руководящей группы в ЦК Р. Гиольди, эта телеграмма не содержала. Однако она опередила письмо Б. Д. Михайлова, а главное, не обсуждалась ни в ЦК КПА, ни в Южноамериканском секретариате. Телеграмма попала в руки Викторио Кодовильи, Встревоженный полученной новостью, он совместно с фактическим руководителем Латинского секретариата Коминтерна Жюлем Эмбер-Дро (его номинальной главы П. Тольятти в это время в Москве не было) направил Ромо и Пенелону ответную телеграмму, в которой выражалось «удивление наличием оппозиции в аргентинской партии». В связи с отсутствием информации по данному вопросу авторы телеграммы предлагали разъяснить, «о какой оппозиции идет речь, чтобы знать, какую резолюцию следует принять».

На другой день телеграмма из Москвы была дополнена письмом в адрес ЦК КПА. Еще раз выразив удивление «неожиданностью» известия о наличии внутрипартийной оппозиции, В. Кодовилья буквально засыпал вопросами своих аргентинских товарищей. «…Видно, что положение серьезное, раз вы предлагаете прислать сюда Гиольди, со своей стороны Вильямс просит разрешения вернуться в Москву, писал представитель КПА при ИККИ. — Но я хочу знать мнение Пенелона по этому поводу. Каково его мнение как секретаря Южноамериканского секретариата и члена ЦК партии? Проконсультировались ли вы у него до того, как послали телеграмму? Содержание ваших телеграмм дает мне основание предположить, что вы этого не сделали. Почему вы так [поступили]? Может, вы считаете, что Пенелон находится в оппозиции? И, следовательно, один из ответственных за эту ситуацию? И о мнении которого нет необходимости справляться? Или, напротив, Гиольди, которого вы вместе с Вильямсом предлагаете отправить в Москву, представляет тенденцию, противоположную Вильямсу?»[288]

Нескрываемая озабоченность В. Кодовильи ситуацией вокруг Х. Пенелона объяснялась существовавшими между ними более

чем тесными, по существу союзническими отношениями. Мотивы альянса были весьма прозаичны: В. Кодовилья был осведомлен о неоднократных попытках Раймонда отозвать его из Москвы в Аргентину, заменив на посту представителя партии при ИККИ Родольфо Гиольди. И хотя П. Ромо, обращаясь в личном письме от 9 августа к В. Кодовилье, уверял, что «твоя деятельность как представителя партии всегда единогласно одобрялась ЦК…», а «предложение Вильямса отозвать тебя мотивировалось не недоверием к тебе, а лишь соображениями партийной работы»[289], то была лишь хорошая мина при плохой игре. К тому же хитрый Х. Пенелон напрямую увязывал намерение отозвать В. Кодовилыо из Москвы с попытками Вильямса ослабить его собственное влияние в КПА. «Не первый день я наблюдаю негласную работу, начатую с согласия представителя Коминтерна несколькими членами ЦК и направленную на достижение двух целей: 1) обязать тебя вернуться — предложение, повторяемое безуспешно время от времени, и 2) свести к нулю мое влияние в партии посредством систематической негласной кампании и с помощью различных предлогов. Ты мне простишь, что я тебе это говорю столь откровенно»[290], — писал Х. Пенелон В. Кодовилье. Он не забыл добавить, что, оказавшись на заседании Южноамериканского секретариата по вопросу о В. Кодовилье вместе с Р. Гиольди в меньшинстве, Вильямс предложил передать в Москву различные точки зрения по данному поводу.

Когда у В. Кодовильи и Ж. Эмбер-Дро не осталось сомнений, что речь идет о расхождениях Х. Пенелона и большинства Центрального Комитета КПА «по вопросу организации профсоюзной работы и, в частности, перспективах приближения войны», они, потребовав дополнительные материалы от конфликтующих сторон, телеграммой на имя Педро Ромо категорически запретили кому бы то ни было «приезжать из Аргентины в Москву для обсуждения вопроса об оппозиции»[291]. Такое решение было на руку Х. Пенелону, вот почему была сделана попытка его утаить.

Отправляясь в Монтевидео, где в это время проходил съезд уругвайских коммунистов, П. Ромо захватил телеграмму с собой. Там он передал телеграмму Вильямсу, который ее разорвал. Позже он объяснял, что поступил так из конспиративных соображений[292]. Однако узнавшему-таки о присланной депеше Х. Пенелону Вильямс и П. Ромо заявили, что уничтожили документ, поскольку он был адресован лично представителю ИККИ[293].

Какая «надвигающаяся война» вызвала раскол в руководстве

КПА? Здесь следует сделать небольшое отступление. 12 мая отряд английской полиции численностью до 200 человек по распоряжению министра внутренних дел Джорджа Хикса ворвался в помещения торгового представительства СССР и Англо-советского акционерного общества (АРКОС) в Лондоне. После четырехдневного обыска английское правительство, обвинив работников этих организаций в военном шпионаже и антибританской пропаганде, приостановило дипломатические отношения и аннулировало торговое соглашение с СССР.

В ответ 26 мая 1927 года политбюро ЦК ВКП(б) по докладу заместителя наркома иностранных дел М. М. Литвинова признало необходимым немедленно отозвать из Великобритании дипломатическую миссию и ликвидировать торговое представительство, отозвав сотрудников. Одновременно было решено на основе предварительной договоренности передать защиту советских граждан и охрану помещения полпредства германскому послу. Вместе с тем Советское правительство отвергло обвинения англичан в шпионаже, как ни на чем не основанные.

Ситуация оценивалась Кремлем как критическая, реально чреватая войной блока западных держав против СССР. 1 июня в «Правде» было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) «Об угрозе военной опасности», в котором говорилось, что «в результате политики империализма почва для мира становится все более шаткой… Война может быть нам навязана, несмотря на все наши усилия сохранить мир. К этому худшему случаю нужно готовиться всем трудящимся, и прежде всего коммунистической, партии». Аргентинские коммунисты, обсудив перипетии англо-советских отношений, решили, несмотря на возражения Х, Пенелона, руководствоваться лозунгом: «Ни мешка пшеницы, ни килограмма мяса армиям империалистов, противостоящим СССР и революционному Китаю»[294].

Забавную интерпретацию событий дал в своей книге «Камарада Викторио» Г. М. Гончаров. Оказывается, «воспользовавшись отсутствием Кодовильи» (!), Х. Пенелон стал проводить курс на «ограничение» работы в профсоюзах выступлениями «за удовлетворение чисто экономических требований, отказавшись от линии партии на борьбу за демократизацию страны, против помещичьей олигархии и засилья империалистических монополий. Он требовал от членов партии — профсоюзных активистов подчинения руководству профсоюзов, находящемуся полностью в руках реформистов, то есть отказывался от независимых политических и тактических позиций. Заявляя, что никто не собирается нападать на Советский

Союз, Пенелон отверг лозунг, выдвинутый партией, — «ни зерна, ни мяса, ничего для врагов СССР», ибо он, мол, парализует экспорт и наносит ущерб аргентинскому народу. Такая позиция, — делал вывод Г. М. Гончаров, — ничем не отличалась от позиции защитников интересов олигархии. Платформа Пенелона фактически полностью соответствовала платформе социал-демократов»[295].

В изложении позиций Х. Пенелона есть доля истины. Конечно, его нельзя считать «защитником интересов олигархии», вряд ли уместно и ставить знак тождества между ним в тот период и социал-демократами, однако действительно Х. Пенелон настаивал на более умеренном курсе партии. Но вот что абсолютно не соответствует действительности, так это роль В. Кодовильи в обозначившемся конфликте. Возможно, Х. Пенелон не всегда был в письмах откровенен с представителем КПА при ИККИ относительно своих планов, но факт, что по крайней мере до января 1928 года они действовали заодно.

Конечно, Б. Д. Михайлов и не подумал подчиниться приказам В. Кодовильи и Ж. Эмбер-Дро. 23 июля он послал очередную телеграмму в Москву, указав на этот раз два адресата: Кодовилье и «Михаилу» (И. Пятницкому). Уведомив, что «борьба в ЦК ужесточается» и «Пенелон ставит вопрос об исключении Ромо и выражении недоверия представителю ИККИ», он «категорически» потребовал разрешить ему вернуться. Маневр удался: полученная в отсутствие В. Кодовильи депеша была передана в Малую комиссию ИККИ, которая дала «добро» на возвращение Б. Д. Михайлова.

7 сентября 1927 года Вильямс, потерявший к этому времени шесть зубов, покинул Аргентину. А конфликт в аргентинской компартии продолжал разрастаться. П. Ромо, уведомив еще раз ИККИ телеграммой от 30 сентября о серьезности кризиса в партийном руководстве, «парализовавшего работу», предложил от имени ЦК послать в Москву для обсуждения «двойную делегацию» с участием Х. Пенелона и Р. Гиольди. В свою очередь Х. Пенелон параллельной телеграммой решительно воспротивился такому разрешению вопроса, утверждая, что «партия настроена против отправки делегации в связи с так называемыми разногласиями», а потому ее отъезд, «требуемый большинством сложившегося ЦК, создаст серьезный кризис». Тем самым, не желая того, он признал остроту противоречий в руководстве КПА и уязвимость своих позиций. В самом деле, Х. Пенелон сумел одной телеграммой совершить сразу три ошибки: подтвердить конфликт с группой П. Ромо; апелляцией к партийной массе укрепить впечатление, что он разрастается; и,

наконец, самоизоляцией от Москвы передоверить собственную защиту исключительно В. Кодовилье.

Большинство ЦК, состоявшее, кроме П. Ромо, из Р. Гиольди, Николаса Казандьевы, Мигеля Бургаса, Марселино Пунье и Луиса Риккарди, приняло решение о сепаратной отправке в Москву «товарища Гиольди, чтобы поставить сформулированные проблемы и потребовать на основе своего доклада немедленного прибытия товарища Пенелона»[296].

С отъездом 27 октября (по другим данным, 28 октября) Р. Гиольди из Буэнос-Айреса П. Ромо утратил большинство в ЦК — сменившее его неустойчивое равновесие позволило Х. Пенелону перейти в на

ступление.

30 октября его фракция, захватив помещение Центрального комитета КПА, с помощью центристов и руководителей двух региональных комитетов добилась принятия резолюции о приостановке работы фракции большинства в ЦК до решения низовых организаций. Затем, стремясь приблизить желательную развязку, Х. Пенелон от имени своих сторонников направил в Москву по существу ультимативную телеграмму. Формально он обращался к В. Кодовилье, а фактически к руководству Коминтерна. «Сложилась безвыходная ситуация, — утверждалось в ней. — Мы твердо решили не работать больше с элементами большинства Центрального комитета. Они фальсифицировали документы, они глумились над резолюциями Центрального комитета, которые они же и приняли, они умышленно игнорировали документы, они посылали по телеграфу ложные тексты, пытаясь создать впечатление, что это резолюции Центрального комитета. Ты очень хорошо знаешь, кто такие Ромо, Риккарди, Пунье и другие. Наибольшую ответственность несут Гиольди и Раймонд. Мы не можем допустить, чтобы четыре интригана-карьериста играли с партией и разрушали то, что было достигнуто после десяти лет труда. Перед лицом этих фактов нет другого решения, кроме немедленного исключения этих четырех элементов, и если станут утверждать, что они достойны быть в рядах коммунистической партии, тогда надо исключить нас».

В ответ на действия группы Х. Пенелона 31 декабря 1927 года большинство преобразовало себя в новый Центральный комитет. Раскол приобрел организационные формы.

Вернувшегося из командировки Бориса Михайлова В. Кодовилья встретил с нескрываемой враждебностью. На состоявшемся 27 октября заседании Латинского секретариата в присутствии Б. Васильева, Ф. Бийу, И. Степанова, А. Де Бука, и М. Хеймо он прямо обвинил только что выступившего с отчетом

Вильямса «в проведении фракционной работы тайно от ЦК партии, а также Южноамериканского секретариата»[297]. Кодовилья требовал прояснить вклад Вильямса в создание в партии «отравленной атмосферы, где интриги играли достаточно большую роль». Не отрицая теперь уже очевидного — обострения в ЦК КПА политических разногласий, — он утверждал, что «эти политические разногласия, которые, с другой стороны, как следует из доклада Вильямса, не столь уж серьезны, можно было разрешить, не вызывая никакого кризиса, посредством дискуссии, абсолютно нормальной в руководящих органах самой партии, или же в низовых организациях, если бы к ним не добавились интриги Вильямса»[298]. В качестве пособника Вильямса по фракционной деятельности В. Кодовилья указал на генерального секретаря партии Педро Ромо. В то же время он ни словом не обмолвился о наличии конфликтных отношений между Х. Пенелоном и оставшимся в Аргентине представителем Профинтерна итальянцем Иво Анеельми (наст. фам. Адзарио). Между тем в отправленном В. Кодовилье в начале августа из Буэнос-Айреса письме Х. Пенелон так разюмировал свое мнение о московских эмиссарах: «Откровенно говоря, Профинтерн нам оказал плохую услугу, послав в Латинскую Америку такого представителя, как Ансельми. С другой стороны, после того, что я тебе сказал в письме, я утверждаю также, что К. И., прислав нам Вильямса в качестве представителя, оказал нам еще одну плохую услугу, ибо он несет большую ответственность, чем Ансельми, за ситуацию, в которой находится партия, поскольку умнее и способнее, чем Ансельми»[299].

Ровно через два месяца В. Кодовилье представился случай продемонстрировать свою неприязнь Борису Михайлову самым грубым образом. Он и другой коминтерновский аппаратчик, швейцарец Эдгар Boor (псевдоним Щтирнер) помешали последнему ознакомиться с содержанием телеграммы ИККИ компартии Аргентины. Текст этой телеграммы обсуждался ood руководством И.П. Степанова и» присутствии приехавшего Р. Гиодвди в помещении Латинского секретариата, и когда случайно зашедший туда Вильямс взял В руки лист бумаги с проектом, В, Кодовилья буквально вырвал его из рук, бросив: «Это не для вас», а Э. Boor «в повышенном тоне» потребовал, чтобы он убирался. И. П. Степанов попытался успокоить присутствовавших, но затем, уступив давлению, предложил Вильямсу покинуть комнату.

27 декабря 1927 года Вильямс обратился с заявлением в Малую комиссию ИККИ. «Я, самым решительным образом протестую против подобного отношения, — писал Михайлов. — Я вижу в этом формальное подтверждение той линии грязных

личных нападок, которую, ведет против меня т. Кодовилла, старающийся прикрыть раскольнические действия правого меньшинства атаками на отдельных т[овари]щей и потопить политические] разногласия в КПА в скверной склоке, клевете и фантастических обвинениях против меня».

В объяснительной записке И. П. Степанов признал, что неоднократно был свидетелем некорректного поведений В. Кодовильи по отношению к Б. Михайлову. Однако его попытки урезонить В. Кодовилыо, как видно из инцидента, успеха не имели[300].

Для разбора «дела об оппозиции» Исполком Коминтерна сформировал в январе 1928 года аргентинскую комиссию. В. Кодовилья, оговорившись, что он не является ни «пенелонистом», ни сторонником большинства, повторил против Б. Д. Михайлова обвинение во фракционной деятельности. Однако к тому времени большинство низовых организаций партии успело высказаться против группы Х. Пенелона и аргументы Обвинения сильно девальвировались. Комиссия поддержала Б. Д. Михайлова, передав собранные ей Материалы на суд Президиума Исполкома Коминтерна. Вердикт был вынесен 9 апреля. По всем спорным вопросам была признана правота большинства ЦК КПА. *«Относительно позиции представителя Коминтерна, — говорилось в постановлении, — Президиум считает, что его политическая линия и борьба против опасности оппортунизма в партии были оправданны и необходимы; оправданны также были посланные им вовремя в Коминтерн сигналы об этой опасности. Зато в применении этой линии он допустил несколько ошибок, которые по ряду вопросов совпали с ошибками большинства ЦК. Что касается дискуссии по вопросу о телеграмме, Президиум отмечает, что представители Коммунистического интернационала во все времена имели право посылать телеграммы в К. И., не информируя о них Центральные Комитеты, к которым их прикомандировывали, или же уведомляя о них ЦК или индивидуально некоторых из членов ЦК лишь в той мере, в какой сочтут необходимым. Однако телеграмма представителя ИККИ от 13 июня 1927 года по форме была ошибочна, как и уклонение от выполнения инструкций, содержавшихся в телеграмме Исполкома Коминтерна от 23 июня 1927 года, касавшихся немедленной отправки в Исполком детальных докладов большинства и меньшинства относительно политических разногласий. Но Президиум придерживается того мнения, что вопрос о телеграмме есть вопрос второго или третьего порядка, недопустимо выдвинутый на первый тан группой Пенелона, чтобы замаскировать политические дискуссии определяющего характера»*[301].

Не исключено, что решающим в судьбе Х. Пенелона стал день 30 октября, когда он, обращаясь с речью к своим сторонникам, несколько раз повторил: «В Коммунистическом интернационале решает только рука Сталина»[302]. Эта фраза, указывавшая на диктаторские замашки «вождя народов», была встречена аплодисментами, но ее запретили внести в протокол присутствовавшим членам ЦК т Орестесу Гиольди (псевдоним Гитор) и Х. Маллио-Допесу. Пугающе откровенная, она вполне могла побудить даже пробухарински настроенных коминтерновских аппаратчиков поставить крест на Х. Пенелоне.

Осужденный в ноябре 1928 года на VIII съезде партии Х. Пенелон образовал так называемую Коммунистическую партию региона Аргентины. Большинство из присоединившихся первоначально к Х. Пенелону коммунистов уже в 1928 году отошли от него. Но даже когда фиаско Хосе Пенелона стало очевидным, в КПА официально насчитывалось не более 2400 членов.

По иронии судьбы, новым руководителем Южноамериканского секретариата (бюро) стал В. Кодовилья, который вместе с П. Ромо и Р. Гиольди образовал триумвират, возглавивший КПА.

Подводя итог аргентинскому периоду деятельности Б. Д. Михайлова, уместно задать вопрос: так была ли в КПА «оппозиция Х. Пенелона»? Думается, что до заседания Центрального Комитета 20 июля следует говорить о **разногласиях непринципиального характера**. Другое дело, что Х. Пенелон вел себя как настоящий «касик», ревниво оберегая свои истинные и мнимые прерогативы и не допуская даже гипотезы о контроле со стороны партийных органов. Изменить ситуацию Б. Д. Михайлов мог, лишь спровоцировав вмешательство Москвы, что и было сделано. Только вряд ли представитель ИККИ ожидал, что события примут столь драматический характер.

Б. Д. Михайлов стал работать заместителем заведующего Ближневосточной секцией Восточного лендерсекретариата и одновременно заместителем руководителя Балканского лендерсекретариата ИККИ. Но возглавлявший Восточный лендерсекретариат Отто Куусинен не ужился с Б. Д. Михайловым, и он сумел найти изящный способ избавиться от неугодного подчиненного. Когда в апреле 1929 года решением Президиума ИККИ была образована под председательством О. Куусинена комиссия по рассмотрению положения в компартии США, Б. Д. Михайлов стал ее секретарем. Комиссия, в которую среди прочих входили И. Сталин, В. Молотов, Д. Мануильский, отстранила от руководства КП США фракцию Джея Ловстона, открыто

ориентировавшуюся на Н. И. Бухарина[303]. После завершения работы американской комиссии Вильямс уже не занимался ближневосточными делами и «плавно» переключился на проблемы американского коммунистического движения, в том числе и в латиноамериканских странах. Это, в свою очередь, вызвало раздражение у Жюля Эмбер-Дро. Подвергнутого опале, его отправили по линии Профинтерна в Аргентину и Уругвай. Из Берлина, где по дороге ему пришлось сделать остановку, Ж. Эмбер-Дро послал письмо Д. З. Мануильскому (Ману), в котором, в частности, были такие строки: «Я также узнал, что воспользовались моим отъездом, чтобы к руководству делами Латинской Америки привлечь т[оварища] Вильямса, которого т[оварищ] Куусинен должен был удалить из своего секретариата за его ультралевую политику. Т[ак] к[ак] Вильямс был всегда и почти по всем вопросам американских партий в оппозиции к политике, которую я проводил до сих пор с согласия президиума (ИККИ. — *М. П.*), я не могу рассматривать его назначение иначе, как желание изменить политику в Латинской Америке, и я заранее отказываюсь от последствий такой сектантской и раскольнической политики»[304].

Б. Д. Михайлов не был «ультралевым», и в порыве своего гнева Ж. Эмбер-Дро явно сгущал краски. Впрочем, на Д. З. Мануильского послание воздействия не оказало, и Вильямс в октябре 1929 года был даже утвержден членом Южноамериканского бюро. Еще раньше — в мае того же года — его послали в Нью-Йорк в качестве представителя Исполкома Коминтерна при компартии США. В начале декабря 1931 года в Бомбее Михайлов был схвачен местной полицией. Путешествовавшего по фальшивому американскому паспорту коминтерновца англичане намеревались переправить в штаб-квартиру Интеллидженс сервис. Но в Москве узнали об этом плане. Решено было с помощью сотрудника ОШУ Абрама Осиповича Эйнгорна воспрепятствовать доставке Михайлова в Лондон. Операция прошла блестяще. В первый день нового года А. О. Эйнгорн прибыл с перевоплотившимся в австралийца Б. Д. Михайловым в Москву.

Случайны ли были бомбейские злоключения Михайлова? Думается, нет. По утверждению Дж. Беннет, руководительницы Исторического отдела Документально-справочного департамента Министерства иностранных дел Великобритании, британская разведка имела своих агентов не только в ЦК КП Великобритании, но и в московском аппарате Коминтерна, откуда точная информация поступала вплоть до 1931 года[305].

По возвращении из заграницы Б. Д. Михайлов поступил

слушателем в Институт красной профессуры, который окончил в 1933 году. Параллельно Вильямс продолжал работать в аппарате Коминтерна, в Англо-американском секретариате. Он по-прежнему занимался коммунистическим движением в США. В круг его обязанностей входил анализ ситуации в стране и в компартии, разработка инструкций по различным вопросам и подготовка решений руководящих инстанций Коминтерна[306]. В августовском номере за 1932 год журнала «Коммунистический Интернационал» Б. Д. Михайлов опубликовал статью, посвященную движению в США бывших солдат — участников Первой мировой войны. Она не отличалась оригинальностью, прекрасно иллюстрируя левацкий курс Коминтерна в тот период» Утверждая, что движение ветеранов войны носит «объективно революционный характер», что было, мягко говоря, преувеличением, Михайлов обрушился на занявших «подлую» позицию «социал-фашистов» и «предательский меньшевизм» троцкистов, тем самым воспроизведя два основных идеологических штампа Коминтерна, пущенных в оборот в 1927–1929 гг.[307].

В 1933–1934 гг. Б. Д. Михайлов работал инструктором антивоенной комиссии Бела Куна, К этому времени относятся воспоминания Маргарете Бубер-Нейман, познакомившейся с ним в коминтерновской гостинице «Люкс»: «В мае 1932 года Гейнц Нейман и я поселились в комнате на третьем этаже «Люкса». Нашим соседом справа был французский коммунист Андре Марти, несколькими комнатами дальше, слева, жил «Вильямс», русский специалист по Индии в Коминтерне, со своей подругой, которая застывшей улыбкой, казалось, извинялась перед каждым за свое присутствие. «Вильямс», маленький худощавый человек с желтым, нездоровым цветом лица, ходил утром и вечером в шелковом халате с восточным орнаментом, соответствующим стилю его комнаты, стены которой были украшены кожами змей и занавесками яркой окраски с причудливым рисунком. В память о своей дальневосточной работе он привез малярию. Когда он говорил об этой болезни, то можно было уловить гордость за то; что он пожертвовал своим здоровьем во имя мировой революции»[308]. В этом отрывке есть две неточности: Б. Д. Михайлов зная Индию не больше, чем другие страны, в которых побывал, а заразился онмалярией не на Дальнем Востоке, а в Закавказье летом 1920 года.

С марта 1934 года Б. Д. Михайлов работал помощником Георгия Димитрова[309], однако официально он был утвержден в этой должности лишь 15 августа. 27 марта 1935 года члены Политкомиссии Политсекретариата ИККИ Г. Димитров, И. А.

Пятницкий, Макс Рихтер, В. Пик, Ван Мин, Эрколи, Б. Бронковский, В. Кнорин летучим голосованием удовлетворили просьбу главного редактора газеты «Правда» Л. З. Мехлиса о переводе Б. Д. Михайлова в его распоряжение. Хотя в протоколе речь шла о конкретной дате — с 1 апреля, — практическое решение вопроса затянулось на месяц, пока его согласовывали в ЦК ВКЩб). 1 мая 1935 года Борис Михайлов покинул аппарат Коминтерна, чтобы в июне отправиться в качестве корреспондента в Париж. Периодически для освещения деятельности Лиги Наций он выезжал в Женеву.

Еще в период своей работы помощником Генерального секретаря ИККИ Б. Д. Михайлов случайно встретил во время командировки во Францию бывшего члена Президиума и Политсекретариата ИККИ Анри Барбе. Произошло это где-то на улице парижского пригорода Сен-Дени. Закамуфлированная под полемику по вопросу взаимоотношений с руководством социалистов борьба за лидерство в ФКП между Жаком Дорио и Морисом Торезом достигла своего апогея. Выведенный еще в 1931 году из высших коминтерновских инстанций й политбюро ЦК ФКП А. Барбе примкнул к Ж. Дорио, превратившему мэрию Сен-Дени в свой оплот. БД. Михайлов пытался уговорить А. Барбе порвать с Ж. Дорио, но безуспешно. 27 июня 1934 года ЦК ФКП исключил Ж. Дорио из партой, в сентябре того же года аналогичное решение было принято относительно А. Барбе.

Дальнейшая судьба двух ренегатов хорошо известна: на следующий день после исключения из ФКП Жак Дорио провозгласил создание Французской народной партии (PPF), генеральным секретарем которой вскоре стал Анри Барбе. В годы оккупации Франции нацистами оба активно поддерживали «новый порядок», за что А. Барбе после войны был подвергнут заключению. Жак Дорио погиб в феврале 1945 года в Германии во время авианалета.

О встрече с Б. Д Михайловым в Сен-Дени поведал в мемуарах сам А. Барбе. Однако он ошибочно приписал своему давнему знакомому должность заведующего пресс-бюро советского посольства, которую тот никогда не занимал[310].

В мае 1936 года Б. Д. Михайлов получил пост заведующего иностранным отделом газет «Правда», однако всего через 3,5 месяца его перевели на новую работу. Дело в том, что летом встал вопросо заместителе ответственного руководителя ТАСС, которым тогда являлся поляк Якоб Долецкий (1888–1937). Л. М. Каганович, А. А. Жданов и Н. И. Ежов предложили кандидатуру Я. С. Хавинсона (1901–1989), в то время заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского горкома ВКЩб). Но

Сталин остановил свой выбор на Б. Д. Михайлове. 24 августа 1936 года он телеграфировал Л. М. Кагановичу из Сочи: «ТАСС — дело большое, а оно засорено всякой мелкобуржуазйой тварью. В заместители надо дать человека более крупного, владеющего языками, способного вычистить из ТАСС всю мерзость и органически связанного с «Правдой». Может быть, Михайлов из «Правды» подошел бы? Надо бы дать человека вроде Михайлова плюс два-три Хавинсонов».

Сталинские подручные отреагировали быстро — 27 августа из Москвы в Сочи ушла депеша за подписью Л.М. Кагановича и Н.И. Ежова: «В соответствии с вашими указаниями приняли следующее решение: 1) Назначить в ТАСС первым заместителем Михайлова, освободив его от работы в «Правде». 2) Вторым заместителем Хавинсона…»[311]

28 августа 1936 года Б.Д. Михайлов занял официально должность первого заместителя руководителя ТАСС, однако ненадолго. Уже в декабре того же года по ходатайству редакции «Правды» он вновь стал работать в газете.

11 мая 1937 года в «Правде» за подписью Бориса Михайлова вышла большая, ставшая, по существу, установочной статья «Троцкистско-фашистский путч в Барселоне». В ней Б. Д. Михайлов утверждал, что главную ответственность за кровавые события в Барселоне несет «троцкистская» ПОУМ, давно готовившая «в поддержку Франко» вооруженное выступление. Пособницей троцкистов оказалась «незначительная группа крайних элементов ФДИ» (т. е. Федерации анархистов Иберии), которых он запросто отнес к «бандитам и ворам». При этом Михайлов приписал троцкистам идеи и лозунги анархистов.

Верно, что большинство испанских и прибывших из-за границы троцкистов группировались именно в ПОУМ. Но в, то же время сам Л. Троцкий, осуждая участие ПОУМ в, Народном фронте, считал ее руководителей «оппортунистами». Статья свидетельствовала, что к 1937 году Б. Д. Михайлов превратился в крупную фигуру сталинского агитпропа.

18 мая в «Правде» появляется новая, посвященная юбилею работы Карла Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» статья Михайлова, а неделю спустя, 27 мая 1937 года, была арестована работавшая референтом сначала в секретариате Иосифа Пятницкого, а затем Михаила Москвина сестра Б. Д. Михайлова — Добровольская (урожденная Михайлова) Агнесса Даниловна — та самая, на чьи деньги он жил в ссылке в Германии. Она пришла в аппарат Коминтерна в октябре 1924 года из Закавказского Наркомфина явно при содействии брата[312]. Если бы он знал, чем в конечном счете обернется его протекция!

14 сентября 1937 года А. Д. Добровольскую приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли. Однако эти события никак не сказались на карьере Бориса. В 1938 году ему доверили пост ответственного редактора выходившего на французском языке еженедельника «Журналь де Моску». Эта газета была основана в январе 1934 года под эгидой Народного комиссариата иностранных дел. Первым ее редактором стал сменовеховец Сергей Сергеевич Лукьянов, в прошлом колчаковский министр. Тем самым изданию хотели придать облик «независимого». С этой же целью сразу ввели наряду С официозной передовой колонку под постоянным заголовком: «Мысли на Полях страницы». Ко времени прихода Б. Д. Михайлова «Журналь де Моску» существенно деградировал. Иначе и не могло быть, учитывая, что деятельность всех его предшественников, включая Стефана Раевского и Виктора Кина (наст. фам. Суровикин), завершилась арестом. Отдел культуры благодаря участию квалифицированных авторов поддерживался на прежнем хорошем уровне, но в разделе политики стали преобладать чисто официальные материалы. Тем не менее в газете продолжали регулярно публиковаться статьи на внешнеполитические темы, написанные сотрудниками Отдела печати НКИД или даже лично наркомом Максимом Максимовичем Литвиновым. Заместителем Б. Д. Михайлова в еженедельнике некоторое время был Евгений Владимирович Гиршфельд, ранее работавший советником в полпредстве СССР во Франции. С отставкой М. М. Литвинова в ночь на 4 мая 1939 года издание прекратило свое существование, но Б. Д. Михайлов не остался без дела и возглавил журнал «Ревю де Моску». И это несмотря на то, что арестованный в декабре 1938 года известный журналист Михаил Кольцов-Фридлянд указал на Бориса Михайлова как на «осведомителя» французского разведчика Люсьена Вожеля[313]. На новом месте БД. Михайлов проработал до начала Великой Отечественной войны.

Мобилизованный 22 июня 1941 года Михайлов 1,5 года находился в действующей армии, сначала в качестве военного комиссара дивизиона, затем — помощника командира артиллерийского полка. Участвовал в обороне Москвы. В конце 1942 года его отозвали с фронта и прикомандировали к Совинформбюро, где он заведовал отделом США, потом отделом Латинской Америки. В начале января 1945 года его отправили в качестве представителя Совинформбюро во Францию.

8 мая 1946 года Б. Д. Михайлов писал драматургу и романисту Всеволоду Иванову: «Сижу я в Париже уже свыше 15 месяцев. Приехал сюда, еще когда шла война, видел здесь ее

конец и праздники победы. В Париж я попал довольно фантастическим путем: от Баку самолетом в Тегеран, где прожил 10 дней, оттуда самолетом в Багдад, из Багдада воздухом в Дамаск, оттуда автомобилем в Бейрут, из Бейрута автомобилем в Палестину, откуда поездом в Каир, где жил довольно долго, оттуда через всю Северную Африку в Алжир — на английском военном самолете, затем из Алжира через море в Марсель и из Марселя самолетом в Париж. Все это путешествие заняло 33 дня: времена тогда были трудные, шла война. Повидал многое; видно, уж до конца дней моих судьба будет так мотать меня по белу свету.

В Париже мне уж довольно надоело, мечтаю, когда кончатся всяческие конференции, попасть в Москву»[314].

Во Франции Б. Д. Михайлов занимался «проталкиванием» произведений советских писателей в издательства и литературные журналы, а также редактировал газеты «Нувель совьетик» и «Ви совьетик». Мечта Б. Д. Михайлова сбылась лишь в апреле 1947 года, когда его назначили на пост заведующего отделом печати Западной и Южной Европы Совинформбюро. Позже он перешел на работу в журнал «Новый мир», который возглавлял Константин Симонов. Найденный в Российском государственном архиве литературы и искусства документ свидетельствует, что в декабре 1947 года Михайлов занимался редактированием перевода с английского романа «Кингсблад, потомок королей» Синклера Льюиса[315]. В том же году как старого большевика, участника Великой Октябрьской социалистической революции Б. Д. Михайлова наградили орденом Трудового Красного Знамени[316].

Ничто не предвещало катастрофы, но в 1949 году, в разгар «ленинградского дела» (совпадение?), Бориса Михайлова арестовывают и осуждают «за антисоветскую агитацию». Умер он в 1953 году, не дождавшись окончания срока заключения. По ходатайству вдовы в 1956–1957 годах его оправдали сначала в судебном, а затем и партийном порядке.

Патриарх советской карикатуры Борис Ефимович Ефимов (двоюродный брат Михаила Кольцова) 23 апреля 2001 года в разговоре с автором книги отозвался о Б. Д. Михайлове как о «довольно яркой фигуре, культурном, приятном человеке». Он вспомнил свою последнюю беседу с ним в редакции «Нового мира» на Малой Дмитровке. Видимо, нуждавшийся в деньгах Б. Д. Михайлов предложил Борису Ефимовичу купить французское издание «Графа МонтеКристо».

— Но у меня сейчас нет денег, — замялся Б. Е. Ефимов.

— Ничего, ничего, берите пока первый том, он у меня

здесь, — и протянул книгу в изящном переплете.

Вскоре до Б. Е. Ефимова дошла весть, что Борис Михайлов арестован. На память осталась книга…

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Иностранцы, работавшие во Франции в 1919–1926 гг. по заданию ИККИ

1. Абрамович А. Е.
2. Арманд Инесса
3. Бертынь З.
4. Бордига А.
5. Брун Елена
6. Валецкий Максимилиан (наст. фам. Хорвиц)
7. Ватле Мари (наст. фам. Шапиро Ханна)
8. Визнер А.
9. Волин Борис Михайлович
10. Вуйович Воислав
11. Вуйович Радомир
12. Гольцман Эдуард Соломонович
13. Гесслер Г.
14. Герё Э.
15. Гуральский А. Я.
16. Давтян Я.Х.
17. Далем Ф.
18. Деготь В. А.
19. Денгель Филипп
20. Джерманетго Джованни
21. Дюре Жан (наст. фам. Кароль)
22. Иванов С.М.
23. Идельсон Борис Иосифович
24. Коларов В.
25. Курелла (псевд. Бернар) Альфред
26. Кэмпбелл Джон
27. Лекай
28. Ленский Юлиан (псевд. Андре Дюбуа)
29. Лозовский С. А.
30. Мануильский Д. З.
31. Михайлов Б. Д.
32. Митковицер А.
33. Петровский Давид Александрович (наст фам. Липец)
34. Поль К. А.
35. Похитонов (Вульферт) Борис
36. Ракоши М.
37. Рой М. Н.
38. Русакова Л. А.

39. Солуянова Н. Н.
40. Соколовская С. И.
41. Страуян Я.
42. Стэн (В. И. Забрежнев?)
43. Тальгеймер Август
44. Хейфец Г. М. (он же Гаврилов-Гримериль)
45. Хитаров Р. М.
46. Цеткин К.
47. Шюллер Р.
48. Эмбер-Дро Ж.
49. Эйнгорн А. О.

Приложение 2
М. М. Пантелеев. Репрессии в Коминтерне (1937–1938 гг.)[317]

«Это был год всемирно-исторических побед большевизма, торжества Сталинской Конституции, невиданного морально-политического единства нашего народа и сплоченности вокруг великой партии Ленина — Сталина… Это был год, когда партия большевиков и советский народ Неизмеримо окрепли и одержали неисчислимые, решающие победы над врагами». Так центральный орган ВКП(б) газета «Правда» подводила в передовой статье итоги 1937 г.[318]. Однако сотни тысяч советских граждан, коммунистов и беспартийных провожали его с чувством боли за своих погибших или томящихся в тюрьмах близких, со страхом вглядываясь в собственное будущее. Те же настроения царили в коминтерновских кругах. Впоследствии Айно Куусинен (жена секретаря и члена Президиума Исполкома Коминтерна Отто Куусинена) расскажет в своих воспоминаниях, как в канун нового, 1938 г. один из соратников ее мужа Станко Сапунов, поднимая бокал, произнес тост. «…Давайте, — говорил он, — закончим этот год ужасов с надеждой и верой в то, что следующий год будет счастливей, а страшные события 1937 года канут в небытие»[319]. В пять утра первого дня 1938 г. А. Куусинен была арестована, а затем был арестован и С. Сапунов.

Задачей данной статьи является определение числа людских потерь в аппарате Исполкома Коммунистического интернационала в 1937–1938 гг., а также выяснение их причин, далеко не всегда очевидных. Речь пойдет только о тех лицах, которые в момент ареста являлись сотрудниками коминтерновского аппарата, или были уволены из Коминтерна и не сумели найти иную работу, или же по какой-то причине продолжали оставаться на партийном учете в комячейке ИККИ[320]. Людские потери примыкавших в Коминтерну организаций, таких, как Издательство иностранных рабочих в СССР, Коммунистический интернационал молодежи, Профинтерн, Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Международная ленинская школа (МЛШ), Коммунистический университет национальных меньшинств Запада й др., нами не рассматриваются.

В качестве источников в основном были использованы хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) фонды различных отделов и

служб аппарата Коминтерна. Благодаря анализу этого документального материала нам удалось определить с высокой степенью точности число сталинских жертв — 113 репрессированных коминтерновцев.

Наибольшие потери аппарат Коминтерна понес в1937 г. — было репрессировано не менее 87 человек. В следующем году, по нашим подсчетам, было репрессировано 20 сотрудников ИККИ. Год ареста еще шести человек точно неизвестен. Для сравнения скажем, что в штатном расписании отдела кадров аппарата Коминтерна в 1937 г. значилось 492 человека, начиная с генерального секретаря ИККИ Георгия Димитрова и кончая истопниками. К 1 октября 1938 г. штат сотрудников коминтерновского аппарата возрос до 509 человек. И это несмотря на массовые увольнения его сотрудников по политическим мотивам, прикрытые формулировками: «уволен по сокращению штатов» или «уволен как неподходящий для работы в аппарате Коминтерна». Только с 1 января по 17 сентября 1937 г. было отчислено 256 человек, включая обслуживающий персонал, больше половины всего кадрового состава. Увольнения осуществлялись сначала по результатам деятельности так называемой Комиссии Секретариата ИККИ по проверке аппарата, куда входили кандидаты в члены Секретариата ИККИ Меер Москвин (Трилиссер) и Вильгельм Флорин, член Интернациональной контрольной комиссии Ян Анвельт, а также сотрудники отдела кадров и управления делами ИККИ. Затем работа была продолжена под руководством сформированной в мае 1937 г. Особой комиссии по проверке работников аппарата ИККИ в составе Г. Димитрова, М. Москвина и секретаря ИККИ Дмитрия Мануильского, отвечавшего в Коминтерне за кадровую работу. Комиссии работали в тесном контакте с органами НКВД, о чем свидетельствуют сохранившиеся на составленных ими списках намечаемых к отчислению лиц пометы типа: «1 экземпляр посл[ан] т. Агранову[321], 23/3—37» или «послано к с[оседям]» — т. е. к сотрудникам госбезопасности. Кроме списков, на многих посылались развернутые характеристики, главным получателем которых было 11-е отделение 3-го Отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, осуществлявшее с 1936 г. непосредственный контроль за политической благонадежностью коминтерновцев. Во главе отделения в 1936–1938 гг. стоял Лев Михайлович Полячек. В 1939 г. он сам стал жертвой сталинских репрессий. Заместителем Полячека в 1938 г. был Александр Лангфанг, известный своей крайней жестокостью к арестованным.

В связи с массовыми увольнениями многие сотрудники

Коминтерна накануне ареста находились не у дел, некоторые из них уже несколько месяцев занимались поисками нового места службы. Если уволенная 16 октября 1938 г. из секретариата Г. Димитрова **Елена Вальтер** была арестована уже 18 октября (сам Димитров в это время был в отпуске), то уволенный 15 января того же года из секретариата Эрколи немец **Вернер Петерман** был арестован лить 27 марта. Еще большим оказался интервал между увольнением и арестом у секретаря представительства Компартии Польши при ИККИ **Яна Боровского** (Людвик Коморовский): уволенный из ИККИ 17 июля 1937 г., исключенный из партии «за потерю бдительности и пособничество врагам», он был арестован 7 октября 1937 г. Однако по крайней мере 42 коминтерновца были арестованы «на рабочем месте» и уволены из аппарата ИККИ задним числом. Среди них — заведующий отделом кадров **Геворк Алиханов** и заведующий сектором прессы и пропаганды **Антон Краевский (Владислав Штейн)**, арестованные 26 мая 1937 г.; начальник радиоцентра службы связи **Илья Кожевников (Кожевник)**, арестованный 22 марта 1938 г.; представитель компартии Дании Арне Мунк-Пегерсен и представитель компартии Югославии при ИККИ **Стефан Флейшер (Иван Гржетич)**, арестованные соответственно 27 июля и 14 августа 1937 г.

Ряд сотрудников ИККИ был арестован сразу же по возвращении из заграничной командировки. Такая судьба постигла сотрудников службы связи ИККИ немца *Карла Брихмана* (псевдоним **Винтер**), швейцарку **Лидию Дюби** (псевдоним **Паскаль**) и советского гражданина **Давида Липманова** (кличка **Глезер**). Немедленно по возвращении из командировки в феврале 1937 г. была арестована сотрудница латвийской секции ИККИ **Ольга Зведре**, а также сотрудница польской секции **Романа Езерская (Вольф)** и сотрудник отдела кадров **Казимир Циховский**. отозванные в Москву в августе 1937 г. Согласно сведениям Айно Куусинен, немец **Гуго Эберлейн**, один из основателей Коммунистической партии Германии, был арестован прямо на вокзале, сразу по прибытии в Москву из Парижа. Айно встретилась с ним, уже тяжело больным, на этапе в Архангельске[322].

Наиболее пострадали в период «чистки» 1937–1938 гг. советские сотрудники аппарата (25 арестованных), поляки (22 арестованных), немцы (15 арестованных) и латыши (14 арестованных). Кроме того, были арестованы 8 югославов, 5 румын, 5 эстонцев, 4 финна, 3 болгарина, 3 швейцарки, 2 американца, 2 иранца, венгр, датчанин, кореец, литовец, француз. Однако на момент ареста абсолютное большинство сотрудников

аппарата ИККИ, независимо от своего национального происхождения, являлись гражданами СССР. Кроме того, согласно установленным правилам, несоветские сотрудники аппарата ИККИ должны были из своих партий переводиться в ВКП(б). Возвращаясь на родину или отправляясь в длительную командировку в какую-то страну, они вступали в местную компартию. Разумеется, были и исключения. **Гуго Эберлейн**, как и его соотечественники **Берта Даниэль** (урожденная **Дик**) и **Генрих Майер** (псевдоним **Мост**), на момент ареста не имели никакого гражданства. Начавшая свою политическую деятельность в германской компартии советская гражданка **Ирина Баум** (псевдоним **Гартман**) благодаря замужеству получила швейцарское подданство. **Л. Дюби** и **Берта Циммерман** (жена Фрица Платте на) сумели, несмотря на многолетнюю службу в Коминтерне, сохранить швейцарское гражданство, а последняя не состояла даже ни в одной из компартий. Не перешел в советское подданство работавший в алма-атинском пункте службы связи ИККИ болгарин **Петко Петков** (псевдоним **Отнян Янтаров**), арестованный в 1937 г.

Были и более сложные случаи. Так, числившийся по всем спискам и картотекам как француз Морис Альбер родился в Варшаве, в 1919 г. был выслан из Франции. Вряд ли он, когда-либо имел французское гражданство и тем более состоял в ФКП. Но, став сотрудником отдела переводов ИККИ, он через два года вступил в партию большевиков и получил советское гражданство.

Какие службы Коминтерна наиболее пострадали во время «чистки»? Прежде всего секретариаты с примыкающими к ним представительствами компартий различных стран: во-первых, просто потому, что они вбирали основную массу ответственных политработников Коминтерна; во-вторых, именно здесь «проштрафившиеся», с точки зрения Сталина и его подручных, коммунисты были более всего на виду. В 1937–1938 гг. из числа сотрудников аппаратов секретарей ИККИ был арестован 41 человек.

Затем идет служба связи ИККИ, до 1936 г. именовавшаяся Отделом международной связи (ОМС), — 34 человека. Далее по убывающей: отдел кадров — 11, отдел пропаганды и массовых организаций — 6, редакция журнала «Коммунистический Интернационал» — 5, отдел переводов — 3, аппарат Интернациональной контрольной комиссии — 3, бюро секретариата ИККИ — 2, архив — 2, управление делами — 1. Кроме того, 5 югославских коммунистов: **Акиф Шеремет**, (он же **Карл Бергер**), **Грегор Вуйович, Рудольф Херцнгоня. Илаи Мартынович, Владимир Чопич** (он же **Сенько**) — в момент

ареста находились в распоряжении отдела кадров ИККИ, т. е. фактически были не у дел.

В архивных фондах Коминтерна сохранился интересный документ: докладная записка на имя М. Москвина заместителя заведующего отделом кадров Моисея Черномордика. Она датирована 7 января 1937 г. В этой записке! речь идет о «ряде политэмигрантов, не пользующихся политическим доверием». Среди перечисленных лиц — **Р. Херцнгоня и А. Шеремет**. Особо беспокоился М. Черномордик по поводу А. Шеремета, который еще в 1932 г. был исключен Интернациональной контрольной комиссией из КП Югославии, а затем сослан решением ОГПУ в Алма-Ату на 3 года по обвинению в провокации. С просьбой арестовать А. Шеремета в органы госбезопасности в то время обратился работавший заведующим отделом кадров ИККИ А. Краевский, который утверждал, что есть «серьезное основание считать его (т. е. А. Шеремета. — *М. П.*) провокатором». Р. Херцнгоня, исключавшийся в 1936 г, из партии, но затем восстановленный, обвинялся в докладной записке в том, что, «по сведениям НКВД, в связи с убийством тов. Кирова распространял клеветнические измышления». Полагая, что «дальнейшее пребывание таких лиц в Советском Союзе становится опасным», отдел кадров предлагал организовать отправку неблагонадежных политэмигрантов за границу, «выдачу же документов произвести через МОПР, МЛШ или секции». В частности, как это следует из других документов, КПЮ предполагала послать Р. Херцигоню во Францию для работы среди эмигрантов, а А. Шеремета — в Югославию. Но органы НКВД решили по-иному. Р. Херцигоня был арестован 23 августа 1937 г., а А. Шеремет — 19 июля 1938 г. 7 июля 1938 г. Интернациональная контрольная комиссия отказала А. Шеремету в восстановлении в партии. А автор докладной записки М. Черномордик, уволенный из аппарата ИККИ 14 июня 1937 Г; «как враг народа» (стереотипная формулировка, использовавшаяся в случае ареста), 14 сентября того же года был расстрелян.

Из аппаратов секретарей наибольшие потери понес секретариат Меера Москвина, курировавший Латвию, Литву, Финляндию, Эстонию, а также Польшу, — 21 человек. На втором месте — секретариат В. Пика, курировавший Балканские страны и Иран, — 5; затем идут секретариат О. Куусинена, занимавшийся комдвижением таких стран, как Индия, Корея, Сиам, Япония; секретариат Д. Мануильского, ведавший романскими странами, включая Францию, и секретариат В. Фляорина — по 3 человека; секретариаты Г. Димитрова, А. Марти «потеряли» по 2 сотрудника; наконец, в секретариате Ван Мина, курировавшем

коммунистов Латинской Америки, и в секретариате Эрколи арестовали по 1 сотруднику.

Сопоставление потерь аппарата Коминтерна по странам сразбивкой арестованных по его функциональным службам отчасти объясняет причину резкого выделения на общем фоне секретариата М. Москвина: значительная доля в нем до «чистки» выходцев из Польши и Латвии. В самом деле, среди репрессированных Сотрудников секретариата М. Москвина поляков было 8 человек, латышей — 4, финнов — 3, эстонцев — 3, советских граждан — 2, литовец — 1. Как известно, компартии этих стран наряду с компартией Германии понесли наибольшие человеческие жертвы в результате сталинского террора, а компартия Польши 16 августа 1938 г. летучим голосованием членов Президиума ИККИ вообще была официально распущена.

А. О. Постель, работавший в Управлении НКВД по Московской области, позже вспоминал, что массовые аресты латышей в 1937–1938 гг., «фактически превратились в охоту за всем взрослым мужским населением…». В связи с террором против коммунистов из стран Прибалтики и Польши появилось письмо Г. Димитрова секретарю ЦК ВКЩб) А. А. Андрееву от 3 января 1939 г. В нем Г. Димитров сообщал, что «после ареста прежних руководителей и представителей компартий Литвы, Латвии и Эстонии в Москве как врагов народа честные коммунисты в этих странах остались дезориентированы и без связи с Коминтерном. Мы не имеем сейчас в Москве ни одного товарища из этих партий, на которого можно бьщо бы вполне положиться для установления связи или эвентуально для посылки в страну». Ввиду этого Секретариат ИККИ просил ЦК ВКП(б) подобрать «группу товарищей» для работы по линии компартий Литвы, Латвии, Эстонии и Польши.

Сам руководитель секретариата Меер Москвин, курировавший, кроме указанных компартий, службу связи ИККИ и отвечавший за взаимодействие с органами НКВД/был 23 ноября 1938 г. арестован, а 1 февраля 1940 г. приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу. Он был единственным кандидатом в секретари ИККИ и членом Президиума ИККИ, репрессированным в исследуемый период. Ранг остальных коминтерновских «сановников», тех, кто, являясь сотрудником ИККИ, одновременно входил в избираемые конгрессами и пленумами высшие органы Коминтерна, был существенно ниже.

10 июня 1937 г. арестовали кандидата в члены Президиума ИККИ, заместителя главного редактора журнала «Коммунистический Интернационал» поляка Бронислава

Бронковского (Бортновского). 3 ноября 1937 г, он был приговорен к расстрелу.

11 сентября 1937 г. органы НКВД арестовали кандидата в члены ИККИ, представителя Компартии Польши при ИККИ **Яна Белевского (Пашин)**. И декабря того же года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к расстрелу. 1 декабря сотрудники НКВД арестовали другого кандидата в члены ИККИ — представителя Коммунистической партии Латвии при ИККИ **Яна Круминя**. Он был приговорен к расстрелу 15 марта 1938 г.

Кроме вышеназванных лиц, в 1937–1938 гг. был репрессирован целый ряд членов Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна: эстонец **Я. Анвельт**, литовец **Зигмас Ангаретис (Алекса)**, болгарин **Петко Искров**, поляки **Франц Гжегожевскнй (Францишек Гжельщак), Хенрик Валецкий (Максимилиан Хорвиц), А. Краевский**, а также уже упоминавшийся Г. Эберлейн.

На сегодняшний день документально известна судьба 85 из 113 арестованных в годы «великой чистки» коминтерновцев. Два человека не дождались вынесения приговора: 11 декабря 1937 г., в 8 часов вечера, умер от пыток ответственный секретарь Интернациональной контрольной комиссии Я. Анвельт, и 12 ноября 1940 г. скончался в тюремной больнице от хронического туберкулеза А. Мунк-Петерсен.

57 сотрудников аппарата сразу же были приговорены к расстрелу, из них девять — женщины. Это уже упоминавшиеся швейцарки Л. Дюби, И. Гартман, Б. Циммерман; немки Люция Миллер (Ронтке), Анна Гоше, Марта Мориц; польки Р. Езерская и Анна Фишер (Цецилия Фортрефлнх); румынка Мария Чобав (Эяеиа Филиппович).

24 коминтерновца были осуждены на различные сроки заключения, 13, из них — женщины. Работавшая шифровальщицей в службе связи ИККИ Б. Даниэль, отсидев по первому приговору от 19 ноября 1937 г. 8 лет в лагерях, во время войны была вновь осуждена на 10 лет заключения. Второй срок получил после первых 15 лагерных лет и политический помощник О. Куусинена Манфред Стерн, известный в Испании под именем генерала Клебера.

Наиболее трагично сложились судьбы сотрудника Интернациональной контрольной комиссии **Г. Эберлейна** и сотрудника секретариата Эрколи, члена германской компартии с 1926 г. **В. Петермана**. Оба сначала были приговорены к тюремному заключению — 15 и 5 лет соответственно — и затем расстреляны: первый по приговору от 30 июля 1941 г., второй — 12 сентября 1942 г. по приговору от 24 июля 1942 г.

Из 57 приговоренных к расстрелу не менее 11 были расстреляны в день объявления приговора: советский сотрудник службы связи **Борис Менис**, заведующий отделом кадров ИККИ **Г. Алиханов**; сербы **Душан Дреновский, Радомир и Грегор Вуйовичи**, работавшие соответственно в отделе кадров, отделе пропаганды и в службе связи Коминтерна; черногорец **И. Мартынович**; хорват **В. Чопич**; иранский армянин **Ерванд Орбеляани**, а также **Б. Бронковский**, **И. Гартман** и **Л. Мюллер**. В то же время были случаи, когда интервал между приговором и днем казни растягивался на несколько месяцев. Случай В. Петермана уже упоминался. Бывший заведующий службой связи **ИККИ Борт Мюллер (Мельников)**, приговоренный к расстрелу 25 ноября 1937 г., был казнен только через 8 месяцев — 28 июля 1938 г.! Отсрочка казни Б. Мюллера объясняется желанием Сталина выбить из него показания против Иосифа Пятницкого (Тарписа), долгое время являвшегося секретарем ИККИ и членом его Президиума, а с 1935 г. возглавившего политико-административный отдел ЦК ВКПб). Как известно, на июньском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. И. Пятницкий открыто выступил против усиления репрессий в стране, в частности против физического уничтожения Н. Бухарина и предоставления наркому внутренних дел Н. Ежову чрезвычайных полномочий.

Михаил Менделеев, тоже жертва сталинских репрессий, вспоминал, как он летом 1938 г. случайно встретил во внутренней тюрьме ГУГБ НКВД СССР на Лубянке Б. Мельникова. Тот, душевно опустошенный, рассказал, как после длительных избиений и истязаний согласился подтвердить выдвинутые руководством НКВД против И. Пятницкого обвинения в шпионаже в пользу Японии и других стран. Почему именно Японии? Дело в том, что сам Б. Мельников был объявлен японским шпионом с 1918 г. (а с 1933 г. и германским), поскольку был в плену у японцев, а затем по работе был связан с Дальним Востоком. Выучив наизусть сочиненный подручными Н. Ежова текст, Б. Мельников сыграл главную роль в «спектакле», поставленном Сталиным в Кремле для Крупской и других сомневавшихся в виновности И. Пятницкого членов ЦК ВКП(б)[323]. 29 июля 1938 г., т. е. на другой день после казни Б. Мельникова, в Лефортовской тюрьме состоялась выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР, приговорившая И. Пятницкого к расстрелу. Показания против него вынужден был также дать Г. Эберлейн. В ночь с 29 на 30 июля 1938 г. приговор был приведен в исполнение.

Из осужденных к заключению наибольший срок получил **К. Брихман**. Арестованный 5 августа 1937 г., он был 4 мая 1939 г.

приговорен к 20 годам исправительно-трудовых лагерей. В том же году во время аварии в дальневосточных водах парохода «Индигирка» заключенный К. Брихман пропал без вести.

Кроме расстрелянного впоследствии Г. Эберлейна, 15 лет заключения получили П. Петков, советская сотрудница журнала «Коммунистический Интернационал» **Анна Разумова-Хигерович** и арестованный 23 июля 1938 г. в гостинице «Люкс» **М. Стерн**. Наименьший срок был вынесен 17 января 1940 г. Особым совещанием при НКВД СССР Елене Вальтер. Ее выслали на 3 года в Красноярский край.

Большинство осужденных к заключению получили сроки от 5 до 8 лет.

Всего 15 репрессированных в 1937–1938 гг. коминтерновцев смогли пережить сталинскую «мясорубку»: тех, кто не был расстрелян, погубили в лагерях голод и болезни. Болгарин **Антон Володю (Антонов)**, осужденный в апреле 1939 г., в январе 1940 г. был досрочно освобожден из мест заключения ввиду прекращения дела и вернулся на прежнее место работы — в болгарскую секцию ИККИ. Еще быстрее было прекращено дело на арестованную в 1937 г. сотрудницу секретариата Д. Мануильского латышку **Люцию Генину**. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 17 ноября 1945 г. досрочно был освобожден поляк **Леон Жмиевский (Овсянко)**. Как и отбывшие свой срок заключения **Мария Ватле (Ханна Шапиро), Анна Редко (Розенштейн)** и **Людвика Янковская (Ковенская)**, он после войны репатриировался в Польшу. Удалось выжить в сталинских лагерях латышкам **Анне Баллод** и **О. Зведре**, польке Стефани Брун, немке **Б. Даниэль**, румынке **Эстер Шварцштейн**, болгарину **П. Петкову**, советским сотрудникам ИККИ **Е. Вальтер, И. Кожевникову, А. Разумовой-Хигерович**. Последняя после реабилитации в 1955 г. работала в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Что по приговорам вменялось в вину репрессированным коминтерновцам? Типичным было обвинение в принадлежности к «антикоминтерновской организации, возглавляемой И. Пятницким, В. Кнориным и Бела Куном», как у заместителя заведующего службой связи Д. Липманова, осужденного к расстрелу 25 декабря 1937 г. Другой типичной формулой обвинения была «контрреволюционная троцкистская деятельность», как в приговоре И. Гржетичу, приговоренному 3 октября 1937 г. к расстрелу, или О. Зведре, отправленной по решению Особого совещания при НКВД СССР от 15 апреля 1938 г. в концлагерь на 9 лет.

Для репрессированных поляков расхожим было обвинение в

участии в Польской военной организации, созданной Ю. Пилсудским для борьбы сначала против царской России, а затем против советского государства. Югославов А. Шеремета, Д. Дреновского, В. Чопича обвинили в том, что они «сотрудничали с югославской политической полицией, занимались провокаторской деятельностью в КПЮ и Коминтерне и являлись членами правотроцкистской террористической организации, которая стремилась захватить в свои руки руководство Коминтерном». Полька Л. Янковская, работавшая в представительстве Компартии Западной Белоруссии, была 22 ноября 1937 г. осуждена к лишению свободы на 8 лет «как член семьи изменника Родины». Ее муж, Станислав Скульский (Мертенс), был арестован в августе 1937 г. и 21 сентября того же года приговорен к расстрелу.

Очень часто обвинения в различных видах контрреволюционной деятельности сочетались с обвинениями в шпионаже в пользу таких стран, как Германия, Польша, Румыния, Япония. Е. Орбелиани был признан «английским шпионом». Р. Херцигоню, как и Л. Дюби, обвинили среди прочего в шпионаже в пользу Франции (последней, впрочем, вменялась работа также на спецслужбы Германии и Японии). Подчеркнем, что людей официально осуждали не только за шпионаж, но и «по подозрению в шпионаже». Удобная юридическая формула, позволявшая органам НКВД и Прокуратуре особо не утруждать себя поисками доказательств состава преступления. Именно с этой формулой обвинения была 26 мая 1938 г. осуждена Особым совещанием при НКВД СССР на 8 лет заключения М. Ватле.

Ряд коминтерновцев, подписав во время следствия протокол с признанием своей вины, на суде от показаний отказались. Так поступили заместитель заведующего службой связи А. А. Смирнов, а также М. Валецкий, Яков Волк, Л. Дюби, Д. Липманов, А. Разумова-Хигерович, Б. Циммерман, Илья Чернин, Цой Шену. А поляки Я. Боровский, Р. Езерская и работавшая референтом Интернациональной контрольной комиссии А. Редико ни в чем виновными себя не признавали ни на предварительном следствии, ни в суде. Однако для сталинского «правосудия», если только дело не разбиралось на открытом процессе, позиция подсудимого большого значения не имела: дела арестованных коминтерновцев не были отправлены на доследование, и приговоры были оглашены.

По-другому и быть не могло. Судебные приговоры были элементом политического фарса и не имели ничего общего с определением вины подсудимых. Их задачей являлось искоренение всякой оппозиции сталинской диктатуре, а значит, и

любого инакомыслия, как источника этой оппозиции.

Репрессии в Коминтерне невозможно рассматривать изолированно от процессов, разворачивавшихся в ВКП(б) в 1920—1930-х гг. И формально, и фактически коммунисты аппарата ИККИ были хотя и специфичной, но составной частью ВКП(б). Они жили проблемами коммунистов СССР, несмотря на то что их жизненный уровень был гораздо выше, чем у простого советского человека. Конечно, значительную долю сотрудников ИККИ составляли иностранцы, но об их обособленности можно говорить лишь применительно к первым годам пребывания в СССР, когда сказывался языковой барьер. В дальнейшем она не отличалась существенно от обособленности, например, работников Наркомата иностранных дел.

В партячейках аппарата Коминтерна регулярно обсуждались внешние и внутриполитические акции ВКП(б), и все коммунисты в той или иной степени участвовали в политических кампаниях, инициировавшихся верхушкой большевиков, включая печально знаменитые «чистки». Надо также иметь в виду, что многие коммунисты-иностранцы, особенно в 1920-х гг., сами проявляли интерес к политической жизни в СССР, отлично понимая, в какой стране прежде всего определяются судьбы коммунистического движения.

Вот почему все основные течения в ВКП(б) находили отклик среди сотрудников ИККИ, включая иностранцев. Не следует также забывать, что, вербуя себе сторонников, оппозиционеры из партии большевиков нередко напрямую апеллировали к секциям Коминтерна.

С советскими оппозиционерами смыкались коминтерновцы-иностранцы, стоявшие в оппозиций к руководству своих компартий. Их альянс облегчался тем, что в соответствии с существовавшей тогда практикой «разбитые», но «покаявшиеся» оппозиционеры переводились из страны в Москву для работы в центральном аппарате Коминтерна. Таким образом, Сталин и его сторонники в компартиях отрывали своих политических противников от национальной почвы, не давая им там укорениться.

Большинство из сочувствующих или примыкавших в прошлом к оппозиционным фракциям коминтерновцев (собственно оппозиционеры к 1937 г. уже были репрессированы), хотя и без Требуемого рвения, шли в фарватере «генеральной линии» Коминтерна. Меньшинство оказывало сопротивление, которое было более существенным, чем обычно представляется.

Наконец, были и такие, кто лишь к середине 1930-х гг. стал сомневаться в правильности курса «отца народов». Все они

представляли для Сталнина если не явную, то потенциальную опасность.

В те годы «компромат собирался и на ближайшее окружение «вождя». По сведениям райнтепиего в 1937–1938 гг. заместителем, а потом начальником 1-го отделения Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР Якова Матусова, в кабинетах на Лубянке готовились дела против таких деятелей ВКП(б), как Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев. Разумеется, стряпались дела и противкоминтерновского руководства. У Г. Зберлейна и И. Пятницкого выбили показания против секретаря и члена Президиума ИККИ К. Готвальда, Айно Куусинен пытались засадить оклеветать мужа как английского шпиона. Шпионаж был. ни при чем. Но О. Куусинен в 1920-х гг. был лично очнь близок к Н. И. Бухарину, и, хотя вовремя отмежовывался от него, сомнения у Сталина остались. К. Готвальд также одно время считался «правым».

С помощью пыток НКВД подучил от И. Пятницкого компрометирующий материал на Пальмиро Тольятти (Эрколи), Гарри Поллита, Жака Дюкло, Антонина Запотоцкого, Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта, Клару Цеткин. По показаниям И. Пятницкого выходило, что член руководства франщзской компартии Ж. Дюкло был завербован в действовавшую в Коминтерне контрреволюционную организацию накануне 7-го конгресса Коминтерна немцем Вилл Мюнценбергом. О Д. Мануильском И. Пятницкий в протоколе отозвался как об «украинском националисте».

За поддержку «правого уклона» и участие во фракционной деятельности так называемых «примиренцев» в компартии Германии по существу были репрессированы немка Марта Мориц и ее муж Матиас Штейн (Ханнес Мэкинен), работавший представителем компартии Финляндии при ИККИ. Сотрудник отдела пропаганды и массовых организаций Герман Реммеле, в прошлом член политбюро и секретариата ЦК компартии Германии, был репрессирован как сторонник антисталинской фракции Хайнца Ноймана. Сам Нойман, работавший перед арестом редактором Издательства иностранных рабочих в СССР, в 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР был приговорен к расстрелу. Причиной ареста Г. Алиханова было покровительство ему на каком-то этапе такого «антипартийного деятеля», как застрелившийся в 1935 г. Виссарион Ломинадзе.

Значительное число коминтерновцев репрессировали в 1937–1938 гг. за сочувственное отношение к взглядам Л. Д. Троцкого или близкие отношения с его вчерашними сторонниками. Уже

упоминавшийся Б. Мельников в период дискуссии по вопросу о внутрипартийной демократии в январе 1924 г. выступил на собрании в Харбинской парторганизации большевиков с защитой позиции Троцкого. «…Я тов. Троцкого люблю и уважаю, — говорил он. — Я воспитал в себе уважение к т. Троцкому не только как к создателю Красной Армии, в которой я служил, а также как и к теоретику. Если вы посмотрите на статьи т. Сталина, то увидите, что они основаны, на личной неприязни к Троцкому. На всем протяжении Сталин всегда был против Троцкого. Личный мотив в дискуссии всегда присутствовал. Тов. Троцкий сделал правильно, приостановив участие в дискуссии. Он сделал это в интересах партии. Он знает, что другие товарищи всегда стараются переходить на личности, уклоняясь от дела, а Троцкий более выдержан». Немудрено» что стараниями сталинских подручных Б, Мельников превратился в японо-германского шпиона. Его устранение повлекло за собой арест шифровальщика службы связи ИККИ Александра Васильевича Смирнова, ранее работавшего вместе с Б. Мельниковым в Харбине.

За поддержку в 1923–1924 гг. Троцкого были репрессированы американец Григорий Гериш, полька Р. Езерская, финн Мауно Хеймо, кореец Цой Шену, латыши Карл Баллод, Филипп Мильтер, Минна Кокер, а также советские работники аппарата ИККИ И. Чернин, М. Черномордик, Василий Серегин, Семен Суворов. Последние двое, впрочем, провинились и тем, что в 1929 г. поддержали «правый уклон». Радомир и Грегор Вуйовичи были расстреляны как родные братья известного троцкиста Воислава Вуйовича (1897–1936). Политический помощник Генерального секретаря ИККИ Георгия Димитрова Петр Шубин (Виленский) был приговорен 25 декабря 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу фактически из-за своего сына Семена — активного в прошлом троцкиста. Полька Стефания Брун попала за решетку из-за сестры-троцкистки Софьи Осинской и брата И. Уншлихта.

Еще большие «прегрешения» были у Г. Валецкого, Б. Мениса, О. Зведре. Генрих Валецкий как член заграничного политбюро ЦК Коммунистической рабочей партии Полыш был одним из тех, кто 23 декабря 1923 г. проголосовал в поддержку письма в адрес Президиума ИККИ и Политбюро ЦК РКП(б), в котором выражалась озабоченность возможностью удаления Л. Троцкого из партийного руководства[324]. Борис Менис в 1924 г. занимался техническими вопросами подготовки Собрания сочинений Л. Троцкого. Наконец, Ольга Зведре согласилась предоставить свою квартиру в Москве эмиссару Льва Седова (сына Троцкого).

Сотрудники службы связи Александр Вольф (Эммануил Лев), И. Гартман, Б. Даниэль погорели на том, что работали под руководством Зигфрида Вальтера (Артура Хавкина), являвшегося резидентом Отдела международной связи в Париже. Вальтер с 1930 г. находился в дружеских отношениях с видным в прошлом троцкистом Георгием Пятаковым, расстрелянным по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Кроме того, на Вальтера в отделе кадров ИККИ имелся материал, уличавший его не только в оказании помощи троцкистам во Франции посредством передачи им незаполненных паспортных бланков, но и в разглашении имени секретного сотрудника НКВД.

Поляк Абрам Овсянко, в 1930–1937 гг. работавший в службе связи ИККИ, ранее принимал активное участие в нелегальной деятельности фракции «демократического централизма», возглавлявшейся такой известной фигурой, как Тимофей Сапронов. Арест А. Овсянко и последующий расстрел рикошетом ударили по его брату — Л. Овсянко (Жмиевскому), получившему по постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 22 декабря 1937 г. 10 лет лагерей.

Разумеется, в Коминтерне были люди, которым троцкистское пятно на биографии не помешало удержаться на плаву или даже сделать карьеру. Примером может служить секретарь и член Президиума ИККИ Дмитрий Мануильский.

Как и Л. Троцкий, он вступил в партию большевиков в 1917 г. на VI съезде РСДРП(б) в составе «Межрайонной организации объединенных социал-демократов» и в 1918 г. попытался с ним сблизиться[325]. Недвусмысленно встав во внутрипартийной борьбе на сторону Сталина, Д. Мануильский, однако, не отличался особой «кровожадностью». 8 июня 1930 г. он написал ходатайство секретарю. Центральной контрольной комиссии ВКПб) Емельяну Ярославскому о восстановлении в партии покаявшейся троцкистки Татьяны Моисеевны Ривош, лично ему знакомой по «подпольной работе в Италии, затем во Франции», и которая, кстати, тогда была женой его ближайшего сотрудника Степанова (Иванова). Но Д. Мануильский вовремя сообразил, какие качества необходимы, чтобы обезопасить себя от немилости Хозяина. Это помогло ему выжить. Бывший лидер компартии Израиля Самуил Микунис в своих мемуарах вспоминал, как в 1946 г. в Париже, на Съезде сторонников мира, Д. Мануильский услужливо вытирал пот со лба только что выступившего министра иностранных дел СССР Молотова[326].

Загадочными представляются арест и последующая казнь Меера Москвина (Трилиссера). В литературе высказывалось мнение, что М. Москвин «в состав руководства ИККИ был включен

по указанию Сталина»[327]. Это неверно. В прошлом заместитель председателя ОГПУ, затем заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции, он был в 1935 г. направлен ЦК ВКП(б) на работу в аппарат Коминтерна по просьбе ИККИ[328]. Удивительного в этом ничего нет. Двух секретарей ИККИ того времени — О. Куусинена и Д. Мануильского Меер Москвин хорошо знал еще с дореволюционной поры. В 1921 г. он несколько месяцев проработал на посту заведующего Дальневосточным отделом ИККИ. Конечно, его кандидатура, как и кандидатура других кандидатов в Секретариат и Президиум ИККИ, была предварительно одобрена Сталиным и только потом предложена к избранию Исполкому Коминтерна. Соответствующий документ, написанный рукой «вождя народов» и с визой Л. М. Кагановича, хранится в фондах РГАСПИ[329]. М. Москвин активно боролся с троцкистами. Что же касается известного заявления Бухарина, сделанного им Л. Каменеву, о том, что Трилиссер, как и Г. Ягода, якобы был готов его поддержать[330], то оно фактами не подтверждается.

М. Москвин был осужден по обвинению в том, что, «работая в 1926 году начальником иностранного отдела ОГПУ, вошел в состав антисоветской группы, существовавшей в ОГПУ СССР, и имел организационную связь с врагом народа Ягода и другими. В последующие годы, перейдя на работу в аппарат Коминтерна, Трилиссер установил организационную связь по антисоветской деятельности с Кнориным и Пятницким и по их заданиям насаждал в братских компартиях Греции, Польши, Эстонии, Латвии и других странах троцкистские, шпионские кадры и провокаторов»[331]. Заметим, что Москвин ушел из ОГПУ из-за конфликта с Ягодой по вопросу о роли парторганизации в системе органов госбезопасности. Если он выступал с рядом своих сторонников за строгое соблюдение партийной демократии, то Ягода полагал, что в ОГПУ демократия может существовать лишь в очень узких рамках. Сталин, разумеется, поддержал Ягоду, руководство партийной организации ОГПУ было распущено, а Москвин оказался в Наркомате рабоче-крестьянской инспекции.

Интересен и такой факт: хотя Москвин еще 5 марта 1936 г. был ознакомлен с компрометирующими Б. Мельникова протроцкистскими заявлениями, никаких действий с целью его увольнения из аппарата ИККИ он не предпринял.

Другой загадкой являются причины систематического истребления кадров Компартии Польши самых разных течений и фракций. Во всяком случае, развязка кровавой драмы подготавливалась Сталиным загодя, ибо еще в мае 1929 г. на

заседании делегации ВКП(б) в ИККИ он добился принятия решения об использовании ОГПУ «для выявления провокаторов в КПП»[332].

Ко второй половине 1930-х гг. аппарат Коминтерна, задуманный В.И. Лениным как Штаб мировой революции, фактически превратился в комиссариат пропаганды и международного давления в составе советского правительства, очень схожий по законам функционирования и царившей в нем обстановке с другими комиссариатами. Развернувшиеся в его недрах в 1937–1938 гг. массовые репрессии еще одно тому доказательство.

Приложение 3
Из брошюры Г. Зиновьева «Признание России и политика Коминтерна» (Л.: Прибой, 1924) *[333]*

Мой доклад будет состоять из двух частей. Первая его часть посвящена вопросам международной политики, а вторая часть — политике Коминтерна. И в той, и в другой области я могу затронуть лишь самое важное. Но и в той, и в другой области как раз сейчас мы стоим перед некоторыми решениями такого характера, которые предопределят на довольно длительное будущее политику нашей партии.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

О признании России де-юре

В области международной политики мы стоим сейчас перед началом новой полосы. В настоящий момент вполне возможно, что мы получим признание де-юре в 4 государствах: в Англии, во Франции, в Италии и в Норвегии. Разумеется, это только возможность. Никто не может дать гарантии, что это наступит непременно и притом в ближайшее время. Но для нашей ориентации необходимо ясно видеть, что в настоящий момент как бы начинается новая полоса в этой области.

Вопрос о признании или непризнании Советской России де-юре является сейчас, пожалуй, самым боевым вопросом международной политики. Чехословацкий министр Бенеш в своей новогодней речи сказал, что 1924 год ознаменуется признанием Советской России де-юре. Разумеется, не все новогодние предсказания министров оправдываются, но есть серьезные основания ожидать, что это предсказание оправдается и Бенеш окажется пророком. Центральным пунктом международной политики является сейчас, повторяю, вопрос о признании или непризнании нас де-юре. Но в этот вопрос, естественно, врезалась наша партийная дискуссия. Как всегда бывало, когда наступают какие-нибудь затруднения для нашей партии, международная буржуазия пытается их использовать, раздуть, преувеличить. И сейчас мы видим то же самое. В Западной Европе и Америке, в связи с нашей дискуссией, особенно в самые последние дни, начали создаваться форменные легенды того типа, который нам

известен с самого начала существования советской власти. Я, на всякий случай, товарищи, сообщу вам важнейшие факты из этой области, т… к. едва ли кто-либо из вас представляет себе, до чего здесь дошло дело. Сегодня мы получили не от врагов наших, а от друзей в Коминтерн сообщение следующего характера: венская «Neue Freie Presse» приводит в номере таком-то следующую телеграмму: «Согласно парижского телеграфного сообщения, там распространился слух, что Троцкий арестован. Другая версия: Троцкий укрепился в бронированном поезде, Буденный занял пока выжидательную позицию» (смех). Такие сведения распространяет не только бульварная печать, но и вся так называемая серьезная буржуазная пресса. «Morning Post» сообщает, что Троцкий вышел из Политбюро, а в кругах американских журналистов «более осведомленные» говорят, что Троцкий арестован. Т. Крестинский, один из наших представителей за границей, в своем дневнике, который он ведет, сообщает от 8 января следующее: «Осада по делам партийной дискуссии усилилась, повалили немцы, бельгийцы и австрийцы. Немецкие «спецы» по иностранным делам все заинтересовались вопросом, не окончится ли дискуссия в Москве, ввиду ее небывалой страстности, событиями вроде июльских событий 1918 г.». Такой-то, имярек, тоже «спец» по советским делам, понимал «демократизацию в общебуржуазном смысле». Вот еще штрих: «С легкой руки агентства «Ост-Экспресс» была пущена сенсация, что среди вождей оппозиции находится Н. Н. Крестинский. Новая осада. Все желают видеть «протестанта-посла» (смех). На указания, что ведь и в Америке, и в Европе министры и послы имеют свое внутрипартийное мнение, отвечали: да, но в Советской России ЦК есть правительство, «даже Зиновьев во время дискуссии говорил-де открыто о том, что правительство — это ЦК». В Америке «считают, что распря среди русских коммунистов будет иметь серьезные последствия для движения вправо».

Нечего уже говорить о том, что зарубежная белогвардейско-эсеровская печать, разумеется, трубит в ту же дудку. Эсеры, издающие в Берлине газету «Дни», пишут буквально: «России нужен нэп политический, а дать его ни себе, ни тем более стране не может и не смеет РКП. В этом и только в этом общий интерес и показательный смысл громкой победы ленинской старой гвардии над пророками внутрипартийной демократии». И, обращаясь к русскому обывателю, они говорят, что «пока обыватель не заговорит, пока он, наконец, не потребует себе «рабочей демократии, до тех пор никакая дискуссия таких-то с такими-то ни к чему не приведет». Представитель румынского

правительства на недавно закончившейся конференции Малой Антанты заявил официально, что «в настоящий момент нет оснований торопиться с признанием Советской России, так как кризис, переживаемый Российской Коммунистической партией, несомненно, чреват громадными событиями».

Таким образом, два вопроса сейчас сплелись. Нет никакого сомнения в том, что острота дискуссии, по крайней мере, на некоторое время, пока эти господа не убедятся в том, что действительно у нас происходит, ослабляет наши шансы на международной арене. Вообще, за такую дискуссию, конечно, мы должны заплатить довольно дорогой ценой; «издержки производства» тут были немалые. И в число издержек производства входит и то, что, быть может, произойдет некоторое замедление в вопросе о признании нас де-юре.

Положение в Англии

Правда, если в английской печати так много уделяют внимания нашим раздорам, мы могли бы им посоветовать заниматься больше своими собственными делами. Вот сейчас у них, говорят, происходят свои «фракционные» заседания, борьба между различными лордами: Асквитом, лордом Керзоном, Ллойд Джорджем и т. д. Неизвестно, как разрешится этот кризис. Я думаю, товарищи, что наш «лорд» Сапронов нам все-таки не столь страшен. Мы после постановления партии с ним помиримся, он подчинится решению партии. Но факт остается фактом, международная буржуазия подслушивает у дверей, как правильно выразился один товарищ в своей статье, она подслушивает у наших дверей в надежде на то, что сейчас внутренняя борьба в нашей партии поможет ей отвильнуть от того, от чего отвильнуть, казалось, больше нельзя: от признания того строя де-юре, который существует де-факто уже 7-й год.

Наш ЦК прав, когда он считает, что в настоящий момент нам нужно особенно осторожно и тщательно взвешивать свои решения в сфере международной политики, имея в виду, что в общем и целом мы пришли к началу нового этапа.

Обстановка меняется. В самом деле, возьмем важнейшие страны Запада. Возьмите в первую очередь Англию. Нет еще года, как лорд Керзон поставил было под вопрос всю нашу передышку своим знаменитым ультиматумом, всколыхнувшим тогда до дна всю нашу трудящуюся Россию. Сравните положение вещей в Англии, каким оно было в момент ультиматума Керзона, с тем, каким оно является сейчас. Керзон уже одной ногой вне правительства. Формальности затягиваются, парламент только

что открылся. Во всяком случае, совершенно ясно уже, что положение Керзона не так уж прочно. Положение тов. Чичерина много прочнее (апл.). Это всякий видит; Тов. Чичерин может ожидать открытия Союзного съезда Советов с гораздо большим спокойствием, чем Керзон ждал открытия сессии парламента, созванной им (апл.).

Положение изменилось в корне. Весь политический мир считает, что в Англии мы идем к правительству Макдональда. Сказать это наверняка в настоящий момент все-таки еще нельзя. Если не обманут все признаки, Макдональд в ближайшее время придет к власти.

В настоящее время нам, как политикам, приходится исходить более всего из этой перспективы, и нашей конференции приходится оценивать ее. В последнем сообщении тов. Раковского он пишет, и, по-моему, совершенно правильно: «Главное, чего нам нужно остерегаться в настоящий момент, — это переоценки возможностей». Действительно, нам незачем впадать в излишний оптимизм в связи с возможным приходом к власти Рабочей партии и ее лидера Макдональда. Мы уже видели Второй Интернационал у власти. Мы видели правительства Шейдемана — Гаазе, возникшие как-никак не из парламентской победы, а из революции. Мы недавно видели пример Брантинга; который был шведским премьером. Он тоже является одним из столпов II Интернационала. А мы видели, что его политика ничем не была лучше, чем политика любого буржуазного правительства. Нам поэтому нет основания переоценивать возможности в связи с правительством Макдональда.

Однако, товарищи, если это правительство станет фактом, это все-таки будет событием мировой важности. Нам нужна расценивать возможное правительство Макдональда под двумя углами зрения: с точки зрения международного рабочего движения и с точки зрения непосредственных интересов Советской России. С точки зрения развития международного рабочего движения и международной революции, что такое будет представлять собою правительство Макдональда? Поскольку дело идет о верхах, о парламентских политиканах, это не бот весть какое событие. Но поскольку дело вдет о массовом движении рабочего класса, это будет событием величайшей важности. Вы все помните, как на 2-м конгрессе Коминтерна тов. Ленин советовал молодой английской коммунистической партии поддерживать меньшевистскую английскую Рабочую партию, голосовать за нее, помочь ей скорее прийти к власти. И вы помните, как тов. Ленин тогда откровенно разъяснял (нельзя никакого секрета сделать из этого), что мы будем поддерживать

меньшевистскую Рабочую партию в Англии, партию Макдональда, так, как веревка «поддерживает» повешенного. Он говорил прямо, что чем скорее они придут к власти, тем скорее они должны будут показать себя рабочему классу, тем скорее они обанкротятся, тем скорее иллюзии английского рабочего класса будут рассеяны, тем скорее будет расчищена дорога для пролетарской революции.

Этот момент теперь наступает. Это есть событие крупнейшей важности. Английский рабочий класс в глубинах своих воспринимает приход к власти Макдональда не просто как приход к власти того или другого парламентария а как приход к власти рабочего класса, трудящегося человека. Рядовой английский рабочий видит в этом исторический реванш рабочих, он верит, что если у власти станет Рабочая партия, то не будет безработицы, будет нажим на роскошь, на богачей. Другими словами, английские рядовые рабочие тут рассуждают на основании своего классового инстинкта, классового чутья. Это, товарищи, факт великой исторической важности. Мы все изучали судьбы рабочего класса в Англии, знакомились с его положением из известного сочинения Энгельса. Через эту призму мы изучали движение чартизма. Из классических произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Каутского, который был некогда революционером, мы знакомились с характером английской рабочей аристократии, которая превращает английское рабочее движение в контрреволюционный фактор. Сейчас в Англии рабочее движение входит, на наш взгляд, в новую фазу. Рабочая аристократия в Англии по-прежнему является контрреволюционным фактором. Макдональд — типичный представитель верхушки рабочего класса, т. е. рабочей аристократии. Тем не менее приход меньшевистской рабочей партии к власти в такой стране, как Англия, есть факт всемирно-исторической важности. Это не Эстония, не Болгария, даже не Германия, это — Англия, независимо от того, что будет разыгрываться потом как трагикомедия, независимо от того, что Макдональд, несомненно, будет ползать на четвереньках перед крупной английской буржуазией, — это событие большое. Повторяю: надо принять во внимание, что это событие происходит не в Эстонии, не в Польше, не в Болгарии, даже не в Германии, а в Англии — в той стране, буржуазия которой действительно владеет шестой частью мира — примерно такой же территорией, как мы. Английская буржуазия — богатейшая буржуазия мира. И если она считает себя вынужденной передать мандат на управление Англией как-никак «рабочей» партии — это имеет большое значение. Конечно, английская буржуазия делает

это не без задней мысли. Там есть своя группа политиков, которая подталкивает Макдональда к власти, имея свою перспективу, что чем раньше ты придешь к власти, тем раньше тебя слопают. Но все-таки такая буржуазия, как английская, «не от хорошей жизни» делает такой опыт, не от хорошей жизни передает власть в такой стране, как Англия, в руки пусть хотя бы и меньшевистской, но все же рабочей партии. В этом смысле приход к власти Макдональда есть крупнейший этап в международном рабочем движении, крупнейший этап в деле освобождения английского рабочего класса от конституционных иллюзий, крупнейший шаг вперед по пути международной революции.

Со второй точки зрения, с точки зрения непосредственных интересов Советской России, это тоже есть, разумеется, очень важное событие. Мы не знаем, сдержит ли Макдональд свое слово о признании де-юре Советской России без дальнейших рассуждений и без каких бы то ни было прелиминарных условий. Гадать об этом трудно. Я думаю, следует сказать: когда имеешь дело с представителем II Интернационала, с членами меньшевистской партии — готовься к худшему, и тогда ты будешь ближе к истине.

Но как складывается положение сейчас? При нынешнем настроений английского рабочего класса есть серьезная надежда, что правительство Макдональда должно будет признать нас де-юре.

Положение во Франции

В связи с признанием нас Англией вопрос об этом стал и во Франции. Вы все знаете, что англо-французское соревнование, т. е. соревнование между английской и французской буржуазией, является фактом, определяющим в значительной степени всю политическую ситуацию Европы в данный момент.

Мы видим сейчас и со стороны пуанкаристской Франции попытки к сближению с Советской Россией. Вы все читали знаменитую статью Эберта, недавно появившуюся в официозе французского правительства, статью, намекающую, что они не прочь договориться с нами. Французская печать с полной ясностью дает понять, что французское правительство через чехословацкого премьера Бенеша имеет предложить нашему правительству ведение переговоров. Как видно из печати, французское правительство интересуется тем, согласны ли мы признать довоенные долги и как относимся мы к вопросу о признании международных договоров.

Конечно, мы не примем любезного посредничества Бенеша,

если оно будет предложено. Мы, конечно, будем благодарить за посредничество, но считаем, что разговор должен идти без этого посредничества, ибо посредник будет думать не о нас, а о себе. Если нам будут поставлены предварительные вопросы, мы будем говорить о них в процессе переговоров. Я не думаю, что нам удастся сговориться с нынешним французским правительством. Я думаю, что французской буржуазии, если она хочет с нами серьезно разговаривать, не мешает подыскать себе более подходящего для этого премьера, чем господин Пуанкаре. Что побудило Пуанкаре к мысли о переговорах с нами? С одной стороны, исход выборов в Англии, намечающееся признание Англией Советской России, а с другой стороны, и это главное, приближающиеся выборы в самой Франции.

Кто бывал во Франции, тот знает, что такое Франция накануне выборов. Страна совершенно преображается. Все партии перекрашиваются, все повально становятся «социалистами», все обещают крестьянам и рабочим что угодно, а многие и кое-что сверх того, все партии лихорадочно ищут наиболее популярного, наиболее зажигательного лозунга, который может дать голоса на выборах. Несомненно, теперь таким популярным лозунгом во Франции становится лозунг возобновления сношений с Советской Россией, лозунг сближения с Советской Россией. Вот почему даже Пуанкаре, который, как вы знаете, горячо нас любит и пользуется такой же любовью с нашей стороны (аплодисменты), воспылал еще большей любовью к нам и через Бенеша намерен предложить сближение с нами. Нет сомнения в том, насколько можно предвидеть ход событий, что выборы во Франции, которые уже недалеки, приведут к передвижке сил внутри буржуазного лагеря, как это произошло уже в Англии. Во Франции к власти еще не придет меньшевизм. Но то крыло буржуазии, которое представлено высокими гостями, посещавшими нас от имени французской буржуазии, и которое держится другой ориентации, нежели Пуанкаре, — они идут к власти.

Италия и Норвегия

В Италии Муссолини тоже не прочь нас признать. Здесь есть отраженное влияние поворота Англии и еще больше — поворота со стороны Франции. Так же как нынешнее сравнительное миролюбие польской буржуазии тоже есть не что иное, как отраженное влияние поворота их хозяев в Англии и во Франции.

В Норвегии, которая находится под сильным влиянием Англии, мы тоже видим поворот, который позволяет надеяться на близкое завершение переговоров. Вы видите значительное

улучшение международного положения нашей страны, которое ставит перед нами ребром целый ряд вопросов о том, как мы будем теперь маневрировать по отношению к международной буржуазии. При этой изменившейся обстановке, которая означает, что начинается новая глава в нашей международной политике, нужно держать ухо востро. Я не могу скрыть от вас, что по этой линии, как и по коминтерновской линии, мы имеем серьезнейшие расхождения с товарищами из той же самой «оппозиции» — разногласия, которые бросают свет на вопрос о сущности всех наших разногласий с ними вообще. Раз международная буржуазия — английская, французская, итальянская и пр. — обнаруживает желание пойти на некоторое сближение с нами, возникает вопрос о том, не должны ли мы в связи с этим обнаружить со своей стороны большую уступчивость, чем это было в последний раз, когда мы сходились со всей международной буржуазией во время конференции в Генуе. Некоторые товарищи, в том числе т. Радек, полагают, что этот момент наступил, что мы должны пересмотреть генуэзские условия в сторону больших уступок международной буржуазии для того, чтобы получить не столько признание «де-юре», которое его мало интересует, сколько возможность деловых сношений. Это такое предложение, над которым мы должны задуматься. Мы в Политбюро и в ЦК партии держимся того мнения, что у нас нет и теперь никаких оснований идти на большие уступки международной буржуазии. Наоборот, мы считаем, что наступило время напомнить международной буржуазии то, что говорил Владимир Ильич от имени всего правительства после Генуэзской конференции. Он говорил, обращаясь к международной буржуазии: чем позже вы пойдете на соглашение с нами, тем худшие условия вы получите, тем меньше мы уступим вам. Мы думаем, что наступил момент подтвердить это. Чем больше они тянули, тем больше мы окрепли, и, разумеется, мы будем сейчас разговаривать с ними еще гораздо тверже, чем мы разговаривали с ними в Генуе.

Вопрос о размерах уступок

Вы слышали речь т. Красина вчера Признаюсь, я не без некоторого интереса ждал этого выступления, как, думаю, и многие другие. Я был разочарован, как, думаю, и многие другие. Речь т. Красина была бледной копией того, что он сказал на XII съезде нашей парши. Вы, говорит «да, слишком лениво привлекаете иностранный капитал. Слишком лениво, ведите ли, мы берем кредиты. Как будто дело только в нашей «лени». Нам,

видите ли, суют кредиты, а мы ленимся их взять. Можно ли, говорит он, нашей России с ее несчастными материальными ресурсами восстановить быстро свое хозяйство? Можно подумать, что у него в кармане есть другая Россия, не с несчастными, а с богатыми ресурсами. Мы имеем одну Россию — такую, какая она есть.

Мне думается, товарищи, вопрос о размерах уступок международному капиталу ведет прямехонько к вопросу о взглядах на судьбы нэпа. Некоторые товарищи из «оппозиции» пытались прибегать к «левым» фразам и держали речи в том направлении, что будто бы ЦК — за нэп, а они хотят его поурезать. Эти речи имели бы смысл, если бы эти товарищи были за отмену нэпа и за восстановление военного коммунизма. Тут у товарищей из оппозиции не сведены концы с концами. С одной стороны, они как будто хотят урезать нэп, а с другой стороны, заявляют: дайте большие уступки международной буржуазии для восстановления деловых связей. Но это ведь и было бы величайшее усиление нэпа, какое только можно себе представить. Потому что речь идет о том, чтобы пустить сюда настоящую, не так называемую новую буржуазию, которую мы все же здорово потрясли (здесь надо сказать, что наша «новая» буржуазия пока далеко не похожа еще на настоящего сытого буржуазного зверя, какого мы знаем в Англии и Франции), — если допустить иностранный капитал в большом количестве, это же будет величайший приток свежей крови и в жилы русской буржуазии, и нэпу вообще. Товарищи из оппозиции должны в этом пункте сговориться, здесь у них не сведены концы с концами. Они должны выбирать одно из двух.

Я думаю, что было бы величайшей ошибкой с нашей стороны сейчас, — когда международная буржуазия, что ни говори, все больше и больше запутывается в собственных противоречиях, а мы с вами, что ни говори, все-таки крепнем и крепнем, хотя и медленнее, чем мы бы этого хотели, — идти на чрезмерные уступки. Я позволю себе напомнить вопрос о концессии Уркварта. Я думаю, товарищи, что если после долгих размышлений т. Ленин и ЦК отвергли концессию Уркварта, то это, между прочим, потому, что в последнюю минуту т. Ленин сказал себе (и он был прав) примерно так: лучше наша израненная, серая, пока еще довольно бедная Советская Россия, но с в о я, чем Россия, которая для быстроты восстановления пустит к себе в огород такого крупного зверя, каким является Уркварт. Вот был основной тон настроения т. Ленина. Я думаю, что это было правильно. Это было действительно отношение «хозяина», в лучшем смысле этого слова, к тому достоянию, которое находится в руках нашей

партии. Это не значит, что мы предлагаем ревизовать наше отношение к концессиям вообще. Конечно, мы будем концессии брать, каждый раз тщательно взвешивая. Сейчас идут переговоры с Синклером, возможен пересмотр вопроса об Уркварте. Но каждый раз, когда нам приходится иметь дело с каким-нибудь крупным концессионером-хишником, я думаю, мы должны помнить об этом основном настроении т. Ленина и ЦК. Да, возможно, дело восстановления нашего хозяйства и пойдет быстрее, если сразу произойдет большой приток иностранного капитала. Но «маленький» вопрос здесь заключается в том, пойдет ли это на пользу в классовом смысле слова нашему хозяйству, усилит ли это удельный вес нашего социалистического хозяйства или сразу в величайшей степени усилит нэп. Этот «маленький» вопрос некоторые наши товарищи иногда позабывают. Между тем это — коренной вопрос нашей международной политики. Не так важно — признают нас сейчас де-юре или нет, не так важно, как мы будем маневрировать по отношению к Макдональду, или Пуанкаре, или другому представителю западноевропейской буржуазии, — как-нибудь сманеврируем Не деталями хочу я занять нашу партийную конференцию. Но этим основным, узловым вопросом определяются действительные судьбы нашей международной политики. Да, начинается некая новая полоса в Западной Европе. Соотношение сил сложилось так, что у них есть склонность признать нас де-юре и пойти на деловые отношения. Наша партия должна дать ответ, считает ли она, что в связи с этой новой главой в международной политике мы должны пойти по тому пути, по которому предлагали идти тт. Радек, Красин и другие, или мы должны остаться на старом пути. Это вопрос немаловажный, может быть, даже поважнее, чем крайне важный сам по себе вопрос о демократии внутри партии. Потому что от него действительно зависит классовое соотношение сил в нашей стране, потому что от него зависят судьбы нэпа. И раз наши кадры обвиняли в том, что они перерождаются в сторону буржуазности, мне кажется, что при виде этих предложений «оппозиции» вполне уместно спросить: кто же тут действительно перерождается и в какую сторону? (Аплодисменты). Мы ли, партийные «староверы», когда мы говорим, что в этом вопросе мы должны держаться старой линии, или те, кто теряет равновесие и говорит, что сейчас надо пересмотреть международную политику в сторону больших уступок западноевропейской буржуазии? Я думаю, что конференция вместе с ЦК скажет нам: ни шагу в области каких бы то ни было дальнейших уступок. За признание де-юре мы не платим никакими материальными благами. Что

такое в самом деле де-юре? Подумайте, они на седьмом году признают, что мы Существуем! От этого некоторые плюсы, конечно, будут. Но чтобы мы за это платили чистоганом, льном, пшеницей — где это видано, за кого нас принимают? Мы не научились вполне хорошо торговать, но все же настолько мы умеем торговать, чтобы сказать: за это мы ни пшеницей, ни золотом не платим. Если они хотят открыть нам новые кредиты, мы согласны поговорить о компенсациях. Мы знаем, что не ради наших прекрасных глаз будут они нам давать кредиты. Однако мы помним, что медленно, но собственными силами мы начинаем выводить страну из того положения, в которое она попала. Мы стоим на той точке зрения, что Россия со своими «жалкими» ресурсами, — наши ресурсы не такие уже жалкие, мы одна из богатейших стран, т. Красин, — выйдет на дорогу; тут вас хорошо поймет не только рабочий, но и мужик, и тут будет одно из звеньев нашей смычки между рабочими и крестьянами, если мы социалистическое отечество не выдадим международному капиталу. Это есть разногласие, которое, если товарищи не будут на нем настаивать, останется эпизодом. Мы скажем тогда, что вы признали свою ошибку, и будет больше радости от одного раскаявшегося грешника, чем от десяти праведников. Но если на этой ошибке начнут настаивать и из этого попытаются сделать платформу, это будет ошибкой, которая прямехонько ведет направо от партии.

Мне кажется, что обсуждение вопроса на нашей конференции в данный момент должно привести к тому, чтобы конференция от имени всей партии сказала ЦК, что мы по пути Радека и Красина в этом вопросе не пойдем, что это было бы ошибкой, что нет основания пересматривать свою политику здесь, ибо это было бы пересмотром не только в области международной политики, но и по отношению к нэпу вообще.

ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА

Я теперь перехожу, товарищи, ко второму вопросу. В Коминтерне, разумеется, за это время было немало событий. Раскол в норвежской партии, — мы должны были отрезать целое большое крыло социал-демократическое, которое долго себя называло коммунистическим. Серьезный конфликт в шведской партии, который теперь, по-видимому, изживается; трудное положение в итальянской партии, которая все еще не вышла из тяжелого кризиса; в Болгарии одна большая ошибка летом, затем вооруженное восстание, которое впервые поставило нашу партию под перекрестный огонь неприятеля и которое впервые создало

там настоящую коммунистическую партию; крупнейшее движение в Польше, которое нам показало, что в Польше мы входим в Новую полосу развития.

Германский вопрос

Но, разумеется, товарищи, над всем этим господствует германский вопрос. На осеннем нашем совещании мы констатировали серьезный политический кризис в Германии. Наша оппозиция много издевалась над тем, что мы не разговаривали много по этому поводу. Это для них было доказательством того, что, видите ли, наша партия состоит из «молчальников», что заглохла жизнь в партии и т. д. Я думаю, что они плохо знают интимную сущность большевистской партии, если так объясняют дело, если так оценивают. Я не говорю, что все было хорошо в партии, но если на осеннем совещании Перед лицом огромной важности событий мы оказались единодушны как один человек, то смею вас уверить, товарищи из «оппозиции», это не потому, что у нас «молчальники», а это вытекло из сути большевистской партии. Партия понимала, что наступил момент, которого никто не мог расценивать иначе, как революционный момент, с большим количеством шансов на успех. Партия понимала, что если такой момент наступил, то дело не в том, чтобы сотрясать воздух речами и развести большую дискуссию, а дело в том, чтобы сделать выводы, вытекающие из всей обстановки. Мне кажется, что именно этим объяснялось тогдашнее настроение. Все без различия оценивали положение вещей так, что революция в Германии есть вопрос недель. Все сведения сводились к этому. Самые пессимистические отзывы отличались от самых оптимистических тем, что пессимистически настроенные товарищи ждали революции на две, три, четыре недели позднее.

Вот самое большое расхождение, которое было. Одни говорили: вопрос дней, другие говорили: две, три, четыре недели лишних еще дадут нам более устойчивое большинство в рабочих массах, и мы тогда будем бить наверняка. Таково было положение вещей — громаднейшая августовская стачка, громаднейшее колебание в рядах противника, в рядах германской социал-демократии. Коммунистическая партия была поднята на гребень невиданной еще в Германии революционной волны. Мелкая буржуазия стала переходить на сторону коммунистической партии. Крестьянство колебалось, марка падала стремглав, буржуазия растерялась, красные сотни росли, фабзавкомы крепли, одним словом, была типичная картина настоящего

предреволюционного кризиса. Вот почему стоял один вопрос: что же такое представляет собой большевистская партия после двух лет нэпа, как будет она действовать? Будет ли она размусоливать, дискуссировать, даст ли она верх премудрым пескарям, которые в этот момент скажут: «нельзя рисковать», или большевистская партия окажется на посту как главнейшая партия Коминтерна и возьмет на себя всю тяжесть ответственности?

Я знаю, когда революция не пришла, неизбежно наступило большое разочарование у нас: вот вы «обещали» нам революцию, где же ваша революция? Это настроение в рабочих массах бывало, и вполне понятно — почему. Но я думаю, товарищи, что и ЦК, и Коминтерн должны вам сказать, что при повторении подобных событий в такой же обстановке нам пришлось бы сделать то же. Мы ошиблись тут в темпе, как очень часто ошибались марксисты, начиная с самого Маркса. Что же удивительного, если и мы, ученики Маркса, в вопросе о темпе ошиблись вместе с германской партией, французской, польской, чешской и проч., которые вместе с нами принимали решение.

Но мы не ошибались в основном, как не ошибался большевизм, когда после поражения декабрьского восстания 1905 года он, в отличие от меньшевизма, сказал: вторая революция придет — и она пришла. В вопросе о сроке Ленин тогда ошибался. Он «назначил» сначала срок восстания на весну 1906 года, а затем пришлось перенести на позднее лето: после окончания полевых работ, говорил Владимир Ильич, мужик будет посвободнее. Но восстание не произошло и поздним летом, а затянулось на много лет. Меньшевики, конечно, издевались над несбывшимся «пророчеством». В вопросе о сроке марксисты и сам Маркс не раз ошибались, потому что нет в наших руках такого инструмента, который дал бы возможность никогда не ошибаться в таком вопросе. Но в основной оценке классовых сил и в том, что неизбежна вторая революция, большевизм не ошибался, и в этом вопросе не ошибся и Коминтерн. Вторая революция в Германии неизбежна, и сроки, оставшиеся для нее, не так велики.

Товарищи, вы поймете без дальних слов, что после того, как произошла неудача, отступление без боев, вы поймете, что при таком положении вещей неизбежен более или менее тяжелый кризис партии, более или менее радикальная переоценка ценностей. Именно в такую минуту познаются настоящие революционеры. Те, которые находятся в партии случайно, сбоку припека, они в такую минуту впадают в панику, шарахаются в крайнюю левую или в крайнюю правую, деморализуют партию, начинается плач, стенание, иеремиада. Настоящее ядро партии закаляется именно в такой обстановке. Германская партия

проходит сейчас в этом смысле через тяжелые разногласия, и вместе с ними — Исполнительный комитет Коминтерна, а с ним вместе и ЦК нашей партии вынуждены разбираться в этих разногласиях.

Я не могу здесь, товарищи, вдаваться во все детали — это и не требуется — я должен обрисовать только основу спора, тем более что он опять-таки имеет очень близкое отношение к нашим внутренним спорам и весьма существенно отражает споры с нашей «оппозицией».

Я не знаю, товарищи, как было у вас, в провинции, но в Москве было дело так, что вопрос о германской революции, о Коминтерне и о руководстве Коминтерна сыграл немалую роль в этих дискуссиях. Товарищи из «оппозиции» на всех собраниях кроме тысячи и одного упрека против ЦК, бросали еще вдобавок упрек Исполкому Коминтерна в том, что он «погубил» германскую партию, германский ЦК. В этом отношении особенно усердствовал т. Радек.

Я должен сказать, товарищи, что за наши взгляды, в особенности в германском вопросе, действительно несет ответственность весь ЦК РКП, и более всего Политбюро. Вопрос этот Слишком близко касался России. Уже по одному этому представители нашей партии в Коминтерне вынуждены были каждый вопрос рассматривать в Политбюро, а затем, товарищи, и; в Силу положения вещей, в партии. Пока т. Ленин непосредственно работал, у нас дело происходило так, что мы, работники Коминтерна, непосредственно намечали линию и советовались с т. Лениным лично — этого было достаточно, и весь ЦК считал, что, стало быть, дело находится на правильных рельсах. Когда это стало невозможно, мы должны были сказать, что и в этой области нужно заменить руководство Ильича руководством коллектива. Вот почему представители ЦК в Коминтерне должны были вопрос о германской революции во всех его деталях рассматривать в Политбюро, что мы и делали. Большая часть решений принималась единогласно, и, таким образом, это и есть коллективные решения, за которые мы несем ответственность. Разумеется, это не значит, что на мне лично не лежит большая ответственность. Само собой разумеется, на мне лежит большая ответственность в силу причин, которые вам понятны.

В чем заключались наши разногласия? В партии распространены некоторые неверные фактические сведения, которые я должен опровергнуть. Иногда распространяются о том, будто бы Исполком Коминтерна решил в такой-то срок произвести восстание, навязав этот срок немецкой партии. Я

категорически утверждаю, что вопрос был передан на разрешение самой германской партии. Такова была наша точка зрения.

Второй вопрос, который в высшей степени важно осветить вам сейчас же, ибо он ведет нас прямо к основе разногласий в германской Коммунистической партии, — это вопрос о саксонском правительстве. Каково было положение, вообще, в Саксонии? В Саксонии имелось большинство социал-демократов и коммунистов против буржуазии, парламентское большинство в несколько, если не ошибаюсь, в 6 голосов. Правое крыло Германской коммунистической партии несколько раз делало попытку установить тут соглашение с социал-демократами и легально образовать правительство на парламентской почве. Исполком Коминтерна всегда выступал против этого. Но когда мы оценили события так, что вопрос о кризисе есть вопрос нескольких недель, мы тогда сказали: теперь наступил момент, чтобы под известными условиями войти в правительство, дабы сделать себе из Саксонии плацдарм, получить место, гае развернуться и организовать борьбу за власть. Это был момент, когда был назначен генерал Миллер комиссаром.

Мне припоминается пример Кронштадта 1917 г., когда временное правительство назначило комиссаром кадета Пепеляева, а фактически власть была в руках кронштадтского совета, как тогда кронштадтский совет игнорировал Пепеляева и его высмеивал, а потом в свое время мы его арестовали. Нам казалось, что для немецких товарищей такой момент наступает: они войдут в правительство, будут игнорировать этого генерала, мобилизуют рабочих с тем, чтобы пойти на соединение с революционными, рабочими всей остальной Германии. Другими словами, мы рассматривали вступление в саксонское правительство как маневр, чтобы, захватив пядь земли, развертываться дальше. Мы полагали тогда, что вопрос о вступлении нашем в саксонское правительство надо поставить практически под условием, что группа правительства Цейгнера готова будет действительно бороться против белой Баварии, против фашистов, добьется немедленного вооружения 50–60 тысяч рабочих Германии с тем, чтобы игнорировать генерала Миллера. То же самое в Тюрингии. Вы видите, как мы представляли себе это дело относительно вступления в это саксонское правительство.

Мы представляли себе дело ни в каком случае не как парламентскую комбинацию, а как маневр, направленный к тому, чтобы занять определенную позицию. Немецкие товарищи оценивали положение вещей так, что считали это возможным.

Теперь, вы знаете, делаются попытки ретроспективно, т. е.

задним числом, пересмотреть всю политику, и говорят так, что, дескать, Коминтерн, однако, опоздал, надо было тремя-четырьмя месяцами раньше начать подготовку. Вы знаете брошюру т. Троцкого — «Новый курс», которой он выстрелил в конференцию за полчаса до ее открытия и которая, может быть поэтому, еще не всеми прочитана. В этой брошюре т. Троцкий затрагивает также немецкий вопрос. Он говорит прямо, что ошибка была именно в том, что, «если бы коммунистическая партия резко изменила темп работы, использовав предоставленные ей историей 5–6 месяцев полностью и целиком для организационной политической и технической подготовки, развязка событий могла бы быть не та, которую мы наблюдали в ноябре». Такая постановка вообще бесплодна. Разумеется, если бы начали подготовляться на 5 месяцев раньше, мы бы, при прочих равных условиях, лучше подготовились. Вообще, «ежели бы да кабы» — то у нас было бы лучше — это дешевая философия. Однако небезынтересно остановиться на вопросе, каковы были настроения в руководящей группе Коминтерна именно 5–6 месяцев назад, В июле месяце начался в Германии очевидный перелом. В июле месяце ЦК Германской коммунистической партии, почувствовав новую волну, выступил с революционным воззванием против фашистов. ЦК Коммунистической партии говорил открыто от имени партии, что за каждого убитого рабочего мы перебьем 10 фашистов. Кто знает историю Германской компартии, тот понимал, что это есть начало какой-то новой главы. Движение шло дальше и дальше. Партия получала все больше и больше влияния. Тогда она решила назначить известный вам антифашистский день. Это было крупнейшее событие. Рабочие социал-демократы были на нашей стороне, и все смотрели на Германскую коммунистическую партию, как на тот таран, который ударит фашизм по голове, пока он еще не совсем окреп. В этот момент у нас начинается первое разногласие внутри Исполкома Коминтерна. Мы были в отсутствии с т. Бухариным, нас здесь заменял т. Радек. Мы с т. Бухариным, получив это воззвание, как члены Исполкома Коминтерна, послали приветствие Германской коммунистической партии, в котором говорили, что мы считаем это воззвание великолепным и сугубо поддерживаем их в их борьбе и в вопросе об антифашистском дне. Т. Радек поднял против нас бешеную полемику, Он телеграфировал нам с Бухариным (телеграмма в моих руках), от 12 июня, что «наша политика с т. Бухариным означала бы, что Коминтерн толкает партию на июльское поражение», что мы находимся «под впечатлением болгарских и итальянских событий» и легкомысленно форсируем дело в

Германии. Т. Радек провел через президиум Исполкома телеграмму от 26 июля, которая гласит: «Президиум Коминтерна советует отказаться от уличных демонстраций 29 июля… Боимся западни». Часть наших товарищей, положившись на т. Радека, поддержала его в этом.

Т. Троцкий был запрошен также по этому поводу, он ответил, что воздерживается, так как не имеет всех материалов.

Таким образом, расхождение было такое. Мы с Бухариным говорили: поздравляем с этим шагом, сугубо поддерживаем это начало новой главы. Радек обвинял нас, что мы толкаем на июльскую бойню, на новые поражения. Радек вносил предложение об отмене фашистского дня; Т. Троцкий воздерживается. Я не для упрека это привожу. Ошибаться можно, но нельзя же потом прийти и бить нам челом нашим же добром и говорить, что если бы мы были готовы немножечко раньше, то дело пошло бы лучше. Мы-то догадались, а вы и т. Радек не догадались. Зачем же с больной головы на здоровую валить? Или когда говорят, что вначале рурского кризиса, дескать, вопрос решался, тогда нужно было видеть, что начинается новая глава! Опять с больной головы на здоровую! В Коминтерне состоялись две международные конференции в связи с Руром — одна в Эссене, другая во Франкфурте. Обе эти конференции мы рассматриваем как начало новой главы.

Исполком Коминтерна в связи с этим принял целый ряд мероприятий. Почему т. Троцкий для объективности не отметил в своей брошюре, что т. Радек, который был больше всего знаком с этим движением, считался самым большим знатоком его и действительно больше всего в нем работал, что он ошибся больше всех, что он держал партию за фалды, когда нужно было ее звать в бой, а не держать за фалды? Вот как, товарищи, распределялись действительно взгляды на этот вопрос у нас.

Германская компартия сейчас

В чем разногласия сейчас в германской партии? Товарищи спорят, надо было или не надо было отступать, или если надо было, то надо ли было отступать без борьбы?

Товарищи, разногласия большие. Всем нам, проделавшим 2–3 революции, они очень хорошо знакомы. Лучшая часть германских рабочих горит негодованием, что партия отступила без боя, потому что настроение было гораздо более боевое, чем в первой германской революции. Надо слышать рассказы германских товарищей о том, как рабочие владели улицей, как стотысячные толпы рабочих не расходились до утра, овладевали грузовиками,

как поднимались десятки тысяч женщин, шли впереди, как в Рурском бассейне немецкие женщины поднимали худых детишек своих навстречу французским солдатам и как французские солдаты опускали винтовки и начиналось братание, как рабочие повернулись спиной к своим вождям соцдемократам и шли только за коммунистами. Из этих рассказов ясно, что там был громадный подъем партии.

После октябрьского совещания у германских товарищей создалось настроение, что завтра грянет бой, что завтра они пойдут или на победу, или на смерть. Поэтому внезапное отступление отозвалось большой депрессией и разочарованием. А тут, в связи со врем этим, саксонский тяжелый опыт.

Вы помните, товарищи, тот взгляд, которого держался Исполком Коминтерна на вступление коммунистов в саксонское правительство. Но, товарищи, как вышло на деле? На деле выщло, можно сказать, совсем наоборот. В правительство вошли три члена Центрального Комитета нашей партии — Бетхер, Геккер и Брандлер. Брандлер взял не министерство, а правительственную канцелярию. Мы все здесь потирали руки от удовольствия и говорили: нет хитрее Германской коммунистической партии — она взяла себе главную правительственную канцелярию. Брандлер вошел туда, и ему будет подчинена полиция и вообще весь аппарат. Но мы были глубоко разочарованы; тут не было никакой хитрости, а было чисто немецкое преклонение перед правительственной канцелярией, где, казалось, находятся таинства всех таинств, и туда послали самого выдающегося работника Центрального Комитета партии. Они пробыли в правительстве всего 11 дней, даже 9 дней, потому что последние два дня они были уже между правительством и тюрьмой. Конечно, за 11 дней немного можно сделать, и Исполком Коминтерна, разумеется, не упрекает их в том, почему они не достали 60 тысяч винтовок и пр. В борьбе всегда можно потерпеть поражение, особенно в революционной борьбе, и вместо 60 тыс. винтовок получить пулю в лоб. Но надо было вести себя так, как подобает себя вести революционерам. На самом же деле они чувствовали себя соучастниками обыкновенной коалиции из коммунистов и социал-демократов. Они говорили, что «мы стоим на почве конституции», а не как-нибудь, что «мы ответственны только перед ландтагом», а не как-нибудь. Туг сказались старые социал-демократические традиции. Бебель в свое время с успехом разоблачал реакционность правительства, которое попирало ногами свои же законы и свою же конституцию. Тогда это было революционной агитацией. Но если коммунисты берут бебельские ноты теперь, в 1923 году, когда генерал Миллер

марширует со своими войсками против них, если они в такой момент говорят, что они стоят «на почве конституции», что они «ответственны только перед ландтагом», то из этого получается банальная парламентская комедия.

Этот опыт участия наших товарищей в саксонском правительстве раскрыл нам глаза на многие слабости Германской коммунистической партии, которые мы подозревали и раньше, но с особой наглядностью увидели теперь. Как только мы увидели ход этих событий, Исполком Коминтерна написал закрытое письмо Германской коммунистической партии с просьбой дать его для прочтения всем членам Центрального Комитета. Мы все были согласны с ним, как и т. Троцкий, который предлагал внести только некоторые редакционные поправки. В этом письме Исполком Коминтерна писал:

«Из вашей переоценки степени политической, технической подготовки с неизбежностью получилась также политическая ошибка. Мы здесь в Москве, как вам это хорошо известно, рассматривали вхождение коммунистов в саксонское правительство лишь как военно-стратегический маневр. Вы же превратили это вступление в политический блок с «левой» социал-демократией, связавшей руки вам. Мы представляли себе дело так, что вхождение в саксонское правительство явится завоеванием известного плацдарма для того, чтобы на нем начать разворачивать силы наших армий. Вы ухитрились превратить участие в саксонском министерстве в банальную парламентскую комбинацию с социал-демократами. В результате получилось наше политическое поражение. Хуже того: получилось нечто очень близкое к комедии. Поражение в бою мы перенести можем. Но когда революционная партия накануне восстания попадает прямо в смешное положение, это хуже, чем поражение. Партия совершенно не вела общегосударственной политики, которая могла и должна была бы явиться вступлением к решающему столкновению. Ни одного решительного революционного шага, ни одной даже сколько-нибудь яркой коммунистической речи, ни одного серьезного шага, чтобы двинуть дело вооружения Саксонии, ни одной практической меры для создания Советов в Саксонии! Вместо всего этого «жест» Бетхера, заявившего, что он не уйдет из здания министерства, пока не выведут его силой. Нет, товарищи, так революции не подготовляют».

Т. Радек вместо того, чтобы указать германской партии на эту ошибку, стал в своих печатных выступлениях поддерживать правое крыло этой партии, которое хочет увековечить эту оппортунистическую «саксонскую» политику. Конечно, тт., не надо преувеличивать этих ошибок. Германская компартия все же

одна из лучших секций Коминтерна, могучая пролетарская партия, партия, насчитывающая несколько сот тысяч рабочих, партия, которая приведет к победе германский рабочий класс. Но и она имеет свои слабости, и в ней есть остатки II Интернационала. Да это и естественно: ведь мы родились из недр II Интернационала; III Интернационал не с неба свалился, и остатки II Интернационала есть в недрах всех партий. Да нечего греха таить, и в нашей партии мы нашли сейчас мелкобуржуазные уклоны, а это что такое, как не остаток II Интернационала? Такие остатки есть, безусловно, и в германской партии. Ошибки будут исправлены, но лишь в том случае, если ошибки будем называть ошибками, если не будем превращать в перл создания то, что является явной ошибкой.

Радек стал на защиту правого крыла партии и начал сочинять целую философию, чтобы оправдать его оппортунистическое поведение. В чем это выразилось? Была созвана конференция после неудачи. На ней прошла резолюция, гвоздем которой являлось следующее положение: «Фашизм победил ноябрьскую республику, не победивши, однако, рабочего класса». Мы, получивши этот текст, сказали, что это или литературный выкрутас, или оппортунизм. Оказалось — тои другое. Частенько это бывает.

В самом деле, почему это положение неверно? Прежде всего самое словоупотребление нам не нравится — «ноябрьская республика». Первая германская революция произошла в ноябре и называется ноябрьской. Конечно, в статье можно употребить это выражение, как мы, например, говорим: «июльская монархия». Но теперь, когда дело вдет о теоретическом анализе, чтобы выяснить основные перспективы себе и германским рабочим, мы должны избегать такого словоупотребления. В данном случае уместнее другое словоупотребление, которому учил нас Маркс. Что представляет из себя сейчас Германия? Это буржуазная демократическая республика. В начале ноябрьской республики она называла, себя «социалистической», но это был обман. Она — буржуазно-демократическая республика — это более правильно и ясно. Но дело, конечно, не в терминологии. Что значит — «фашизм победил ноябрьскую республику, не победивши, однако, рабочего класса…». Не выходит это…

Какие выводы из этого сделали? Социал-демократия, говорят нам, была побеждена фашизмом. Между тем именно это совершенно неверно. Если бы социал-демократия была побеждена в борьбе, мы должны были бы проводить совершенно иную тактику. Мы теперь предлагаем оборвать всякие переговоры с контрреволюционными верхами германской социал-демократии.

Но если бы было верно положение, что фашизм победил германскую социал-демократию в борьбе, то отсюда вытекало бы, наоборот, наше сближение с германской социал-демократией. Маркс учил нас, что если мелкобуржуазные партии, в данном случае с.-д. партии, борются с реакцией, то мы должны поддержать эту борьбу. Но в том-то и дело, что вопрос стоит не так.

Т. Радек вопрошает, кто господствует сейчас в Германии? И, отвечая — генерал, делает вывод: стало быть, фашисты победили соцдемократию. Мы говорим: вовсе не «стало быть». Кто господствует? — Сект. А кто соучастник во власти? — Германские социал-демократы. Разве Эберт — президент, Зеверинг — министр внутренних дел Пруссии — не социал-демократы? Да, мало того. Не только верхушка соц. — дем. соучаствует во власти. Разве мы не знаем, что пара десятков тысяч, если не больше, рядовых немецких социал-демократов тоже участвуют во власти в роли бургомистров, начальников полиции и т. д.? Это тоже кусочек власти. Несомненно, это так. Социал-демократия и сейчас остается соучастником во власти. Вот в этом гвоздь! Пять лет, начиная с ноябрьской революции, в Германии правит блок социал-демократии и буржуазии. Внутри этого блока время от времени меняется соотношение сил. Даже буржуазная революция в Германии произошла вопреки воле социал-демократии. Потом германская с.-д.взяла власть и стала на тормозах спускать германскую революцию, постепенно сдавая власть буржуазии. Сейчас мы видим блок социал-демократии и буржуазии. Социал-демократия — это и теперь соправительствующая партия в Германии, т. Радек! Вот откуда вытекает наша тактика по отношению к социал-демократии. Дело в том, что сама социал-демократия стала фашистской. Товарищи, это явление замечается не только в Германии, но и во всем II Интернационале.

Посмотрите на Италию. Возьмите итальянскую партию Туратги. Туратти — оппортунист уже в течение 25 лет. Но можно ли было 10 лет тому назад сказать, что Туратги — социал-демократ фашистского типа? Нет, он был ревизионистом, издавал плохой журнал. А теперь это социал-демократ фашистского типа, его партия — крыло итальянского фашизма. Или возьмите Болгарию, более знакомую нам страну. Возьмите тамошних меньшевиков во главе с Сакызовым. Он 20 лет оппортунист. Но можно ли было сказать 10 лет тому назад про Сакызова, что это с.-д. фашистского типа? Плеханов ругал его за ревизионизм, за «критику» марксизма. А теперь? А теперь этот Сакызов входит в правительство фашиста Цанкова, режет коммунистов и т. д. То же самое вы видите во всех партиях II Интернационала. То же самое

было в Германии. Теперь нужно сказать рабочим, что социал-демократия стала крылом фашизма, а не переворачивать все вверх ногами л говорить, что фашизм победил социал-демократию, но не победил рабочих.

Отсюда вытекают две тактики. Если с.-д. стали крылом фашистов, тогда — за горло их, тогда надо отказываться от сношения с их верхами, тогда мы смотрим на них как на людей, которые стоят по другую сторону баррикады. Новое в международном рабочем движении в чем заключается? В том, что социал-демократия становится крылом фашизма. Фашизм является теперь амальгамой черносотенства и социальной демагогии, прямой помещичьей реакции и щекотания инстинктов неимущих слоев населения. Мы это видим на примере Муссолини и других. Вот почему социал-демократии легко совокупиться с фашизмом. Это надо объяснить немецким рабочим.

Немецкая социал-демократия есть часть нынешнего правительствующего блока, несмотря на то что там у власти стоят сейчас генералы. По типу нынешняя германская республика не так уж отличается от любой буржуазной демократии, хотя бы французской. Зачем же брать терминологию, которую вам подсовывает буржуазная пресса, говорить о ноябрьской республике? Возьмите марксистский термин — буржуазная демократия. Тогда вы скажете рабочим то, что есть, то, что это в основном такая же буржуазная и такая же реакционная республика, как и во Франции.

Социал-демократия является крылом фашизма, а отсюда вытекает вся наша тактика, Т. Радек ищет расхождений внутри фашизма, которые есть и имеют известное значение. Но, преувеличивая их, Радек фальшивым образом ориентирует всю немецкую партию. Отсюда то, что он защищает ту вопиющую вещь, которая была в Саксонии, которая является проявлением оппортунизма, которая расценивается нами как банальная парламентская комедия. Он это защищает.

Вот в кратких чертах наши разногласия.

На фоне всех этих событий началась большая дифференциация в ЦК Германской компартии. В конечном счете оказалось, что германский ЦК в большинстве своем стал на ту же линию, как Исполком Коминтерна. Там получилось соотношение такое: два человека на правой — Брандлер и Тальгеймер; 15 человек в центре, мнения которого, в общем и целом, совпадают с нашей точкой зрения; только точка их зрения выражена слабо, менее ясно; затем левая, имеющая в ЦК 6–7 человек, которая больше обращает все взоры на прошлое, целиком критикует старую тактику, но в конце концов тоже становится в главном на

нашу точку зрения. В данное время происходит совещание.

Перед Исполкомом Коминтерна встал вопрос о том, что мы посоветуем сейчас германской партии. Исполком взял курс на то, чтобы повернуть партию против правых уклонов, против того правого уклона, который не случайно представляет там также т. Радек, который у нас здесь иногда рядился в «левую» тогу. Исполком взял курс на сближение 15-ти из большинства с левыми для выработки совместной платформы. Т. Радек делал все возможное и невозможное для того, чтобы помешать Коминтерну провести это решение. Он прямо отказался подчиниться решению ЦК нашей партии, который дал определенные указания нашей делегации в Исполкоме. Мы спросили его: будешь проводить? Он сказал: нет, ибо я выбран Международным Конгрессом, а не вами (негодующие восклицания). Формально он прав: мы все выбраны Международным Конгрессом; но понятно, что мы должны там представлять нашу партию. Мы приняли решение, как вы, вероятно, знаете из газет, довести до сведения Исполкома Коминтерна, что он не представляет мнения нашей партии в этом вопросе. Товарищи Троцкий, Радек и Пятаков написали контртезисы, черновые, необработанные, с которыми они обратились через голову нашего ЦК к немецким товарищам, не послав их даже в наш ЦК. Т. Радек сделал все возможное, чтобы помешать Исполкому Коминтерна столковаться с большинством ЦК германской партии. Мы, другие члены Исполкома Коминтерна, сначала делали попытки соглашения, выбрали паритетную комиссию, чтобы там согласовать наши разногласия. Тт. Радек и Пятаков представили поправки оппортунистического типа, совершенно для нас неприемлемые. Мы были вынуждены их отвергнуть. Таким образом, мы делали все попытки к соглашению, а они делали все попытки к тому, чтобы фракционную борьбу перенести в Коминтерн. Вот как стоит вопрос.

Но все же я счастлив вам сказать, что вопреки всем этим помехам, несмотря на то что т. Троцкий и т. Радек раньше имели значительный авторитет среди немецких товарищей, удалось уже добиться совместной резолюции по всем политическим вопросам большинства германского ЦК с левой (аплодисменты).

Не дальше как сегодня закончила работу комиссия, которая важнейшую политическую резолюцию приняла единогласно. Еще на днях, в последний момент, когда выбиралась комиссия, т. Радек пытался разжечь фракционную борьбу между левыми и большинством ЦК. Он смеялся, что мы, Исполком Коминтерна, хотим устроить «свадьбу» между левой и большинством ЦК. Мы отвечали: что же плохого в том, что мы хотим устроить так

называемую «свадьбу» между большинством ЦК и левой, т. е. Гамбургом и Берлином, где находятся лучшие революционные рабочие, без которых никакой революции в Германии сделать нельзя? Несмотря на слабости в прошлом, левые, в общем, сигнализировали оппортунистические опасности правильно. И сейчас они имеют лучшие связи с рабочим классом Германии, чем правые, из которых некоторые являются настоящими политическими банкротами. Плохо не то, что правые ошибались, а плохо то, что они не хотят понять своей ошибки, что мы видели и у нас во время нашей дискуссии.

Тактика единого фронта

Исполком Коминтерна ведет политику, чтобы ориентировать германскую партию налево, против оппортунистических опасностей. Тут т. Троцкий прав, когда он пишет в той же книжке, что в 1921 году надо направлять германскую партию несколько направо, когда она в марте 1921 г. зарвалась, и что теперь партия по инерции продолжала видеть опасности слева. Сейчас наступил момент, когда опасность имеется справа. ЦК и Коминтерн сигнализировали это. Мы добились в основном соглашения основного ядра немецкой партии с представителями крупных левых пролетарских организаций, которые до сих пор были полны недоверия к отдельным представителям тех правых, которые еще недавно совершали саксонские ошибки и которые явно социал-демократические ошибки пытались выдать за чистое золото научного коммунизма. Вот, товарищи, как обстоит дело. Чтобы закончить, я должен указать на то, что, по-видимому, намечаются разногласия и в вопросе о тактике единого фронта.

Что такое тактика единого фронта? Мы сейчас даем еще раз точную формулировку этому. С нашей точки зрения, тактика единого фронта есть не что иное, как метод революционной агитации и мобилизации масс в той стадии движения, когда мы в меньшинстве, когда еще наступает капитал, когда мы обороняемся, когда социал-демократы еще сильны и т. д. Мы говорим, что это метод агитации и организации — и ничего другого. Кто говорит, что это значит что-то другое, тот подает палец социал-демократам. Радек и правое крыло Германской компартии исходят именно из того, что тактика единого фронта представляет нечто другое, большее, чем метод агитации и организации. Они не договаривают до конца. Но они думают, это означает вхождение в правительство вместе с с.-д., что из этого может выйти целый этап, что может быть осуществлено нечто вроде союза коммунистов с с.-д. на почве «демократии» и т. п.

Одно к одному. Отсюда этот взгляд на социал-демократию как на якобы побежденную фашизмом.

Радек возражает, что он тоже ругает с.-д. Дело не в ругательствах, а дело в оценке, в классовом анализе. Вы можете их не слишком ругать, но скажете, что они сейчас участники фашистского блока, вместо того чтобы говорить, что они побеждены, что они — жертва фашизма, тогда получится другая перспектива. Отсюда и неверный взгляд на тактику единого фронта.

Здесь была недоговоренность, теперь нужно занять ясную позицию. Наша позиция в Исполкоме Коминтерна такова, что тактика единого фронта есть не что иное, как метод агитации и мобилизации масс, метод маневрирования в социал-демократическом окружении, но не какая-то демократическая коалиция с с.-д. на парламентской почве. По этому вопросу надо договориться ясно. Т. Радек угрожал, что на этой почве будет кризис в Коминтерне. Я думаю, что этого не будет, но, если это неизбежно, нужно сказать — чем скорее, тем лучше. Мы должны в Коминтерне поставить эти вопросы ребром, наша партия должна по ним высказаться и на основе своего опыта показать дорогу рабочим других стран.

Вот те разногласия, которые стоят перед нами. Вы видите, что борьба перебросилась отчасти и по коминтерновской линий, что в Коминтерне пытались построить фронт против линии нашей партии Т. Радек в Москве говорил студентам, что ЦК через Исполком Коминтерна губит германскую партию. Мы, как горячие интернационалисты, отнеслись бы безжалостно к тому Центр. Комитету, который позволил бы себе небрежно Относиться к братской партии, ждущей от него руководства. С нас нужно было бы за это три шкуры содрать, если бы в этом вопросе мы в Самом деле допустили ошибку. Но дело в том, что и в этом вопросе роли опять распределяются так фатально, что те товарищи, которые обвиняют ЦК в перерождении, на самом деле сами держатся за фалды того правого крыла, которое собрало только два голоса из 25 в своем собственном ЦК. В этом вопросе они опять оказываются на правой стороне, а не там, где должны стоять настоящие марксисты-большевики.

Положение Коминтерна, конечно, трудное. Приходится через поражения вести рабочий класс постепенно к победам. Мы уверены, что последние события в Польше, Германии и Болгарии все-таки есть начало новой волны международной революции, которая, может быть, пойдет еще на убыль, затем опять будет подниматься. Но это есть события крупной важности.

Правительство Макдональда будет тоже «рабочим

правительством», и рабочие будут учиться. Коминтерн, несомненно, выполнит свою историческую миссию, если мы не позволим действовать такими методами, какие мы видели здесь со стороны Радека, если мы не позволим перенести фракционные методы в организацию международного масштаба. Не у всех компартий партаппарат такой, как наш. У них нет такого твердого костяка, как у нас с вами. Я думаю, теперь уже ясно, что тот, кто захочет наскочить на нас, на наш аппарат, у того наверняка останется на лбу шишка (смех, аплодисменты). У молодых братских коммунистических партий нет еще такой закаленности, такого твердого аппарата и руководства, и там действительно можно наделать много бед. Мы за эти партии несем большую ответственность. Имейте в виду, товарищи, что если вы сидите у себя в Оренбурге или Екатеринбурге, то вы там тоже несете частицу ответственности за весь Коминтерн, за эту величайшую рабочую организацию мира. А нести ответственность за работу этой организации при отсутствии Ильича — дело отнюдь не легкое. И я думаю, что в этом вопросе мы должны быть особенно непримиримыми и особенно «твердокаменными», как полагается большевикам-ленинцам. Мы должны здесь сказать, товарищи, твердо, что не позволим тут шуток, не позволим дергать братские коммунистические партии, не позволим рвать международную дисциплину, не позволим переносить фракционную борьбу в ряды Коминтерна, в ряды международной организации пролетариата. Надо доказать, товарищи, и в этом будут согласны все партии Коминтерна, что мы, несмотря на все, будем продолжать твердо руководить Коминтерном, и если будут прыжки направо т. Радека и других, то мы таких людей быстро поставим на место. В настоящее время Коминтерн в целом, а в Германии особенно, должен направить усилия против правых ошибок, которые предлагает т. Радек.

Товарищи, которые пережили революцию не только 1917, но и 1905 года, знают, каков должен быть подход к этим разногласиям, по какой линии идут эти разногласия. Помните, как Мартов искал разногласий между кадетами и октябристами, между Милюковым и Гучковым. Эти разногласия между Милюковым и Гучковым, конечно, были, но это были только частности и оттенки. Мартов утоп в попытках на этих тонких различиях построить тактику партии, как бы и Радек на этом не утоп. Кроме Гучкова и Милюкова, был и Пуришкевич, был союз русского народа. Это были зачатки русского фашизма. Его черные сотни были боевыми организациями русского фашизма. Они имели зацепку в массах, имели зацепку в деревнях, они одно время имели за собой дворника, извозчика, кухарку, имели за

собой мелкий люд. Мы все помним прекрасно, как во время декабрьского восстания, когда за нашими боевиками пошел дворник, пошел мелкий люд. Т. Ленин отмечал это как величайшее наше достижение. Русский фашизм имел значительное влияние среди мелкого люда точно так же, как немецкий фашизм имеет сейчас значительное влияние среди интеллигенции и мелкой буржуазии. Радек прав, что надо попытаться отвоевать из-под влияния германского фашизма эти мелкобуржуазные слои. Мы здесь согласны с ним. Но надо совершенно ясно видеть, товарищи, что все-таки нашу тактику строить нужно не на противоречиях между династией Виттельсбахов и династией Гогенцоллернов, как говорит т. Радек в своей резолюции. Конечно, между ними есть разногласия, как они были между шайкой Н.Н. Романова и шайкой Николая II, но на этом строить тактику пролетарской партии нельзя. Я думаю, что наше единодушное решение должно состоять в том, чтобы подкрепить германскую партию. Германская партия уже сейчас не верит сказкам о том, что у нас в России большой кризис в партии. Некоторые немецкие товарищи, пробыв здесь несколько недель, кое-чему научились. Их ЦК кое-чему научил. Когда они увидели, как наш ЦК вел борьбу за Москву, когда ее пытались вырвать из его рук оппозиционеры, эти товарищи говорили: вот, если бы у нас был такой ЦК, было бы неплохо (смех, аплодисменты). Я, товарищи, думаю, что этот опыт для них очень пригодится.

Мы считаем счастливейшим предонаменованием для Германской коммунистической партии, что при помощи Исполкома Коминтерна ей удалось выработать единую политическую платформу большинства ЦК и левых представителей гамбургской, берлинской и рурской организаций, единую платформу, которая под контролем Коминтерна будет теперь, вероятно, проводиться и на партийном съезде в Германии и которая перестроит все ряды в Германии против оппортунистического уклона. Мы считаем это счастливым предзнаменованием для Германской коммунистической партии, которая, что ни говорите, несмотря на все промахи, — сильная партия и стоит перед громаднейшими задачами.

Коминтерн строит сейчас свою тактику в Германии, наученный горьким опытом, на двух возможностях: на возможности более быстрого развития событий, быть может, даже нынешней зимой, или на возможности более длительного затишья.

Вы помните, товарищи, что после 1905 года большевизм почти полтора года не знал, к чему идет дело: на полосу более длительной контрреволюции или на более быстрый новый

подъем революции, и мы это оценили только в 1907 году, да и то еще с колебаниями.

Понятно, что и в Германии мы не можем сказать, на что там дело идет — на немедленную развязку или на более или менее длительное затишье. Как будто все-указывает на менее длительную полосу затишья, чем было у нас. Конечно, мы не историки, а живая политическая партия, и от нас тоже зависит этот параллелограмм сил.

В этом пункте — в деле компартии — мы меньше всего можем позволить нашим оппозиционерам легкомысленные шутки. Германская коммунистическая партия, что ни говори, в силу исторических судеб, стоит на аванпостах международной революции.

Конечно, товарищи, решение нашей партии в данный момент имеет больший удельный вес, чем когда бы то ни было. Правый уклон в немецкой партии Исполком Коминтерна выправит очень скоро, несмотря на то что в этом правом уклоне товарищи имели поддержку в лице т. Радека и отчасти Троцкого. Мы надеемся, что т. Радек еще осознает свою ошибку, и, конечно, это будет самым лучшим исходом и для нас, и для Германской коммунистической партии, и для него самого. Но если бы он этих ошибок не осознал, мы будем иметь достаточно силы воли и организованности для того, чтобы, вопреки этой ошибке, провести ту линию, которую мы считаем единственно правильной.

Итоги

Подводя итоги, товарищи, я говорю, что ЦК партии, который только что подвергся такой бешеной атаке и который, кажется, недурно отбил эту атаку, ведет и здесь совершенно правильную ленинскую линию.

Вы имеете перед собой две группы вопросов: вопросы международной политики, прямо связанные и с Макдональдом, и с Пуанкаре, и с предложением Радека и Красина идти на новые уступки; вы имеете и другую группу вопросов по другой линии — по коминтерновской, связанную с громаднейшим, величайшим опытом международного рабочего движения, проделанным Германской коммунистической партией в месяцы: август 1923 — январь 1924 года. И по той, и по другой линии мы стоим накануне решений, которые определят ход событий на долгие месяцы, а может быть, и годы. Само собой разумеется, что мы должны все эти решения обдумать, взвесить, но в общих чертах решение намечено, а в деталях и в отделке мы еще над ними

будем работать, прорабатывать и продумывать.

Я прошу нашу конференцию, чтобы она всю силу своего влияния положила на чашу весов. А ее влияние немалое, вопреки мнению даже ячейки Московского военного округа, которая авансом написала, что на конференции соберутся люди, которые не могут судить о событиях (где уж нам до Рафаила или Сапронова, всем собравшимся здесь!). Все-таки я думаю, товарищи, что ленинская большевистская партия есть партия, что у нас в партии могут усесться на одном диване такие люди, которые думают, что наша конференция никого не представляет, кроме бюрократов. Наша конференция представляет нашу партию, как она есть, конечно, с некоторыми слабостями (полюбите нас черненькими), с некоторой твердокаменностью характера, с которой некоторым из вас впервые пришлось познакомиться (смех, аплодисменты).

Некоторые «оппозиционеры», кажется, впервые поняли, что такое большевистская партия. Так учитесь вот, что такое большевистская партия. Когда вы будете посягать на нее, когда будете пытаться ломать аппарат, ломать ЦК, вы встретите железную стену большевиков, которые умеют защищать свое дело со всею страстью революционеров (бурные, долго не смолкающие аплодисменты). Немало товарищей обвиняли нас в том, что мы были резки. Представьте, даже давали сдачи, когда они нападали на ЦК, когда две ночи Перед 1500 курсантов в Кремле доказывали, что они должны вынести недоверие ЦК РКП. Да, мы в этот момент были не совсем бесстрастны. Мы в этот момент проявили некоторую страстность, которая есть у большевиков, и мы ее проявим всякий раз, когда кто-либо будет посягать на единство нашей партии, будет выступать с такой критикой нашей партии, какую мы видели. Но мы проявим ее втройне, когда, пользуясь отраженным авторитетом нашей партии, играющей огромную роль в Коминтерне, попытаются эту фракционную борьбу перенести в Коминтерн. Мы дадим втройне отпор. И я ручаюсь, мы будем иметь на своей стороне все, что есть пролетарского, закаленного и революционного в Коминтерне (долгие бурные аплодисменты).

Уроки германских событий и тактика единого фронта[334]

События, разыгравшиеся в Германии в течение последних недель, и тактика Коммунистической партии в этих событиях принадлежат к числу таких фактов, которые должны быть до конца освещены перед всеми секциями Коминтерна. Каждый мыслящий коммунист не может не размышлять над тем, что

произошло в Германии, не может не искать ответа на целый ряд «проклятых вопросов», связанных с этими событиями. Исполнительный Комитет Коминтерна находит, что теперь уже наступил момент, когда об этом можно и должно говорить публично. О конкретных практических задачах, вставших ныне перед Германской компартией, мы будем говорить со всей подробностью в особом документе. Здесь мы касаемся тех вопросов, которые имеют явно международное значение.

В октябре этого года и Германская коммунистическая партия, и Исполнительный Комитет Коминтерна считали, что революционный кризис в Германии назрел в такой степени, что вооруженное восстание является вопросом недель. События показали, что наши расчеты были преувеличенными. Некоторые товарищи ставят вопрос так: революционный кризис в Германий действительно назрел до последней степени, победоносное вооруженное восстание, говорят они, было возможно в октябре месяце, но Германская компартия пропустила момент, и, именно благодаря этому, мы очутились в том положении, в каком находимся ныне. Такой диагноз мы считаем совершенно неправильным. И уж во всяком случае явной ошибкой было при данном положении вещей сводить всю проблему к «календарной программе» подготовки восстания или заявлять, что никаких задач, кроме технических, перед Германской компартией якобы уже не стоит. Германская компартия обнаружила много слабостей и совершила ряд серьезных ошибок в эти критические недели, но мы не считаем ошибкой то, что она в октябре месяце не призвала пролетариата к генеральному сражению.

Отступая, партия могла и должна была все же мобилизовать массы для отдельных крупных выступлений, демонстраций, стачек и т. п. Отступление не должно было быть столь пассивным. Но самый отказ от генерального боя при создавшемся положении был неизбежен.

Не только техническая, но и политическая подготовка для решающих боев, как это ясно теперь, не была достаточна. Высоко поднявшаяся волна политических забастовок в августе 1923 года заставила нас поверить, что Германская компартия имеет уже за собой большинство всего пролетариата или, по крайней мере, его социально решающих слоев. Это оказалось неверным. Германская компартия находилась только (как и находится сейчас) на пути к тому, чтобы завоевать это большинство. Но она его еще не имела. Вторая половина сентября и начало октября были как раз самым подходящим временем для того, чтобы организовать ряд демонстраций и других выступлений с целью втянуть в активную борьбу большие слои рабочих. Но именно этого не было сделано.

К этому времени в партии стало складываться неверное мнение, будто кризис уже уперся в восстание, будто частичные выступления уже невозможны: либо восстание, либо ничего. Отсюда вытекла, например, неверная оценка движения в связи с антифашистским днем и т. п. Одной из основных слабостей Германской компартии, известной всякому критическому наблюдателю и участнику ее развития, является: недостаточная ее способность направлять усилия партии в течение длительного срока на одну ударную задачу, развертывать постепенно бой и вводить в этот бой рабочую массу, неумение закрепить растущее ее влияние на рабочие массы в массовых организациях и т. п. В лице фабзавкомов партия имела основную, исторически данную, массовую пролетарскую организацию. Опираясь на них, надо было вести живую, энергичную агитацию за Советы рабочих депутатов и в то же время подымать и развивать фабзавкомы настолько, чтобы они сами смогли на время фактически взять на себя роль Советов. Первого партия не сделала вовсе, второе — очень неудовлетворительно. В результате отсутствовал авторитетный центр для рабочих, не входящих еще в компартию, но уже отошедших от буржуазии и социал-демократии.

Надежда некоторых товарищей «сразу» — одним прыжком поднять массы на вооруженное восстание была неосновательной. Техническая подготовка — мы имеем в виду организационный аппарат партии, вооружение рабочих, степень сплоченности красных сотен и т. д. — оказалась совершенно минимальной.

С другой стороны, были недооценены технические и политические силы противника. Теперь уже выяснилось, что противник располагает по крайней мере полумиллионом вооруженных людей. Наряду с этим противник обнаружил гораздо большую политическую эластичность и приспособляемость, чем это можно было предположить, а германская социал-демократия оказалась еще ближе к контрреволюционному лагерю, чем это было до сентябрьских событий.

Ошибки в назначении сроков, в оценке темпа у революционеров были и еще будут. Задача заключается в том, чтобы эти ошибки исправлять как можно скорей и вносить необходимые поправки.

Ошибка в оценке темпа событий была и в данном случае.

И тем не менее основная оценка положения вещей в Германии, данная в октябре, остается правильной. Германская коммунистическая партия ни в коем случае не должна снять с порядка дня вопрос о вооруженном восстании и завоевании власти. Напротив, этот вопрос должен стоять перед нами во всей

своей конкретности и неотложности. Как бы ни были велики частичные победы германской контрреволюции, они не решают дела.

Со всей настойчивостью должно продолжаться вооружение рабочих, техническая подготовка решающих битв вообще. Красные сотни могут быть созданы — не на бумаге, а в действительности — только тогда, когда им сочувствует, когда их поддерживает вся рабочая масса. Для достижения этой поддержки и этого сочувствия необходимо, чтобы они развивались в ближайшей связи с повседневными частичными боями пролетариата. Только тогда, когда рабочая масса находит в красных сотнях защиту при демонстрациях и забастовках и во всех других столкновениях с буржуазными властями, они могут рассчитывать на то, что масса будет помогать им всей душой в вооружении, в обучении, в разведке сил противника. Только тогда масса будет видеть в них свои ударные батальоны. Пример Гамбурга показал великое значение геройской борьбы коммунистических ударников, хотя и в Гамбурге поддержка со стороны массы была еще очень недостаточной.

После поражения русской революции 1905 года меньшевики объявили революцию конченой и похороненной. Большевики же говорили: объективные задачи революции не решены — придет вторая революция.

В этом коренном споре большевизм оказался правым. Вторая революция пришла и победила. В то же время в вопросе о сроке этой второй революции большевизм частные ошибки делал. Он ожидал нового восстания в 1906 и в 1907 годах. Ошибаясь в вопросе о темпе и сроке, большевизм не ошибся в основной оценке классовых сил.

Пролетарская революция в Германии неизбежна. Ближайший период, несомненно, принесет новое обострение революционного кризиса в Германии. Объективные задачи революции не разрешены. Все крупнейшие факторы, подведшие Германию вплотную к пролетарской революции, не только продолжают действовать, но и обостряются. Между русской революцией 1905 года и революцией 1917 года легло 12 лет. Со времени первой германской революции прошло уже 5 лет. Но темп развития ускорился. Совершенно несомненно, что до второй революции в Германии остаются не годы, а гораздо меньший срок. Уже вскоре после занятия Рура французскими войсками Коминтерн забил в набат и попытался приковать внимание всех секций к революционному кризису в Германии. Международные конференции в Эссене и во Франкфурте целиком были посвящены этим вопросам. В инструкциях Коминтерна этим конференциям

говорилось прямо, что дело не в декларациях и воззваниях, а в том, чтобы систематически и упорно, легально и нелегально готовиться к решающим боям.

Коминтерну нечего раскаиваться в том, что в октябре 1923 года он ориентировал все свои секции на близость германской революции. При аналогичных условиях Коминтерн должен поступить таким же образом.

Не подлежит никакому сомнению, что развитие не только идет вообще по направлению к революции, но что уже в ближайшее время, вероятнее всего, еще нынешней зимой могут надвинуться крупнейшие бои германского пролетариата с германской буржуазией. Тактика Германской компартии и всего Коминтерна по-прежнему должна строиться на том, что пролетарская революция в Германии есть вопрос ближайшего времени.

Переход Германской компартии с легального положения на нелегальное совершается с громадными трудностями, но в общем партия справляется со своими задачами. Жертвы велики, трудности необъятны, но уже теперь ясно, что никакому Секту не удастся надолго парализовать Германскую коммунистическую партию.

Тактика единого фронта нашла себе особенно серьезное применение в Германии. Сильные и слабые стороны этой тактики лучше всего проверяются германским опытом последнего времени. Чтобы вести секции Коминтерна по правильному пути, мы должны с особенным вниманием изучать опыты применения тактики единого фронта в развивающихся бурных событиях.

Сильные стороны тактики единого фронта получили наиболее блестящее подтверждение именно в Германии. На III Всемирном конгрессе Коминтерна особенно подробно обсуждались задачи Коммунистической партии Германии — в связи с тем поражением, которое потерпел германский пролетариат в мартовском восстании 1921 г. Именно тогда Коминтерном был выдвинут лозунг «к массам», именно тогда Коминтерн заявил германским коммунистам, что пока что дело идет не о борьбе за власть, а только о борьбе за завоевание большинства рабочего класса. После постановлений III Всемирного конгресса Германская компартия приступила к особенно серьезному и систематическому проведению тактики единого фронта. Чем более планомерно проводилась эта тактика, тем большее замешательство начиналось в рядах с.-д., тем большее сочувствие получали мы в массах. Вся объективная обстановка в Германии благоприятствовала тактике единого фронта. И если через два с лишним года после этого

постановления III Всемирного конгресса, т. е. в течение сравнительно короткого срока, Германская компартия завоевала на свою сторону столь значительные слои германского пролетариата, то это, несомненно, объясняется тем, что Германская компартия правильно проводила за эти годы тактику единого фронта.

Пусть к октябрю 1923 г. мы не имели еще обеспеченного большинства в германском пролетариате, но уже одно то, что германские коммунисты, совсем еще недавно представлявшие собою небольшую горсточку людей, осенью 1923 г. могли серьезно ставить перед собой вопрос о том, не имеем ли мы уже обеспеченного большинства среди германского пролетариата, — показывает, что тактика единого фронта в первую стадию ее применения в Германии достигла цели. События в Германии складываются теперь так, что для прочного завоевания и закрепления большинства германского рабочего класса Германской компартии придется немало еще поработать. Но, во всяком случае, можно смело утверждать, что в первый период проведения тактики единого фронта, когда дело шло только о выполнении элементарной задачи завоевания на свою сторону передовых слоев пролетариата и освобождения их из-под влияния социал-демократии, Германская компартия действовала в общем правильно.

Критика, идущая из среды «левой» оппозиции, пытающейся опорочить тактику единого фронта вообще, насквозь неправильна. «Левые» товарищи иногда обвиняют большинство Германской компартии в том, что, проводя тактику единого фронта, она слишком ориентировалась на более отсталые слои пролетариата, идущие за социал-демократией. Этот упрек глубоко неправилен. Сущность тактики единого фронта в тем и заключается, чтобы постепенно высвободить из-под влияния контрреволюционной социал-демократии наиболее отсталые средние и арьергардные слои рабочих. Чтобы с успехом выполнить эту задачу, нельзя в приемах агитации не считаться с настроением и психологией именно этих отсталых слоев. В период второй половины 1921, всего 1922 и первой половины 1923 гг. Германская коммунистическая партия с успехом применяла тактику единого фронта. Здесь, как нигде, с особенной наглядностью были иллюстрированы сильные стороны этой тактики.

* * *

Но события последних месяцев в той же Германии с такой же наглядностью показали, что велики опасности, связанные с проведением тактики единого фронта.

Напомним, что уже при первых формулировках тактики единого фронта Коммунистический Интернационал самым настойчивым образом указал всем партиям и на те опасности, с которыми связано проведение этой тактики. В первых же тезисах по вопросу о едином фронте, принятых Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала в конце 1921 г., мы писали:

«Выдвигая намеченный план, Исполком Коминтерна указывает всем братским партиям и на те опасности, с которыми он при известных условиях может быть связан. Не все коммунистические партии достаточно сложились и окрепли, не все они окончательно порвали с центристской и полуцентристской идеологией. Возможны случаи перегибания палки в другую сторону, возможны тенденции, которые на деле означали бы растворение коммунистических партий и групп в бесформенном едином блоке. Для того чтобы с успехом для дела коммунизма провести намеченную тактику, необходимо, чтобы сами коммунистические партии, проводящие эту тактику, были сильны, сплочены и чтобы руководство отличалось идейной ясностью».

Чтобы еще больше пояснить свою мысль, Коминтерн в тех же тезисах продолжал:

«В тех группировках внутри самого Коминтерна, которые с большим или меньшим основанием оцениваются как правые или даже полуцентристские, имеются, несомненно, тенденции двоякого порядка. Одни элементы действительно не порвали с идеологией и методами II Интернационала, не освободились от пиетета пред его былой организационной мощью и полусознательно или бессознательно ищут путей идейного соглашения со II Интернационалом, а следовательно, и с буржуазным обществом. Другие элементы, борясь против формального радикализма, против ошибок мнимой левизны и пр., стремятся придать тактике молодых коммунистических партий более гибкости, маневренности, чтобы обеспечить для них возможность более быстрого проникновения в толщу рабочих масс. Быстрый ход развития коммунистических партий всегда толкал внешним образом обе эти тенденции в один и тот же лагерь, как бы в одну и ту же группировку. Применение указанных нами методов, задачей которых является дать коммунистической агитации опору в объединенных массовых действиях пролетариата, лучше всего обнаружит внутри

коммунистических партий действительно реформистские тенденции и, при правильном применении тактики, чрезвычайно поможет внутренней революционной консолидации коммунистических партий, как путем перевоспитания на опыте нетерпимых или сектантски настроенных левых элементов, так и путем очищения партии от реформистского балласта».

Ту же мысль подчеркнул и IV Всемирный конгресс Коминтерна в своей резолюции о рабочем правительстве. В этой резолюции мы читаем:

«При всех своих крупных преимуществах, лозунг рабочего правительства, как, впрочем, и вся тактика единого фронта, имеет тоже свои опасности. Чтобы избежать этих опасностей, чтобы уже сейчас бороться с иллюзиями якобы неизбежного этапа «демократической коалиции», коммунистические партии должны помнить следующее: всякое буржуазное правительство является одновременно и капиталистическим правительством, но не всякое рабочее правительство есть действительно пролетарское, социалистическое правительство».

Это предостережение III и IV Всемирных конгрессов Коминтерна в высшей степени своевременно напомнить теперь, когда даже Германская компартия, одна из лучших партии Коминтерна, допустила крупные ошибки при применении тактики единого фронта.

Крупнейшая из таких ошибок, совершенных Германской компартией, есть ее поведение в Саксонии. Вхождение коммунистов в саксонское правительство понималось Коминтерном — и только так могло пониматься им — как специальная военно-политическая задача, которая имела целью облегчить революционному авангарду завоевание плацдарма для дальнейших боев, развязать непосредственную борьбу германского пролетариата за политическую власть во всей стране.

Если прямая военная задача непосредственно отодвинулась (ибо темп событий замедлился), то и в этом случае саксонские коммунисты могли и должны были сделать многое — и прежде всего следующее:

1. Ребром поставить вопрос о вооружении рабочих; в первые же часы своего участия в рабочем правительстве коммунисты не должны были знать никакой другой основной темы, кроме вопроса о вооружении пролетариата. Это было главным условием, которое выдвинул и Исполком Коминтерна во время своего совещания с немецкими товарищами, когда решался вопрос о вхождении коммунистов в саксонское правительство.

2. Коммунисты обязаны были с такой же силой выдвинуть

немедленно вопрос о национализации крупной промышленности, о реквизиции буржуазных домов, богатых особняков для бездомных рабочих и их детей, об экстренных революционных мерах помощи безработным, о немедленном аресте фабрикантов, приступающих к саботажу производства и т. п.

3. Коммунисты обязаны были самым решительным образом оживить идею создания политических Советов рабочих депутатов.

4. Коммунисты обязаны были с первых же часов своего участия в так называемом рабочем правительстве открыто критиковать и пригвождать к позорному столбу бесхарактерность и контрреволюционность левых с.-д. с Цейгнером во главе.

5. Коммунисты обязаны были поставить вопрос о разрыве с левыми с.-д., как только выяснилось, что эти последние не идут ни на одну решительную революционную меру.

Ничего этого сделано не было. Многое сделано было наоборот. Министры-коммунисты с чрезвычайной заботливостью твердили о том, что они стояли «на почве конституции», и не уставали повторять, что они «ответственны только перед ландтагом». Это придавало всей агитации партии совершенно не тот характер, какой она должна была носить. В результате получился не воинствующий коммунизм, а довольно ручная и лояльная коммунистическая оппозиция «левых» с.-д. Вместо боевого эпизода, вместо революционной стратегии получилось банальное парламентское сотрудничество с «левыми» с.-д. Были моменты, когда партия или по крайней мере ее представители в «рабочем» правительстве превращались в пленников «левых» с.-д.

Саксонские «левые» с.-д. во главе с Цейгнером держали тесную связь с центровыми элементами социал-демократии. Эти последние, в свою очередь, шли и идут на поводу у правых с.-д., правые с.-д. — у Штреземана, Штреземан — у генерала Секта, а Сект — у откровенных фашистов. Такова непрерывная цепь.

Весь «саксонский» угол зрения оказался неверным. Партия преувеличила политическое значение саксонских эпизодов и недооценила решающее значение такого центра, как Берлин.

В самой Саксонии Германская компартия не сумела вовремя перенести свою базу на фабзавкомы, т. е. не сумела сорганизовать единство пролетарского фронта снизу путем объединения фабзавкомов для противопоставления их в целом социал-демократическим вождям, готовившим измену. ЦК Компартии не видел, что в Саксонии мы имеем лишь таких «левых» с.-д. вождей, которые в лучшем случае готовы на парламентское сотрудничество с коммунистами, но что и там нет таких «левых» с.-д. вождей, которые готовы были бы рука об руку с коммунистами идти на вооруженную борьбу против буржуазии.

Ввиду всех этих ошибок конференция в Хемнице и дала неожиданные результаты.

Германская компартия должна была ясно сознать те ошибки, какие были совершены во время саксонского опыта. Без этого правильная тактика партии в дальнейшем будет невозможна. Саксонский опыт окончательно дискредитировал «левых» с.-д. Он показал, что эти герои печального образа на деле являются слугами контрреволюции. Но он же показал, что и в нашей партии существуют элементы, не понявшие тактики единого фронта и не умеющие ее применять по-революционному.

Руководящие слои германской социал-демократии являются в настоящий момент не чем иным, как фракцией германского фашизма с социалистической фразеологией. Это не преувеличение, это факт. Фашизм есть помесь чернейшей контрреволюции с бесшабашной социальной демагогией. Частью этого «синтеза» и являются руководящие слои желтой социал-демократии. Постепенно вырождаясь, вся международная социал-демократия объективно становится не чем иным, как разновидностью фашизма, т. е. одной из групп контрреволюции, что не мешает значительным слоям рабочих с.-д. искренно считать себя социалистами. Разве может кто-либо сомневаться в том, что итальянская с.-д., возглавляемая Турагга и Модильяни, в настоящий момент является не чем иным, как фракцией итальянского фашизма? Разве может кто-либо сомневаться в том, что, скажем, болгарская с.-д., возглавляемая Янко Сакызовым, входящая в министерство фашиста Цанкова и берущая на себя самые палаческие функции в отношении рабочих и крестьян, является не чем иным, как фракцией болгарского фашизма? То же относится к германской с.-д. в нынешнюю стадию развития. Генералу Секту, который ничем серьезным от фашистов не отличается, вовсе не нужно было побеждать германскую социал-демократию. Германская социал-демократия сама породила генерала Секта, выдвинула его на то место, которое он теперь занимает, и является на деле его союзницей. В течение 5 лет, с октября 1918 года, когда власть после первой германской революции попала в руки так называемых «народных уполномоченных» (три с.-д. и три независимых с.-д.), германские социал-демократы и германские независимые (нынешняя «левая» с.-д.), в сущности говоря, ничего другого не делали, как постепенно на тормозах спускались в лагерь буржуазной контрреволюции, сдавая власть фашистам. Ныне этот процесс близок к завершению. Законным наследником 1-го «революционного» правительства Шейдемана — Гаазе оказался не кто иной, как фашист, генерал Сект. Ноябрьская республика

вскормила и вспоила фашизм. В обстановке, которая некоторыми своими чертами напоминала нынешнюю обстановку в Германии — на грани между двумя революциями, — тов. Ленин говорил: Россия делится на три лагеря:

1) черный правый (помещики и крупный капитал);

2) колеблющийся центр, середина (мелкая буржуазия, кадеты и прочая «демократия»);

3) левый лагерь (рабочие, часть крестьянства).

Большевизм хорошо отдавал себе отчет в том, что и внутри первого лагеря есть свои подгруппы, что, например, купцы из партии октябристов кое в чем отличаются от оголтелых черных помещиков из «Союза Русского Народа» (теперь сказали бы — фашистов), что между первым и вторым лагерями есть промежуточные группы и т. п. Но большевизм знал, что эти оттенки и детали не имеют решающего значения. Большевизм учил народ, и прежде всего рабочий класс, исходить из этого деления страны на три лагеря.

В основном так же должны поступать теперь коммунисты в Германии. Если говорить о широких массах населения, о миллионах и десятках миллионов людей, то и современная Германия распалась на три лагеря:

1) черный, объединяющий всю крупную, значительную часть средней буржуазии и богатейшую часть крестьян, на деле фашистский лагерь;

2) широкие круги городской мелкой буржуазии, в том числе и значительная часть лучше обеспеченных рабочих, считающих еще себя социал-демократами;

3) основное ядро городского пролетариата, сознавшего необходимость революционной борьбы.

Нет никакого сомнения в том, что черный лагерь в Германии и теперь пытается опереться на мелкий люд — и не без успеха. Отсюда вытекает важнейшая задача для компартии систематически и упорно бороться за высвобождение разоренных и разоряющихся элементов мелкой буржуазии из-под влияния фашизма. Успех коммунистов в этой области обеспечен тем более, что фашисты ныне спасают капитализм не только за счет рабочих, но и за счет значительных слоев мелкой буржуазии.

Если рассматривать вещи в их динамике, то дело развивалось в Германии приблизительно так.

До конца сентября 1923 года мы наблюдали два полюса — первый и третий. Серединные, колеблющиеся элементы (второй лагерь) пытались найти средний путь, без потрясений, шатались спасти капитализм.

Поскольку дело идет о массах людей, такой второй, средний

лагерь существует и сейчас. Но в руководящих партийных слоях с октября произошла перегруппировка: совершалась передвижка руководящих сил второго лагеря (с.-д. вождей) в первый лагерь. С.-д. вожди становятся простым прикрытием черного лагеря.

Классовое различие между Эбертом и Сектам, конечно, есть, и его нельзя забывать. Но Эберт объективно — слуга и пленник Секта. Эберты и Зеверинги не хотят и не могут вырваться из цепких объятий фашизма.

Единство политической цели у Эбертов и Сентов в данный период — вне сомнения.

Если говорить о верхушках, о политических руководящих группах, то первый и второй лагери в значительной мере теперь сливаются. Разумеется, между Гитлером, Людендорфом, Карром, Книлингом, Сектом — есть оттенки. Между Зеверингом — Эбертом есть оттенки, Шейдеманом — с одной стороны, и Сектом — с другой, тоже есть оттенки и частные разногласия. Эберты и Зеверинги пытаются еще опираться на демократические слои населения, в том числе и на часть наиболее обеспеченных рабочих. Но это все же только детали и нюансы. В главном они согласны между собой: их общая задача — удушить пролетарскую революцию в Германии.

О деталях и оттенках в лагере врага германские коммунисты не должны, разумеется, забывать, но самое важное — это чтобы народ, чтобы рабочий класс понял суть дела. А суть заключается в том, что генерал Сект есть тот же фашист, что верхушка германской социал-демократии стала насквозь фашистской, что она на деле объединилась с генералом Сектом, этим германским Колчаком, не на жизнь, а на смерть против рабочей революции.

Вот почему все отношение к социал-демократии должно быть пересмотрено. События последнего времени показали более чем в достаточной степени, что руководящие слои с.-д. до конца останутся злейшими врагами рабочего класса и будут до последней минуты бороться против Пролетариата по другую сторону баррикады. Германские коммунисты должны помнить, что и ноябрьская 1918 года буржуазная революция в Германии, низвергшая Вильгельма и утвердившая власть «демократической» буржуазии, произошла вопреки и против воли вождей германской социал-демократии. Вся тактика Эбертов и Шейдеманов была до самой последней минуты направлена на сохранение короны Вильгельма Второго. Тем более Шейдеманы и Эберты, Вельсы и Мюллеры будут до конца бороться против надвигающейся пролетарской революции.

Еще опаснее, чем политика Шейдеманов и Эбертов, политика нынешней «левой» социал-демократии. Самый опасный враг

пролетарской революции в современной Германии — это так называемая «левая» социал-демократия. Это — последняя иллюзия с.-д. рабочих, это — последний исторический маскарад. Германские коммунисты должны помнить, что среди левых с. г д. в лучшем случае находятся герои типа Цейгнера, которые великодушно соглашаются на сотрудничество с коммунистами в «парламентских» рамках, но что таких «левых» с.-д., которые согласны были бы соединить свою судьбу с коммунистами для открытой борьбы с оружием в руках против буржуазии, не существует в природе. Откровенным предателям типа Носке и Эберта не верят даже рядовые рабочие с.-д. А «левым» с.-д., всем этим Розенфельдам, Криспинам, Цейгнерам и Леви, которые на деле являются только прикрытием для грязной контрреволюционной политики правых с.-д., продолжают еще верить значительные круги рабочих.

Настал момент, когда Германская компартия должна открыто на всю страну заявить, что она отказывается от каких бы то ни было переговоров и соглашений с ЦК германской с.-д. Ибо с откровенными контрреволюционными буржуа, которые сидят в этом ЦК, нам переговаривать не о чем. Либо в Германии победит фашистская буржуазия, и продажные вожди германской с.-д. партии, пойдя на службу к фашистам, будут продолжать расправляться с рабочими; либо победит германский пролетариат, и эта победа произойдет уж во всяком случае вопреки Центральному комитету германской с.-д. партии.

Наступил момент, когда Германская компартия должна открыто заявить, что она отказывается от каких бы то ни было переговоров и соглашений с центральной группой так называемых «левых» с.-д. до тех пор, пока эти герои не найдут в себе, по крайней мере, достаточно мужества для того, чтобы организационно порвать с контрреволюционной бандой, засевшей в Центральном комитете германской с.-д.

Иные товарищи, принимая предложение об отказе переговоров с с.-д. верхами, пытаются мотивировать нынешний наш отказ от этих переговоров тем, что, дескать, победа фашистов над соц. — демократией уничтожила почву для частичных требований и тем самым уничтожила-де базу для соглашений с верхами с.-д. Это — глубоко неверная постановка вопроса. Как раз наоборот. Если бы в самом деле мы видели на одной стороне победившую фашистскую реакцию, а по другую сторону баррикады — потерпевшую в борьбе с фашизмом социал-демократию, — то отсюда вытекало бы большое сближение коммунистов с социал-демократами для борьбы против общего врага — фашизма. Но в том-то и дело, что это не так. В том-то и

дело, что руководящие слои германской социал-демократии сами стали фашистскими.

Разумеется, если говорить о программе с.-д., как она написана на бумаге, то генерал Сект, конечно, топчет ее ногами. Но эту программу с.-д. партии топчут ногами и сами вожди с.-д. А если взять действительные чаяния вождей германской социал-демократии, то они теперь не так уж далеки от режима генерала Секта. Главной задачей этих с.-д. вождей, их сокровенной целью является удушение пролетарской революции. Германскую компартию объявлял нелегальной не только генерал Сект, но в свое время и с.-д. Носке. Да и теперь Сект действовал и действует заодно с Эбертом и К°.

События августа — октября 1923 года напугали вождей с.-д. еще больше, чем события 1918–1919 гг. «Кровавый призрак» социальной революции заставил их шарахнуться направо.

Как события октября — декабря 1905 года в России окончательно толкнули все руководящие элементы «демократического либерализма» (Струве, Милюков) к царизму, так события августа — октября 1923 года в Германии толкнули верхи германской социал-демократии (Эберт, Шейдеман) к поддержке диктатуры генерала Секта.

Единство снизу. Вот к чему подвела нас в Германии вплотную тактика единого фронта.

Уже в первых тезисах Коминтерна (декабрь 1921 г.) мы писали, напоминая братским партиям опыт русских большевиков:

«В противовес дипломатической игре вождей меньшевиков русские большевики выдвинули лозунг «единства снизу», т. е. единства самих рабочих масс в практической борьбе за революционные требования рабочих против капиталистов. Практика показала, что это был единственный правильный ответ. И в результате этой тактики, которая видоизменилась в зависимости от обстоятельств, времени и места, громадная часть лучших рабочих-меныыевиков постепенно была завоевана на сторону коммунистов».

Наступил момент, когда Германская компартия должна исправить ошибку, должна суметь воплотить в жизнь лозунг единства снизу. Среди рабочих, входящих еше в германскую с.-д. партию, происходит небывалое по интенсивности брожение. Рабочие с.-д. ищут новых путей и видят банкротство с.-д. вождей. Решительно отказываясь от каких бы то ни было переговоров с контрреволюционной верхушкой, мы, разумеется, не имеем никаких оснований отказываться от локальных переговоров и соглашений с с.-д. рабочими во всех тех местах, где перед нами честные пролетарии, искренно ищущие правильной дороги и

готовые на деле доказать свою преданность революции.

Одним из моментов, облегчающих возможность действительного проведения единства снизу, является нынешнее внутреннее состояние германской социал-демократии. Не будет преувеличением сказать, что германская с.-д. в настоящее время фактически является конгломератом плохо связанных друг с другом местных организаций с радикально различной политической ориентацией. Действительную роль Центрального комитета партии фактически выполняет парламентская фракция; но именно эта парламентская фракция с.-д. более всего скомпрометирована в глазах рядовых членов партии. Чтобы быть формально последовательными до конца, мы должны были бы требовать от каждой местной организации с.-д., как предварительного условия, заключения с нами единого фронта и разрыва с Центральным комитетом германской с.-д. партии. В настоящий момент это, как правило, однако, невозможно. Уже тот факт, что данная местная с.-д. организация входит в серьезное соглашение с компартией и начинает вместе с ней борьбу против существующего режима, означает на деле разрыв с контрреволюционной верхушкой германской социал-демократии.

Но для того чтобы провести эту тактику локальных соглашений и единства снизу, необходимо, чтобы сама Германская компартия сознала совершенные ошибки. Не исправив этих ошибок, мы рискуем скомпрометировать тактику единого фронта, которая была и остается верной на целый период.

Единство снизу — этот лозунг ни в коем случае не следует понимать слишком механически. Единство снизу тоже требует организованности и планомерности. Этот лозунг надо уметь защищать не только на общих собраниях рабочих, не только перед массами, но уметь организованно и планомерно проводить на делегатских собраниях, в отдельных профсоюзах, в фабрично-заводских комитетах, в рабочих центрах отдельных округов и городов. Начиная «снизу», надо уметь систематически развивать дело дальше, к одному звену прибавлять другое с тем, чтобы в конце концов получить единство рабочих масс в таком масштабе, какой только и может обеспечить победу.

* * *

Ошибки при проведении тактики единого фронта были неизбежны. Мы видели эти ошибки в целом ряде стран. Во Франции в начале 1922 года значительная часть партии не

понимала тактики единого фронта и искренно опасалась, что эта тактика означает идейную уступку социал-демократии. В Англии часть товарищей вначале понимала тактику единого фронта так, что в этой тактике делала неправильный вывод о том, что будто коммунисты не должны критиковать оппортунистическую Рабочую партию в парламенте. В Финляндии делались неправильные выводы примерно Такого же характера. В Румынии часть товарищей искренно считала, что тактика единого фронта сводится к парламентскому сотрудничеству с «правыми» социал-демократами. Итальянская коммунистическая партия долгое время делала ошибку противоположного характера и не умела проводить (отчасти не умеет и сейчас) тактику единого фронта для разоблачения итальянской с.-д. Ряд других партий вначале понимал эту тактику слишком механически и считал, что достаточно раз в месяц писать шаблонное открытое письмо социал-демократам, а затем забывать о нем, не умел вести актуально-политической борьбы в связи с тактикой единого фронта и т. д.

И тем не менее мы полагаем, что плохое выполнение еще не означает, что сама идея неверна. Неверное проведение тактики единого фронта, в особенности вначале, в целом ряде стран не означает, что сама тактика неверна. Разве не то же самое видели мы, например, с идеей революционного парламентаризма! Тактика революционного использования парламентаризма была и остается совершенно правильной. А практическое проведение этой тактики давалось, а отчасти еще и теперь дается нам с большим трудом. Но это вовсе не значит, что правы те, которые в принципе отрицают революционный парламентаризм. То же, в еще большей степени, относится к тактике единого фронта.

Нужно только, чтобы все коммунисты ясно отдавали себе отчет в том, чем является тактика единого фронта и чем она должна быть. Нужно раз навсегда понять, что для Коминтерна тактика единого фронта была и остается только методом агитации среди рабочих, доверяющих еще социал-демократии, а также среди революционно настроенных рабочих вообще (в том числе беспартийных) — методом, приспособленным именно к данной эпохе. И только. Надо раз навсегда распроститься с мыслью о том, что тактика единого фронта есть нечто большее, именно, что она будто бы рассчитана на возможность более или менее длительного союза коммунистов с социал-демократами, союза, долженствующего осуществить в рамках демократии на целый переходный период рабочее правительство и т. п. От этой последней иллюзии, поскольку она еще была кое-где, необходимо отказаться раз навсегда.

Когда мы говорим о революционной агитации, мы, разумеется, не противопоставляем ее задачам революционной организации и борьбы. Одно связано с другим. Тактика единого фронта, разумеется, включает в себя искреннюю готовность коммунистов к совместным действиям с социал-демократами всякий раз, когда эти последние готовы, хотя бы в самых элементарных вопросах, на деле бороться против буржуазии. Врозь идти, вместе бить — мы готовы всегда.

Лозунг «рабочее правительство» (или рабоче-крестьянское правительство) был и остается превосходным агитационным лозунгом. Лучше, чем какой-либо другой, он приспособлен для того, чтобы мобилизовать вокруг коммунизма не только пролетарский авангард, но и те средние слои рабочих, которые еще стоят между нами и соц. — демократами, а при благоприятных условиях — арьергардные слои тяжелой пролетарской пехоты. Но было бы величайшим несчастьем для международного рабочего движения, если бы мы вызвали в рабочем классе иллюзию, будто рабочее (или рабоче-крестьянское) правительство действительно может быть завоевано мирным парламентским путем, в результате соглашения с социал-демократическими вождями. Во всех главнейших странах Европы положение вещей таково, что если бы даже социал-демократы — чего никак нельзя ожидать от них — все, как один, вздумали перейти на сторону рабочих, то и в этом случае мирный исход из кризиса был бы невозможен. Та же социал-демократия в течение ряда лет делала и сделала все возможное и невозможное для того, чтобы укрепить диктатуру буржуазии, которая теперь настолько сильна, что нигде не уступит власть под влиянием мирных «демократических» воздействий. А вместе с тем вожди социал-демократии не только не думают переходить на сторону борющегося пролетариата, но, напротив, с каждым годом становятся все более решительными сторонниками буржуазной контрреволюции и, наконец, докатились до того, что стали крылом фашизма.

Диктатура буржуазии должна быть сменена диктатурой пролетариата, руководимого коммунистической партией, — вот чему должны мы учить рабочих. Систематически, неуклонно, пользуясь каждым подходящим примером, каждым Крупным эпизодом гражданской войны, в особенности такими крупными событиями, как в Германии, Коминтерн должен разъяснять самым широким кругам рабочих, что надежда на какой-то мирный переход к рабочему (или рабоче-крестьянскому) правительству в рамках демократии невозможна. Мы должны объяснить рабочим, что единый фронт всех пролетариев в значительной степени

облегчит борьбу и увенчает ее победой, но ни в коем случае не заменит борьбу гладкой, мирной, демократической безболезненной эволюцией. Тактика единого фронта есть тактика революции, а не эволюции. Эта тактика хороша только тем, что она обеспечивает успех революции, а вовсе не тем, что она заменяет ее мирной эволюцией.

Тактика единого фронта, как метод агитации среди широких слоев рабочих, разумеется, приспособлена к определенной эпохе, именно к той эпохе, когда коммунисты почти во всех важнейших странах рабочего движения еще находятся в меньшинстве, когда непосредственных революционных битв пока не происходит. По мере перемены обстановки придется и приходится модифицировать применение тактики единого фронта. Да и теперь в важнейших странах практическое проведение этой тактики должно быть различным. Чтобы взять хотя бы один пример, укажем на то, что модификация тактики единого фронта, намеченная выше для Германии, совсем не подходит в данный момент, например, для Польши. Секции Коминтерна должны научиться под общим контролем Исполнительного Комитета Коминтерна проводить тактику единого фронта применительно к конкретной обстановке в каждой данной стране.

События в Болгарии, Польше и Германии, разыгравшиеся в сентябре — ноябре 1923 года, несомненно, являются началом новой главы в истории международной революции. По мере ток» как борьба будет разгораться и принимать более решающий характер, нам придется еще не раз модифицировать применение тактики единого фронта в отдельных странах. Придет время — оно недалеко, — когда мы увидим громовый крах целых, ныне еще больших социал-демократических партий, когда амстердамские профсоюзы будут целиком переходить на нашу сторону или, упорствуя в своем предательстве, будут лопаться на наших глазах как мыльные пузыри, когда целые слои социал-демократических рабочих будут массами переходить на нашу сторону. Тактика единого фронта приближает этот момент. А когда он наступит, мы должны будем, разумеется, сделать вытекающие из этого тактические выводы.

Отдельные робкие попытки «левых» коммунистов воспользоваться ошибками, имевшими место даже в лучшей из секций Коминтерна — в германской, для того чтобы ликвидировать самую тактику единого фронта, должны встретить решительный отпор. Тактика единого фронта была и остается правильной, несмотря на ошибки, совершенные даже в Германии. Коминтерн не может допустить до того, чтобы вместе с водой из ванны выплеснули и ребенка. Наша задача в том, чтобы на

совершаемых ошибках учиться не делать их в дальнейшем, а ни в коем случае не в том, чтобы помножать эти ошибки на новые, еще большие, промахи.

Исполком Коминтерна глубоко уверен в том, что Германская компартия, накопляющая теперь с каждым днем величайший политический опыт, сумеет быстро преодолеть сделанные ошибки и выйти на правильную дорогу.

Исполком Коминтерна считает, что нет никаких оснований для пессимизма в оценке германских событий. Истинные революционеры, настоящие коммунисты не пугаются трудностей, не колеблются при первых поражениях. Задача, стоящая перед Германской компартией, поистине грандиозна. Она, а не кто другой, должна вести в бой 15—20-миллионный германский пролетариат. Бои, которые в ближайшем будущем развернутся в Германии, решат судьбы не только германского, но и всего европейского пролетариата. Коммунисты всего мира с величайшими симпатиями следят за героической борьбой Германокой компартии, которая ведет теперь свою борьбу при режиме белого террора под градом пуль и осыпаемая ударами из-за угла, со стороны предательской социал-демократии. Братская поддержка со стороны Коминтерна в целом и отдельных его секций вполне обеспечена Германской компартии.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В. И. Ленин выступает с докладом на заседании II конгресса Коминтерна 19 июля 1920 г.

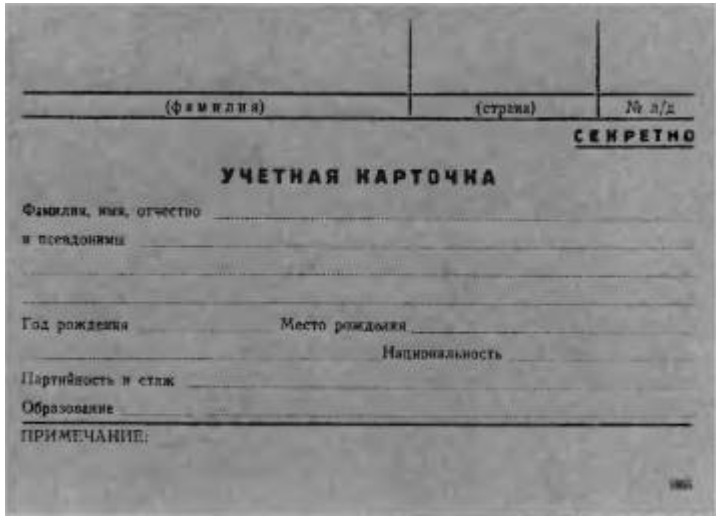
Деятели международного коммунистического движения

И. В. Сталин

СМЕРТЬ МИРОВОМУ
ИМПЕРИАЛИЗМУ

Плакаты «Смерть мировому империализму» и «Тов. Ленин очищает землю от нечисти».

Французский плакат «Трудящиеся Франции! Вот они — коммунистические подстрекатели!». 1930 г.


(фамилия) (страна) № л/д

СЕКРЕТНО

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА

Фамилия, имя, отчество

и псевдонимы

Год рождения Место рождения

Национальность

Партийность и стаж

Образование

ПРИМЕЧАНИЕ:

Учетная карточка работника Коминтерна

Я. М. Рудник. 1925 г.

Я. М. Рудник — заключенный Нанкинской тюрьмы, 1932 г.

Стоян Иванов (И. П. Степанов)
В. Деготь

Михай Бужор
Богомир Шмераль

Абрам Гуральский в Германии
Абрам Гуральский. 1921 г.

К. Поль с сыном Георгием
Генрих Брандлер

Жозеф Томмази
Жак Дорио

Сюзанна Жиро
Фанни Езерская

Б. Д. Михайлов
Й. Бубник

Б. Д. Михайлов в Египте. 1945 г.

notes

Примечания

1

См.: *Brigitte Studer, Berthold Unfried.* At the Beginning of a History: Visions of the Comintern After the Opening of the Archives // International Review of Social History, 1997. № 42. P. 426–432;

Annie Kriegel, Stephane Courtois. Eugen Fried. Le grand secret du P. C. F. Paris: Editions du Seuil, 1997;

Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Красный карандаш судьбы. Две жизни Георгия Борисовича Скалова // Латинская Америка, 1998, № 4–5;

Komintern: l'histoire et les hommes. Dictionnaire biographique de Г Internationale communiste en France, en Belgique, au Luxembourg, en Suisse et ä Moscou (1919–1943). P.: Les Editions de l'Atelier, 2001;

Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск: Харвест, 2004.

2

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 177.

3

10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. М. — Л.: Госиздат, 1929. С. 9.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 97–98.

10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. С. 16.

Второй конгресс Коминтерна/ Под ред. *О. Пятницкого, Д. Мануильского и др.* М.: Партиздат, 1934. С. 556.

7

Из отчета ИККИ на III конгрессе КИ.

8

См.: *Broué, Pierre.* Histoire de l'Internationale communiste. 1919–1943. P.: Fayard, 1997. P. 213–214.

9

10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. С. 54.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 34, 36, 37.

11

См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 326. Оп. 2. Д. 21. Л. 22.

12

«Коммунистический интернационал». 1922. № 20. С. 5212.

«Источник». 1995. № 5. С. 117–118.

«Источник». 1995. № 5. С. 121–122.

15

РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 21. Л. 14.

16

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 19.

17

См., например: *Земляной С.* Куда идешь? // Независимая газета. 5 декабря 2000.

18

Коминтерн против фашизма. Документы. М.: Наука, 1999. С. 135.

19

К международному положению / *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. С. 282. Статья была представлена в журнал «Большевик» 20 сентября 1924 года.

20

Сталин И. В. К итогам работ XIV конференции РКП(б). Доклад активу московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г. / Соч. Т. 7. С. 93.

21

Сталин И. В. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. / Соч. Т. 7. С. 159, 201.

Deutscher Issaac. Staline. Biographie politique. P.: Gallimard, 1966. P. 359–360.

«Источник». 1995. № 6. С. 100.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. С. 23.

25

Сталин И. В. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов / Соч. Т. 6. С. 368.

Цит. по: «Политические исследования». 1991. № 2. С. 178.

Ватлин А. Ю. Коминтерн: первые десять лет. М.: РИЦ «Россия молодая», 1993. С. 121.

28

РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 28. Л. 36–37.

29

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Том 2. Часть 2. М., 1996. С. 539–540.

30

См.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 2. М.: Терра, 1990. С. 57, 98, 192.

31

РГАСПИ. Ф. 495. Orr. 3. Д. 49. Л. 127–128.

32

Макдермотт Кевин, Агню Джереми. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000. С. 126.

33

Бубер-Нейман Маргарете. Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920-1930-х гг. М.: АИРО-XX, 1995. С. 177.

Макдермотт Кевин, Агню Джереми. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000. С. 193.

35

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 12209.

36

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 3.

37

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 12209.

Абрамович А. Незабываемые встречи (Воспоминания о В.И. Ленине, 1911–1920) // Коммунист Советской Латвии. 1961. № 4. С. 37–41.

39

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 41. Д. 33. Л. 57–59 об.

40

См.: *Волленберг Эрих.* В рядах Баварской Красной Армии. М.: Госуд. воен. изд-во, 1931, С.18;

РГАСПИ. Ф, 495. Оп. 293, Д. 2. Л. 9.

41

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 3. Л. 61.

42

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 3.

43

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 293. Д. 2. Л. 16.

44

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 3. Л. 60–61.

45

Герцог, Якоб (1892–1931) — руководил социалистической молодежью в 1914 году, исключен из Социалистической партии в октябре 1918 года. Один из основателей КП Швейцарии, делегат II съезда Коминтерна.

46

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 79.

47

РГАСПИ Ф. 495. Оп. 293. Д. 2. Л. 18–19.

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998.

49

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 81.

50

См.: РГАСПИ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 3. Л. 32–35; Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 79 об.

51

Laporte Maurice. Les Mystères du Kremlin (Dans les Coulisses de la Illème Internationale et du Parti Communiste Français). Paris: La renaissance moderne, 1928. P. 71.

Балкун Ф. Интервенция в Одессе // Пролетарская революция. 1923. № 6–7. С. 221.

Body Marcel. Un ouvrier limousin au coeur de la revolution russe. Mes années de Russie. 1917–1927. P.: Spartacus, 1981. P. 158–159.

Серж Виктор. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.: НПЦ «Праксис»; Оренбург: Оренбургская книга. 2001. С. 176.

55

См., например, замечание Г. Атабекова о некоей Штальберг в кн.: *Агабеков Г.* Секретный террор: Записки разведчика. М.: Терра — Книжный клуб, 1998. С. 276–277;

или сводку Особой следственной комиссии о злодеяниях большевиков с информацией о некоей Эде Берг из Киева// Вопросы истории. 2001. № 10. С. 10.

56

См.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 752.

57

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 79–79 об.

58

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 81. В публикации сохранен стиль оригинала.

59

См.: *Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. С. 30.

60

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 62.

61

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 64.

SFIO. XVIII-e Congrès national. Compte-rendu stènographique. Paris, 1920. P. 312.

63

Цит. по: Коминтерн и идея мировой революции. С. 237. В этом письме К. Цеткин ошибочно называет Абрамовича Абрамовым.

L’Humanitè, 31 janvier 1921.

Kriegel Annie. Les communistes français. Dans leur premier demisiècle. 1920–1970. Paris: Ed. du Seuil, 1985. P. 200–201.

Laporte M. Op. cit. P. 88.

L’Humanitè, 2 fèvrier 1921, 6 fèvrier 1921,12 fèvrier 1921.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 14. Л. 96 об.

69

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 353а. Л. 42; Ф. 495. Оп. 65а. Д. 3.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 353а. Л. 42.

71

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 383. Л. 37.

Порецки Элизабет. Тайный агент Дзержинского. М.: Совменник, 1996. С. 81.

73

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 6. Д. 43. Л. 13–14.

Л. Троцкий. Коммунистический Интернационал после Ленина (Великий организатор поражений). М.: Спартаковец; Принтима, 1993. С. 291.

75

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2. Ч. 2. С. 601–603;

РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 28. Л. 35.

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 2. Ч. 2. С. 626–627.

77

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4307.

Victor Serge. Mèmoires d'un rèvolutionnaire. 1901–1941. Paris, Ed. du Seuil, 1978. P. 229.

ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Том 2. Часть 2. М., 1996. С. 740–741.

80

Речь идет соответственно о Пэн Шучжи (1895–1983), в 1925–1928 гг. — члене ЦК КПК, в 1925–1927 гг. — члене Бюро ЦИК КПК, в 1928 году выведенном из состава ЦК КПК, а также Ло Инуне (1902–1928) — в 1927–1928 гг. — члене ЦК КПК, председателе Оргбюро ЦК КПК, казненном гоминьдановцами.

Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. М., 1976. С. 592.

82

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 60. Д. 132. Л. 45.

83

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 41. Д. 2. Л. 1.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 12209.

85

Mineff St. La Rèpublique balkanique / Demain. № 15, juillet 1917. P. 145–146.

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 64.

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 61.

«Коммунистический интернационал». 1925. № 9, сентябрь. С. 6.

89

Коминтерн и идея мировой революции. С. 237.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 1547. Л. 93.

91

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 231. Л. 197

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 231. Л. 197.

93

Владимир Пятницкий. Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. С. 221.

Малая энциклопедия по международному профдвижению. М.: Издание Профинтерна, 1927. С. 1814.

Шаварош Жан. Стабилизация франка и экономические перспективы Франции // Коммунистический интернационал. 1926. № 4;

Шаварош Жан. «Реформ экономик». Экономическое и финансовое обозрение // Коммунистический интернационал. 1927. № 21;

Шаварош Жан. Синдикализм со множественной основой // Коммунистический интернационал. 1927. № 28;

Шаварош Жан. О «мексиканском» вопросе и о компартии в Мексике // Коммунистический интернационал. 1928. № 21;

Chavaroche J. L'èconomie et la lutte politique en France. P.: Bureau d'èditions, s. a. /1928/;

Шаварош Жан. Современная экономика Франции и основные тенденции ее развития // Коммунистический интернационал. 1929. № 12;

Шаварош Жан. Империалистическая Франция в поисках диктатора // Коммунистический интернационал. 1929. № 45;

Шаварош Жан. Фиолетовая республика и буржуазно-демократическая революция в Испании // Коммунистический интернационал. 20 мая 1931. № 13–14.

Branko Lazitch. Biographical Dictionary of the Comintern. Stanford, 1986. P. 316–317;

Димитров Георги. Дневник (9 марта 1933 — 6 февраля 1949). София, 1997. С. 724;

Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М.: Наука, 2001. С. 510;

История Коммунистического Интернационала. 1919–1943: Документальные очерки. М.: Наука, 2002. С. 166.

Victor Serge. Op. cit. P. 228.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 1547.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 8657.

100

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 668. Л. 24–24 об.

101

Коминтерн и идея мировой революции. С. 722.

Коммунистический интернационал. 1932. № 33. С. 45.

103

Проблемы испанской революции. Пути ее развития и условия ее победы- Пер. с испанското. М.: Партиздэт, 1933. С. 33.

104

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 209. Л. 11.

105

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 2. Д. 209. Л. 69, 74.

106

Цит. по: *Pierre Brouè.* Staline et la rèvolution. Le cas espagnol (1936–1939). Paris: Fayard, 1993.

107

Кривицкий В. Г. Я был агентом Сталина: Записки сов. разведчика. М.: Терра-Terra, 1991. С. 149.

108

Jesús Hernández. Yo fui un ministro de Stalin. Mexico, 1953. P. 68.

109

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 211. Л. 83.

Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 264–265.

111

Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 287, 291.

Подробнее см. Приложение № 2: *Пантелеев М. М.* Репрессии в Коминтерне (1937–1938 гг.).

113

Владимир Пятницкий. Указ. соч. 1998. С. 81.

114

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 195. Д. 1547. Л. 60, 62.

115

Antonio Elorza. Stalinisme et internationalisme en Espagne, 1931–1939 / Prolètaires de tous les pays, unissez-vous? Les difficiles chemins de l'intemationalisme (1848–1956). Dijon, EUD. 1993. P. 200.

Коминтерн и гражданская война в Испании. С. 461–462.

117

Ибаррури Д. Воспоминания. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988. С. 10.

118

Ибаррури Д. Воспоминания. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988. С. 18.

119

РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 12. Д. 159. Л. 1-17.

См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 69268;

Деготь В. Под знаменем большевизма. Записки подпольщика. М.: Изд-во Всесоюзного общества палиткаторжан и ссыльнопоселенцев, 1911. С. 14.

Деготь В. Под знаменем большевизма… С. 70.

Волошин М. А. Путник по вселенным. М.: Сов. Россия, 1990. С. 117.

123

«Красный Архив». 1934. № 1 (62). С. 218.

124

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 533. Оп. 1. Д. 395. Л. 12.

125

РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 574. Л. 3;

«Пролетарская революция». 1927. № 8–9. С. 309;

Деготь В. Под знаменем большевизма. Записки подпольщика. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 101.

126

Деготь В. Из истории партийной работы в Одессе в 1909–1910 гг. // Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 309.

127

Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1934. Т. 1. С. 181.

128

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 1176. Л. 297 об. (Арх. 2. Оп. 73. Д. 1010).

129

РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 574. Л. 3.

130

Зак Л. М. Они представляли народ Франции. К истории французских интернационалистов. 1918–1920 гг. М.: Мысль, 1977. С. 86.

131

Зак Л. М. Они представляли народ Франции. К истории французских интернационалистов. 1918–1920 гг. М.: Мысль, 1977. С. 92.

132

Доклад С. И. Соколовской в Центральный комитет РКП(б) об истории организации и деятельности Коллегии иностранной пропаганды // Вопросы истории КПСС. 1969. № 3. С. 97.

133

Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. Т. 3. М.-Л., 1932. С. 239.

Marcel Body. Un ouvrier limousin au coeur de la rèvolution russe. Mes annèesde Russie. 1917–1927. Paris: Spartacus, 1981. P. 102, 111, 112, 141.

Loupan V., Lorrain P. L'Argent de Moskou. L'histoire la plus secrete du PCF. Paris, 1994. P. 254–255.

136

РГАСПИ. Ф. 502. Оп. 1. Д. 7. Л. 61.

137

Деготь В. В «свободном» подполье (Воспоминания о подпольной работе за границей в 1919–1921 годах). М. — Пг.: Государственное издательство, 1923.

Деготь В. Под знаменем большевизма… 1931. С. 214.

139

РГАСПИ. Ф 17. Оп. 100. Д. 69268. Л. 14.

Деготь В. Под знаменем большевизма… 1931. С. 227.

Деготь В. Под знаменем большевизма… С. 247.

142

РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 156. Л. 17.

143

Во всех изданиях своих мемуаров В. Деготь писал, что уехал из Одессы в декабре 1919 года, а приехал в Италию в январе 1920 года, но это явная ошибка, учитывая даты XVI съезда ИСП в Болонье.

Marcel Body. Un ouvrier limousin au coeur de la rèvolution russe. Mes années de Russie, 1917–1927. P. 159.

145

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 276. Л. 16.

146

См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 2628.

147

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 549. Л. 2.

Деготь В. В «свободном» подполье. С. 52.

149

Общее дело. № 299. 11 мая 1921.

150

РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1610. Л. 4.

151

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 255. Д. 967.

152

«Рабочий край». № 1388. 11 августа 1922.

153

Рабочий край. № 1390. 13 августа 1922.

154

Деготь В. Перед развертывающимися событиями // Труд (Иваново-Вознесенск). 1923. № 2, февраль. С. 6.

155

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 20960.

156

РГАСПИ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

157

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 86. Л. 28–33 об.

158

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996. С. 352.

159

РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1409.

160

На могильной плите Г. Л. Шкловского на Донском кладбище Москве в качестве даты смерти неверно указан 1939 год.

161

ГА РФ. Ф. 102,1909. Оп. 239. Д. 6. Ч. 29. Л. 6.

162

ГА РФ. Ф. 102, 1909. Оп. 239. Д. 6. Ч. 29. Л. 38.

163

ГА РФ. Ф. 102, 1910. Оп. 240. Д. 6. Ч. 40. Л. Б. Л. 2-25.

164

ГА РФ. Ф. 102, 1910. Оп. 240. Д. 6. Ч. 40. Л. 48.

165

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 4573. Л. 50.

166

ГА РФ. Ф. 102, 1911. Оп. 241. Д. 5. Ч. 32. Л. 39.

167

ГА РФ. Ф. 102, 1911. Оп. 241. Д. 5. Ч. 32. Л. 38.

РГАСПИ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

169

РГАСПИ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 67. Л. 223.

170

РГАСПИ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.

171

Ветрова А. С. Всеобщий еврейский рабочий союз (Бунд) в 1917 году// Сб. «Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917–1922». Ч. 1. М., 1977. С. 100.

См., например: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 4573. Л. 51.

173

РГАСПИ. Ф. 271. Оп. 2. Д. 48, дело не нумеровано.

Рафес М. Г. Два года революции на Украине. Эволюция и раскол «Бунда». М.: Государственное издательство, 1920. С. 144.

175

Троцкий Л. Д. Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 290.

176

См.: Киевский коммунист. 22 февраля 1919. № 25; Большевик. Киев, 6 мая 1919. № 20.

177

РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–28, 37–38.

178

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 353а. Л. 28.

Brouè Pierre. Histoire… P. 216.

180

РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 21. Л. 22.

181

РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 21. Л. 22.

182

Поль К. Германия накануне Октября (Очерки). М.: Красная новь, 1923.

183

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 245. Картон 4. Д. 3. Л. 8—10 об.

Коминтерн и идея мировой революции. С. 473–474.

185

РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 21. Л. 48.

Коминтерн и идея мировой революции. С. 430–431.

187

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 70. Л. 3.

V Всемирный конгресс III Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Часть 1. М., 1924. С. 225.

189

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 548. Л. 232.

190

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 150. Л. 14.

191

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 150. Л. 14.

Бродский Е. А. Это известно немногим. Красногорск, 1996. С. 261–262.

193

В автобиографии, предназначенной для ИККИ, Морис Торез писал: «Я работал чернорабочим на стройке, затем вплоть до оккупации Рура — маляром (до начала 1923 г.), когда меня ввели в руководство федерации ФКП департамента Па-де-Кале. С тех пор я — освобожденный партийный работник». См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 270. Д. 82. Л. 220.

Бывшие личные секретари Мориса Тореза Виктор Жоанес и Жорж Коньо писали, что тот стал секретарем федерации департамента Па-де-Кале, то есть кадровым партийным работником, «в середине 1923 года» (*Ж. Коньо, В. Жоанес.* Морис Торез — человек, борец. М.: Прогресс, 1975. С. 11.). Но и в этом случае назначение состоялось без участия Абрама Гуральского.

Речь идет о Сюзанне Жиро, Альбере Трене, Жаке Дорио, Марселе Кашене, Гастоне Монмуссо.

195

Cogniot Georges. Parti pris. Cinquante-cinq ans au service de l'humanisme rèel. Paris, 1976. T. 1. P. 108.

Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории. Минск: Харвест, 2004. С 349.

«Bulletin communiste». 30 mai 1924. P. 529–531.

198

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 150. Л. 21.

199

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 150. Л. 21.

200

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 150. Л. 34–35.

201

Документ подписан «одним из секретарей Коминтерна» без указания фамилии. См.: РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 150. Л. 44.

202

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн:1919–1943 гг. Документы. С. 287.

203

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 1. Л. 23–25.

204

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 150. Л. 62–63.

1 Цит. по: *Pannè Jean-Louis.* Boris Souvarine. Le premier desenchantè du communisme. Paris: Editions Robert Laffont, 1993. P. 153–154.

«L’Humanitè». 20 janvier 1925.

207

РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 1. Д. 231. Л. 202–205.

Лепти А. Французская компартия после съезда в Клиши // Коммунистический Интернационал. 1925. № 3 (40). С. 130.

209

Речь идет об Анри Робинсоне (1897–1944) — в то время работавшем под псевдонимом «Наггу» в Орготделе Коминтерна, а позже возглавившем резидентуру советской разведки в Париже.

210

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 549. Л. 32.

211

Пашуканис Е. Б. (1891–1937) — с ноября 1936 года — заместитель наркома юстиции СССР. Освобожден от должности 23 января 1937 года. 4 сентября 1937 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к расстрелу с конфискацией имущества.

212

Эверт Артур (1890–1959) в 1925–1929 гг. являлся членом политбюро и секретариата ЦК КП Германии.

213

Имелась в виду Русакова (наст. фам. Иоселевич) Любовь Александровна (1898–1984), жена Виктора Сержа, работавшая в 1925–1926 годах в Париже по линии Отдела международной связи ИККИ.

214

РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 6. Л.3.

215

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 4573.

216

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 78449.

217

См.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 3. С. 60–72. Фактически под «Заявлением» было 84 подписи.

218

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 162. Л. 156–157. В письме упоминаются Рут Фишер и Аркадий Маслов, пользовавшийся псевдонимом Макс.

219

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 162. Л. 143–145. В письме упоминаются Лев — Троцкий, Карл — Радек, а также исключенный из РКП(б) за связь с нелегальной «Рабочей Правдой», позже примкнувший к «ленинградской оппозиции» Яцек и члены КП Германии Бец и Иван Кац.

220

См.: «Правда». 3 июня 1928 года.

221

Правда Востока. 18 марта 1929; 1 мая 1929 года.

222

РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 101. Л. 77.

223

Из неопубликованного отрывка № 6 воспоминаний В.М. Турока-Попова, хранящихся в частном архиве.

224

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 215. Л. 137.

225

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 193. Л. 40.

Кстати, в том же доме, что и А. Я. Гуральский, но только этажом выше жил Гидлевский Кенсорин Иосифович — член самой «долголетней» троцкистской группы, возглавлявшейся Ю. Гавеном. К. Гидлевский был арестован 14 марта 1936 года и расстрелян 4 октября того же года.

227

Лурье М. И. (Эмель Александр) (1897–1936), член КП Германии с 1920 года. Участвовал в зиновьевской и веддинской оппозициях в 1925–1927 гг. В 1933–1934 гг. — сотрудник ИККИ, с 1934 года — профессор МГУ. Расстрелян 25 августа 1936 года по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра».

228

Петермейер Карл (род. в 1899 г.) в Германии работал под непосредственным руководством А.Я. Гуральского, с 1931 года работал в Институте красной профессуры экономистом-редактором. Репрессирован.

229

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 17. Д. 7. Л. 14–15.

230

Возможно, в тексте опечатка и речь идет об уже упоминавшемся Борисе (он же Янкель-Берка) Абрамовиче Бреславе, в 1918–1919 годах — председателе Московской ЧК, в 1920–1924 годах — заместителе командующего войсками МВО и начальнике политуправления округа, с 1929 года — торговом представителе во Франции, с 1930 года — заместителе полпреда во Франции и с 1935 года — персональном пенсионере. Б. Бреслав в октябре 1923 года подписал «Заявление 46-ти» в политбюро ЦК РКП(б). 21 апреля 1938 года определением Военной коллегии Верховного Суда СССР он был осужден к расстрелу. В советской литературе в качестве даты смерти Б.А. Бреслава неверно указывался 1942 год.

231

Сообщено К.А. Антоновой в беседе с автором книги.

232

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 399. Л. 137–138.

См.: *Гуральский А.* Внутригерманская обстановка возникновения гитлеризма // Исторический журнал. 1943. № 2;

Гуральский А. Из истории пангерманизма // Исторический журнал. 1945. № 5.

234

Адам Вильгельм. Трудное решение. М.: Прогресс, 1972. С. 381.

235

Отдел рукописей РГБ. Ф. 469. Картон 4. Д. 19. Л. 1 об.

236

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 930. Л. 141–142.

Павел Судоплатов. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 66, 98–99, 209–210, 341, 351.

238

Когда в телефонном разговоре автор книги спросил Платона Иосифовича Набокова, помнит ли он Абрама Гуральского, тот ответил утвердительно, но тут же осведомился, а не был ли Гуральский ранее членом партии? «Да, был». — «А, тогда понятно, почему мы его сторонились…»

239

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 11612.

240

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 49711. В заведенном Отделом кадров ИККИ на Б. Д. Михайлова личном деле указана ошибочно иная дата — март 1912 года.

241

Лариса Рейснер. Фронт. 1918–1919. М.: Красная новь, 1924.

См.: «Известия ЦК КПСС». 1989. № 9.

243

РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 413. Л. 1–2.

244

РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 8. Д. 23. Л. 126.

Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы, мнения, размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 373–377.

246

РГАСПИ Ф. 85. Оп. 8. Д. 23. Л. 127–127 об.

247

См.: *Vladimir L. Genis.* Les bolcheviks au Guilan // Cahiers du Monde russe, 40/3, juillet-septembre 1999. P. 459–496.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 505. Л. 72–73;

С. В. Хармандарян. Ленин и становление Закавказской федерации. 1921–1923. Ереван: Айастан, 1969. С. 260.

Humbert-Droz J. De Lénine á Staline. 1921 —193L Neuchátel, 1971.

P. 201–208.

250

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 444. Л. 9.

251

РГАСПИ. Ф. 498. Оп. 1. Д. 506. Л. 5–6.

252

РГАСПИ. Ф. 498. Оп. 1. Д. 506. Л. 5–6.

253

Стен Ян Эрнестович (1899–1937) — член партии большевиков с 1914 года, в 1924–1927 гг. — заведующий сектором пропаганды Агитационно-пропагандистского отдела ИККИ. На XIV и XV съездах партии избирался членом ЦКК ВКП(б). В 1928—19301 т. — заместитель директора Иститута К. Маркса и Ф. Энгельса. Являлся консультантом И. Сталина по философским вопросам. С 1932 года занимал пост профессора Института красной профессуры. Был близок к Н. И. Бухарину, позже примкнул к группе М. Н. Рютина, получившей название «Союз марксистов-ленинцев». В сентябре 1932 года доставил на дачу Г. Зиновьеву и Л. Каменеву экземпляр «платформы» М. Н. Рютина, за что был арестован, исключен из партии и По постановлению ОГПУ от 11 октября 1932 года отправлен в ссылку в город Акмолинск, где работал эконом истом-плановиком. В 1934 году — восстановлен в ВКП(б), работал в редакции Большой советской энциклопедии. В 1936 году — второй раз арестован, расстрелян.

Ян Стэн был в командировке в Праге в мае — августе 1925 года.

254

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 26. Л. 29.

255

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 388. Л. 4–5.

256

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 388. Л. 4–5.

257

Муна, Алоис (1886–1943) — один из первых руководителей КП Чехословакии, исключен из партии в 1929 году.

258

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 388. Л. 8–9.

259

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 546. Л. 182.

260

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 546. Л. 10.

261

Кризис в чехословацкой партии // Коммунистический Интернационал. Апрель 1925. № 4. С. 46–47.

262

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 388. Л. 38.

263

Название книги указано неверно.

264

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 3946. Л. 169.

265

Речь шла о члене ЦК ФКП и секретариата ЦК КСМФ Франсу Шассене и о Жаке Дорио.

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 546. Л. 61; Д. 553. Л. 40.

267

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 553. Л. 41.

268

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 26. Л. 11.

Courtois Stéphane, Lazar Marc. Histoire du Parti communiste français. Paris, Presses Univer: toires de France, 1995. P. 94.

Ferrat A. Histoire du Parti communiste français. Paris: Bureau d'éditions, 1931. P. 143, 172, 185.

См.: «Cahiers du Bolchévisme». № 35. Janvier 1926.

Cogniot Georges. Parti pris. T. 1. P. 97.

«Cahiers du Bolchévisme». № 47. 15 avril 1926. P. 923.

РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 107. Л. 14.

275

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 55. Д. 3. Л. 23.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 464а. Л. 8-12.

277

РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 199. Д. 6810 (том 2).

279

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 60. Д. 231. Л. 1.

280

Комин-Александровский М. А. (1884–1968) — член РСДРП с 1900 года. В 1909 году нелегально выехал в Германию, после переехал в Аргентину. В 1921–1922 годах представитель Коминтерна и Профинтерна в Аргентине. В 1922 году вернулся в Россию.

281

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 60. Д. 231. Л. 2.

Humbert-Droz J. Op. cit. P. 268–269. В книге псевдоним Вильямс — Williams ошибочно приписывается Гуральскому, к тому времени уже не работавшему в Коминтерне.

283

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 491. Л. 3–5.

Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М.: Наука, 1998. С. 62.

285

Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М.: Наука, 1998. С. 58–61.

Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М.: Наука, 1998. С. 71.

287

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 60. Д. 231. Л. 12.

288

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 33а. Л. 2.

289

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 33а. Л. 17.

290

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 33а. Л. 17.

291

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 60. Д. 231. Л. 13.

292

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 101. Д. 3. Л. 314–315.

293

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 60. Д. 231. Л. 13.

294

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 101. Д. 10. Л. 35.

295

Гончаров В. М. Камарада Викторио (О Викторио Кодовилье). М.: Политиздат, 1980. С. 71–72.

296

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 33а. Л. 63.

297

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 24. Л. 19.

298

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 24. Л. 17.

299

РГАСПИ. Ф. 495. Ош 79. Д. 33а. Л. 32.

300

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 6. Д. 44. Л. 96–98.

301

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 101. Д. 10. Л. 41.

302

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 33а. Л. 96.

303

См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 37. Д. 20.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 274. Д. 206. Л. 101,

305

См.: «Новая и новейшая история». 2000. № 6. С. 198.

См.: РГАСПИ. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2621.

Вильямс. Движение ветеранов в Соединенных Штатах) / Коммунистический Интернационал. 20 августа 1932. № 23. С. 46–51.

Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. С. 169.

309

Димитров Георги. Дневник (9 марта 1933 — 6 февраля 1949). София, 1997. С. 97.

См.: *Kriegei A., Courtois St.* Eugen Fried. Le grand secret du P. C. F. Paris: Seuil, 1997. P. 229.

311

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 645, 649.

312

См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 353а. Л. 17; Ф. 495. Оп. 65а. Д. 9660.

Фрадкин В. Дело Кольцова. М.: Вагриус, 2002. С. 101, 115.

314

Отдел рукописей РГБ. Ф. 673. Картон 44. Д. 54. Л. 1.

315

РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 2. Д. 260. Л. 18.

316

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 41. Д. 2. Л. 214.

Отечественная история. 1996. № 6.

318

Правда. 1937. 31 декабря.

319

Куусинен Айно. Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919–1965 / Пер. с финск. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 119.

Коминтерн имел свою собственную партийную организацию в структуре ВКП(б), подчинявшуюся в 1937–1938 гг. номинально сначала Киевскому, затем Ленинскому, потом опять Киевскому, а с марта 1938 г. Ростокинскому районному комитету партии г. Москвы.

321

Агранов Яков Соломонович (1893–1939) — член партии большевиков с 1915 г. С мая 1919 г. — особоуполномоченный при Президиуме ВЧК, с 1933 г. — заместитель председателя ОГПУ (заместитель наркома внутренних дел СССР). В 1937 г. арестован, репрессирован.

322

Куусинен Айно. Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919–1965 / Пер. с финск. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 146.

323

См.: Возвращенные имена: Сборник публицистических статей. Кн. 2. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1989. С. 69–71.

См.: Фирсов Ф. И., Яжборовская К. С. Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11. С. 23.

325

См.: *Троцкий Л. Д.* Коммунистический Интернационал после Ленина (Великий организатор поражений). М.: Спартаковец, Принтима, 1993, С. 285.

Микунис Самуил. Прозрение // Время и мы. Альманах литературы и общественных проблем. М.: Нью-Йорк, 1990. С. 309.

Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 45.

Иогансон О. И. Дорогой борьбы (Очерк о жизни и деятельсти М. А. Трилиссера). М.: Издательство полит, литературы, 63. С. 45.

329

См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. С. Д. 91.

См.: *Роговин В. З.* Власть и оппозиции. М., 1993. С. 48–50.

331

РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 17. Д. 3064. Л. 28.

332

РГАСПИ. Ф. 508. Оп. 1. Д. 83. Л. 1.

Доклад на XII Конференции РКП(б).

Статья эта, послужившая основой для резолюции ИККИ, была написана до совещания с германскими товарищами.